

СОВРЕМЕННОК

SOVREMENNİK

No. 41

ТОРОНТО

СОВРЕМЕННОК

ЖУРНАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой,
Что с гордостью я всем сказать могу, я — русский.
Что пламенем одним с Россией я горю.

Аполлон Майков

1979

№ 41

1979

Торонто

Канада

СОВРЕМЕННОК

ОСНОВАН ПРОФ. Л. И. СТРАХОВСКИМ

в 1960 г.

Главный Редактор с 1963 по 1975 гг. – В.Л.Савин.
Главный Редактор с 1975 по 1979 гг. – Л.Е.Фабрициус.

Журнал издает Редакционная коллегия

Главный Редактор – А.Г. Гидони
Ответственный Секретарь – Г.А. Румянцева

Subscription prices:

For institutions – \$20.00

Individual subscriptions – \$15.00 for 4 issues.

Senior citizens – \$12.00 per year.

Single copy – from \$5.00 to \$10.00

Copyright © 1979 by The 'Sovremennik' Publishing Ass'n Inc.

Sovremennik Publishing Ass'n Inc.
9 Garnet Ave., Toronto, Ont. M6G 1V6

Sovremennik

C O N T E N T S

Contents in English.....	3
Summary	5
L. Fabricius. The Comeback. Novel	6
M. Volkova. A poem	23
Kastus Akula. The land is yours. Excerpt from a novel	24
V.Pereleshin.The poem without a topic. Song number four.....	29
Alexander Guidoni. The Sludge. Novelette.....	59
E. Vertlib. Poem.....	89
Alexander Udodov. The wonderful Sweden. Sketch.....	90
D. Nadezhdin. Two poems.....	95
I. Siniavin. To a creative man. Memoirs.....	96
Natalla Arsiennieva. Poems. Translated from Byelorussian.....	108
Kastus Akula. About Natalla Arsiennieva.....	113
L. Gendlin. The executed fifty years.....	115
V. Ingul. Two poems	123
D. Nadezhdin. The flying man. Story	125
Arkadiy Steinberg. Victory day. Poem.....	127
P. Boldireff. The false lie. About one Leningrad happening.....	128
A. Guidoni. Poems of different times	136
V. Kozakov. The formula of prose.....	140
Y. Grigorov. Herostrat from 'Grani'	150
Congratulations to Z. A. Shakhovskaya.....	161

The Literary Heritage

T. Pachmuss. Vera Bulich, Russian poet in Finland	162
C. Kuleshov. Remolded polyphony in Petty demon of Sologub...169	

F O R U M

J. Gurvitch. Magazine 'Continent' and the National Question	179
V. Ghindin. What is needed for the coming of Christ.....	185
Letters to Editor. Editor's reply.....	192
M. Stennik. Political petty demon.....	201
A. Udodov. Reply to Siniavin.....	203
N. Tetenov. Victim of provocation.....	205
R. Chertogonov. Erudition of Mr Maximov.....	208
I. Siniavin. National Russia or empire?	209
The Chronicle.....	214

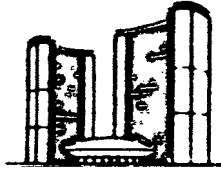
Canada

'Canadian' poem of Valeriy Briusov.....217
Sovremennik and the programme of 'multiculturalism' 219
S. Mughe. Hybrid. Correspondence from Montreal.....220
G. Rumiantseva. Niagara. Poem.....222
A. D. And why not Sasha? Satirical sketch.....223

Bibliography

Lev Fabricius, Vladimir Rudinsky, O. Potapenko, Mikhail Beliy
A. Guidoni, Galina Rumiantseva 226-238

Advertisements 238-240
Contents in Russian 241
Correction of Errors.....243

S U M M A R Y

The current issue of *Sovremennik* contains the final chapters of L. Fabricius's novel *The Comeback*, and the novel of A. Guidoni *The Sludge*.

The excerpt from K. Akula's novel *The Land is Yours* presents a picture of life in war-torn Byelorussia. This is the third book of K. Akula's novel *Haravatka*.

Igor Siniavin in his book *To a Creative Man* narrates about the Leningrad's artists opposition against the Soviet regime.

The issue includes two chapters of L. Gendlin's *The Executed Fifty Years*. They picture the difficult life of the Soviet rear-zone during the 2nd World War.

V. Pereleshin, Russian poet living in Brazil, continues with his extremely interesting Poem Without a Topic.

Poems of Byelorussian poetess Natalla Arsiennieva, translated by A. Guidoni, are presented for the first time in Russian in *Sovremennik*.

The modernist poet and writer V. Kozakov, who lives in Moscow, presents his *Formula of Prose*.

Forum contains polemics related to V. Ghindin's *What is Needed for the Coming of Christ*.

J. Gurvich and I. Siniavin devote their attention to the national minorities problems within the USSR.

Chapter *Canada* contains some interesting material.

L. Fabricius, V. Rudinsky, O. Potapenko, M. Belyi, A. Guidoni, G. Rumiantseva contribute to the *Bibliography* chapter.

ВОЗВРАТ

(Окончание. Начало в номерах 33-34, 35-36, 37-38, 39-40)

– Что майор все еще в восточном Берлине – в этом мы уверены, – говорил Зейдле Монике и Генриху. – Кто-то из его друзей звонил в Виттбах и сообщил, что он в Берлине и старается перейти в американский сектор. Альбрехт ответила, что мы будем ждать майора завтра, с шести часов утра, у пункта Чарли, но в советском секторе. Надеюсь, что мы сможем вывезти его без особых затруднений. – Зейдле помолчал и добавил: – Но я уверен, что майор туда не явится... – Почему? – спросил с изумлением Генрих. – К чему тогда наша поездка в русский сектор, каким образом майор сумеет ускользнуть оттуда? – Я не могу дать вам точного ответа, доктор, – сказал Зейдле. – Все это построено на предположениях. – Я в ваших предположениях ничего не понимаю, – взмолилась Моника, – но скажите мне просто и откровенно, есть ли у папы шансы вырваться из восточного Берлина? – Вид у Моника был такой утомленный, что даже Зейдле почувствовал какую-то жалость: – Не беспокойтесь, барышня, – сказал он, кладя свою сухую руку ей на плечо, – все будет хорошо. Ваш отец человек опытный, он тоже учитывает все возможности. У него есть друзья, телефонный вызов из Берлина это доказывает. Он осторожен и себя не выдаст. – Моника с благодарностью взглянула на Зейдле.

– Хорошо, – спросил Генрих, – что же мы теперь должны делать? – Пока что, абсолютно ничего, – ответил Зейдле. – До шести часов утра по крайней мере. Пойдите в ресторан, пообедайте и ложитесь пораньше спать. Вас, к сожалению, мы завтра с собой взять не можем, – обратился он к Монике. – Почему, господин майор? – удивилась та. Зейдле немного замялся. – Как вам объяснить?.. Тут надо действовать быстро и решительно. Малейшая заминка может привести к неожиданным последствиям. Всяческие проявления эмоций исключаются, а этого требовать от женщины трудно. Если майор явится на пункт "Чарли", то мы должны с доктором усадить его в машину и увезти как можно скорее. Это будет походить на похищение, с согласия похищаемого, конечно, – добавил он, усмехаясь. – Но самое главное, это должно произойти без малейшей заминки. Когда майор будет в нашей машине, едва ли товарищи его из нее вытащат. Слишком большой скандал, да еще на глазах американцев, на это они не пойдут. А вот схватить его, когда он будет подходить к нашему автомобилю, это другое дело. Мы ничем ему помочь не сможем, даже если это произойдет буквально в пяти шагах от нас. Вот почему я очень сомневаюсь, чтобы майор явился на пункт "Чарли", – пояснил он.

* * *

Зейdle был прав, когда говорил Монике, что ее отец опытный человек, но он ничего не сказал ей о сложности положения, в котором ее отец находился. А положение было на самом деле серьезное. — Если бы я знал, где граница секторов, — думал Фалькенхорст, медленно идя по улице, — всё было бы просто, можно было бы попытаться проскользнуть на другую сторону, а теперь?.. Штейнбергу не позвонишь — "товарищи" будут прослушивать, — это ясно. Спросить у прохожих — так неизвестно, на кого нарвешься... Насчёт этого дурацкого "Чарли" тоже. Вполне возможно, что вся эта история с черным "мерседесом" уже известна русской комендатуре. Если пробовать перейти где-то на другом пункте, то какие-то документы надо предъявить, а где они у меня?.. — Им-то хорошо, — подумал с раздражением Фалькенхорст, — с шести часов утра будем вас ждать, — передразнил он кого-то. — А как мне переждать до этих шести часов? В гостиницу не пойдешь, нет документов. Ночью по улицам ходить — это самоубийство, обязательно на кого-нибудь натолкнешься... Но в панику тоже нельзя впадать. Страх — плохой советник. Пойду куда-нибудь в ресторан и пообедаю. А в ресторане, по крайней мере, проведу не меньше часа...

Фалькенхорст давно не проводил ночь так "оживленно". Непосвященному наблюдателю могло бы показаться, что этот человек желает познакомиться с ночной жизнью города. Конечно, посещение им публичной библиотеки-читальни, в которую он зашел сразу же после обеда в ресторане, просидев там, читая газеты, до десяти часов вечера, едва ли можно было бы занести в рубрику "ночная жизнь Берлина", но зато его последующие посещения трех кинотеатров и пивной, из которой он вышел под утро усталый и заросший утренней щетиной, подходили под эту рубрику безусловно.

— Так, — сказал он сам себе, выходя из пивной, — шесть часов. Черный мерседес министерства иностранных дел находится в пункте "Чарли". Прекрасно. Где этот пункт — одному Богу известно.

Он огляделся кругом, на улице не было ни души. — Разгуливать сейчас не рекомендуется. Даже ничего не подозревающий полицейский может мной заинтересоваться. — Фалькенхорст медленно пошел по улице. — А, вот это кстати, — подумал он, увидев на стене надпись "Публичная уборная". Он сошел по ступенькам в плохо освещенный подвал, прошёл длинный ряд кабинок и открыл дверь самой последней из них. — Куда же теперь? — подумал он через несколько минут, выходя из кабинки и закрывая за собой дверь. — Куда? — повторил он, — да куда!.. Если они ищут меня на вокзалах и станциях подземки, то в публичных уборных едва ли станут искать. Он вернулся в кабинку, запер дверь, закрыл туалет крышкой и уселся. — Если услышу, что кто-то ходит, пошелешу бумагой и спущу воду, — подумал он, начиная дремать...

* * *

— ...Есть, товарищ генерал, — говорил Голенищев в телефонную трубку. — В успехе я не сомневаюсь. Мы установили личность его бывшего сослуживца, наши люди были у него на квартире под видом служащих газовой компании, но Фалькенхорста там не было. Зато он звонил этому сослуживцу, его фамилия Штейнберг, прося сообщить семье в американской зоне,

что он находится в Берлине и старается перейти в американский сектор. Штейнберг позвонил в Виттбах, говорил по телефону с какой-то женщиной, и та ему сказала, что автомобиль их министерства иностранных дел будет ждать Фалькенхорста завтра с шести часов утра в нашем секторе около пункта "Чарли". Штейнберг передал это Фалькенхорсту, когда тот ему позвонил опять через полчаса. Там мы его и задержим. Да, да, я понимаю, товарищ генерал. Как же, военный преступник, организация лагерного террора, убийство... Нет, я вполне уверен... Есть доложить, товарищ генерал. – Голенищев положил трубку телефона.

– Вот что, – сказал он входящему в кабинет дежурному офицеру, – немедленно прикажите "Максу" быть у пункта "Чарли" завтра в пять часов утра. Пусть захватит Шолтиса с собой. Пошлите туда же трех человек в штатском в автомобиле. Так, так, – усмехаясь, произнес Голенищев, – черный мерседес, министерство иностранных дел, интересно ... Вот тут мы его и прихлопнем!..

* * *

– Похоже, что наши коллеги опередили нас, – насмешливо сказал Зейдле Генриху, кивая в сторону двух автомобилей, запаркованных у тротуара недалеко от шлагбаума. – Будем держаться подальше от них, – сказал он, останавливая машину. – М-м-м, – промычал он, – целых пять человек прислали. Одна надежда, что майор найдет какой-то другой способ, – начал он и оборвал фразу. – А сколько их здесь еще поблизости шатается... – Генрих взглянул на часы: было без пяти минут шесть.

* * *

Усталость взяла свое и Фалькенхорст проспал более двух часов в своем странном убежище. Проснулся он еще более разбитым и усталым. Он вышел на улицу и опять перед ним встал вопрос: как выбраться из этого заколдованного круга? – Возьму такси, – решил он, останавливаясь у перекрестка.

– Пункт "Чарли", пожалуйста, – сказал Фалькенхорст пожилому шоферу такси, усаживаясь рядом с ним. – Это далеко? – поинтересовался он, когда машина тронулась. – Нет, всего четыре квартала отсюда, – ответил таксист и спросил в свою очередь: "Вы не здешний?" – Нет, – неохотно ответил Фалькенхорст, – я только сегодня приехал в Берлин.

После некоторого раздумья он добавил: "Когда будем подъезжать к пункту, не сворачивайте к нему, а проезжайте мимо. Хорошо?" – Таксист кивнул головой.

Перед площадью таксист слегка замедлил ход и Фалькенхорст мог отчетливо видеть и шлагбаумы, и движущиеся в противоположные стороны два потока пешеходов и машин, даже и людей в военной форме. Увидел он и черный мерседес, неподвижно стоявший у тротуара, а также две другие машины, запаркованные недалеко от мерседеса. Возле них прогуливалось трое молодых людей...

– Поезжайте дальше, – сказал Фалькенхорст шоферу. – Куда? – спросил тот. – Все равно, куда. Подальше отсюда, – ответил Фалькенхорст сдавленным голосом. Шофер внимательно посмотрел на него и прибавил

газу. Проехав несколько кварталов, он остановил машину и спросил Фалькенхорста: "Простите, может, я суюсь в чужие дела, но мне кажется, что вы хотите попасть в американский сектор и боитесь, что вас могут задержать при переходе. Правильно я догадался?" Фалькенхорст молча кивнул. — Хорошо, — сказал таксист, — я попробую помочь вам. — Машина двинулась.

Дорога показалась Фалькенхорсту бесконечной: никогда не думал он, что Берлин — такой огромный городище. Оба молчали: и таксист и его пассажир. Наконец, таксист свернул в узкую улочку. — Сейчас мы остановимся у одного дома. Он выходит на две улицы. Одна из них — с той стороны — называется Бремерштрассе. Там уже французский сектор. Пройдите в подъезд, потом пересеките двор. Здешний дворник — очень рассеянный человек, он часто забывает запирать ворота... На Бремерштрассе не задерживайтесь, идите дальше на запад. Да идите же, — прикрикнул он, когда Фалькенхорст полез было в карман за кошельком. Они обменялись рукопожатием и Фалькенхорст вылез из машины. Все было так, как объяснил его неожиданный спаситель: ворота оказались не запертыми. Он вышел на Бремерштрассе. Ему не верилось, что его эпопея кончилась, но он понимал, что находится уже в другом мире — не только в другом секторе города. Богатые витрины магазинов, вид хорошо одетых, оживленно разговаривающих людей, очень много машин на улицах... — Да, это другой мир, — подумал Фалькенхорст и неожиданно вспомнил, что он еще с утра ничего не ел. — Однако до обеда, — решил он, — надо зайти в парикмахерскую. В капиталистическом мире небритыми не ходят...

Но вот с его собственным "капиталом" дела обстояли неважно. Он пересчитал деньги и задумался. Поеду-ка я на аэропорт, позвоню оттуда Луизе и телеграфом запрошу денег. Тем более, что подсознательно его не покидало ощущение опасности даже здесь, в Западном Берлине.

* * *

Темпельгоф выглядел внушительно, но Фалькенхорсту было не до любования аэропортом. В голове его созрела новая идея. Почему бы не попробовать раздобыть деньги в долг? Билет не Бог вещь что стоит... Ну, откажут — буду сидеть здесь, пока Луиза не пришлет денег... Он пошел в дирекцию "Люфтганзы", где все устроилось неожиданно очень легко. — К нам нередко обращаются с подобными просьбами, — сказал ему пожилой господин, оказавшийся заместителем администратора. — Думаю, репатриантам мы должны помогать, — сказал он Фалькенхорсту и протянул необходимые для заполнения бумаги. Через полчаса Фалькенхорст оказался в салоне самолета, вылетающего в Бонн.

* * *

— Что-то случилось, — сказал Зейдле, взглядывая на часы. — С шести утра сидим здесь, а майора все нет. Или его арестовали, или он сам сумел уйти из советского сектора, заметив что-нибудь неладное... Негромкое жужжание телефона не дало ему договорить. — Да, да, — несколько раз сказал в трубку Зейдле, — мы возвращаемся. Сообщите об этом госпоже Фалькенхорст, но осторожно. — Зейдле медленно положил трубку. —

Что случилось? — спросил Генрих. — Арестовали Фалькенхорста? — Господин майор Эрих фон Фалькенхорст изволили отбыть самолетом из Берлина в Бонн, — торжественно произнес Зейдле и расхохотался. — Я же говорил вашей невесте, что ее отец — человек опытный. От врагов ускользнуть, потом от друзей!.. Замечательно, честное слово!.. — Зейдле включил мотор и выехал на середину улицы. — Господин майор, — вполголоса сказал Генрих, внимательно вглядываясь в двух людей, сидевших в первой машине, — я уверен, что это Шолтис!.. Вон там, на правом сиденье... — Он опять посмотрел на сидевших в автомобиле и уверенно добавил: "Да, это он сидит". — Ну что ж, — процедил Зейдле, останавливая машину у шлагбаума, — ему придется сидеть довольно долго...

* * *

Кто-то нервно постучал в дверь. — Войдите, — сказал Голенищев, не поворачивая головы. Вошел дежурный офицер. Было заметно, что он взволнован. — Товарищ полковник, — торопливо сказал он. — Фалькенхорст на аэродроме, вылетает в Бонн. Десять минут тому назад он звонил в Виттбах. Вот запись разговора. — Он протянул листок бумаги. — Так, — медленно произнес Голенищев. — Улетела птичка, прошляпили... — Один из телефонов на его письменном столе зазвонил. — Да, да, — отозвался Голенищев, — уехали, говорите?.. Что ж, если Фалькенхорст улетел из Берлина, зачем им оставаться? Чтобы любоваться на вас и этого идиота Шолтиса? Как улетел, спрашиваете? Да как все летают, приехал на аэродром, сел в самолет и полетел. Ясно, черт вас возьми?.. — Голос в трубке заговорил. — Нечего оправдываться, — раздраженно ответил Голенищев. — Операция была поручена вам и вы ее блестяще провалили. Теперь не хватает только, чтоб вы еще упустили Шолтиса. Сообщите Максусу, чтобы он привез этого дурака сюда и предъявите ему обвинение в убийстве полковника, как его, черт?.. Да, полковника Зильберта... В организации лагерного террора и укрывательстве военного преступника. Это все. — Полковник Голенищев, герой Советского Союза и кавалер многих орденов, бросил телефонную трубку, вынул платок и начал вытирать лицо. Обычно оно красное, мясистое, оно было сейчас темно-багрового цвета, Дежурный офицер тревожно взглянул на полковника. — Кажется, его кондратий хватит, — подумалось ему.

Голенищев нерешительно поднял трубку телефона и сказал: "Дайте Москву, Комитет, номер триста семнадцать..."

* * *

По воспоминаниям дом казался больше и перед ним должны были расти астры на клумбах, но в действительности он был много ниже и цвели перед ним георгины вперемежку с хризантемами. — Вам придется немного подождать, — сказал Фалькенхорст шоферу такси, бросив взгляд на счетчик. Он вылез из машины, поднялся на веранду дома и позвонил.

— Господин фон Фалькенхорст? — спросила открывшая дверь пожилая женщина. — Да, я Эрих фон Фалькенхорст, — подтвердил он. — Где моя жена и дочь? — Госпожа фон Фалькенхорст отдыхает, а ваша дочь будет дома часа через полтора. Я осталась на это время с вашей супругой. Ме-

ня зовут Альбрехт. — Что с моей женой? — встревоженно спросил Фалькенхорст, — она больна? — Она почти поправилась, — спокойно ответила Альбрехт. Никаких причин для опасений... Что же я держу вас в передней? — вдруг спохватилась она. — Проходите, пожалуйста... — Конечно, — пробормотал Фалькенхорст. — Только мне надо расплатиться за такси, а денег... — Предоставьте это мне, — перебила его Альбрехт. — Она вышла на улицу и через минуту вернулась с квитанцией. — А теперь идемте пить чай. Или вы предпочитаете кофе?

— А где же Моника? — спросил Фалькенхорст, следуя за Альбрехт. — Поехала в Берлин встречать вас. Она должна вернуться, узнав, что вас нет в Берлине. — А как она это узнает? — Альбрехт слегка задумчиво посмотрела на майора. — Видите ли, господин фон Фалькенхорст, советские власти узнали, что в плену вы проживали под чужой фамилией. Чтобы помочь вам перейти на Запад, в Берлин выехало несколько человек, и ваша дочь поехала с ними. Этим людям известно, что вы из Берлина вылетели и они возвращаются сюда. — Кто же эти люди? И кто вы? — спросил Фалькенхорст. — Я думал, что вы сиделка, но теперь в этом не уверен. — Я не сиделка, хотя и кончила курсы сестер милосердия. Я — сержант Ведомства охраны Конституции. — Фалькенхорст с интересом взглянул на нее и поставил допитую чашку чая на стол. — Я, пожалуй, пойду к жене, — сказал он.

* * *

— Сколько ей пришлось перенести, — думал Фалькенхорст, глядя на бледное лицо спящей жены, обрамленное все еще густыми, но совершенно седыми уже волосами. Теплая жалость охватила его и он почувствовал, как по щекам заструились слезы. Почувствовал и охватившую его усталость. На минуту он закрыл глаза и тут же испуганно вскочил с кресла. — А вдруг Луиза сейчас умрет! — прорезала мозг жуткая мысль. Он склонился над спящей. Словно отвечая на его взгляд, глаза Луизы приоткрылись и закрылись снова. — Умирает! — подумал Фалькенхорст, едва сдерживая крик. Глаза Луизы взглянули на него, уже молящие, полные слез, но *живые*. — Эрих! — прошептала она. Исхудалые руки потянулись к нему, словно боясь спугнуть появившийся призрак. — Это я, Луиза, это я! — зашептал Фалькенхорст, сжимая ее руки. — Я вернулся. — Луиза откинулась на подушки. — Я дождалась тебя... Бедный мой Эрих!...

— Вы же обещали, что не станете будить госпожу Фалькенхорст! — Голос Альбрехт звучал неподдельным негодованием. — Такое волнение ей может повредить. Пожалуйста, оставьте ее одну. Все хорошо и переживать вам нечего.

Фалькенхорст прошел в гостиную, где скорее угадал, чем уловил слухом, шум остановившегося у дома автомобиля. Дверь отворилась. На пороге стояла молодая девушка в летнем пальто. Увидя Фалькенхорста, она вскрикнула и кинулась ему на шею. — Папа, папа! — Моника!.. — Фалькенхорст осторожно отодвинул от себя плачущую дочь. — Дай же мне на тебя посмотреть... Взрослая барышня! — сказал он, улыбаясь. — Да и красавица к тому же!.. — А я и не думала, что у меня такой молодой отец, — с полудетским восторгом, смотря Фалькенхорсту в глаза, ответила Моника.

— Ах да, — спохватилась она затем, — позволь представить тебе господина майора Зейдле и... — она замялась на мгновение — моего жениха Генриха. — Мужчины обменялись рукопожатием.

В дверях гостиной оказалась хозяйка дома. Альбрехт была права: как и говорила она Фалькенхорсту, его приезд подействовал на Луизу лучше всех лекарств. Муж бережно усадил ее в кресло. — Что ж, предлагаю выпить за ваше возвращение, господин фон Фалькенхорст, — сказал Зейдле.

Вино было разлито и выпито, но общий разговор не клеился: все чувствовали себя измученными, а Фалькенхорстов стесняло присутствие посторонних. Зейдле, отодвинув допитую рюмку, сказал Фалькенхорсту: "Я и не подозревал, что у вас здесь такой громадный сад. У нас в Бонне ничего подобного не увидишь. — Хотите посмотреть его? — предложил Фалькенхорст, вставая. — Мне и самому любопытно по нему пройтись. Я ведь был там всего один раз, за год до войны..."

— Да, сад в самом деле громадный, — сказал Зейдле, когда они вышли из дому. На этом его интерес к саду угас, и он сказал идущему рядом Фалькенхорсту: "Я думаю, у вас есть какие-то вопросы ко мне?" — Совершенно верно, — подтвердил тот. — Во-первых, я хотел бы знать, каким образом русские докопались до моего настоящего имени, и, во-вторых, почему это случилось так поздно? Вам известно что-либо об этом? — Разумеется, — ответил Зейдле. — Донес на вас русским месяц тому назад Карл Шолтис. По не зависящим от него обстоятельствам русские не получили его письма. Тогда он лично сообщил все подробности советскому посольству в Бонне. — Фалькенхорст сделал негодующий жест рукой. — Не верю!.. Карл на это неспособен! Вы что-то напутали, а теперь сваливаете на Шолтиса. — Он остановился перед Зейдле и, смотря ему прямо в глаза, добавил: "Если вам угодно знать, Шолтис меня спас в лагере, а вы говорите, что он донес на меня!.. Зачем бы он это сделал?" — И все-таки было именно так, как я говорю, — спокойно произнес Зейдле. — Шолтис боялся, что вы не согласитесь на его брак с вашей дочерью. Еще весной у него были все шансы стать ее мужем. Все изменилось совсем недавно. Впрочем, я уверен, что ваша дочь сама расскажет вам об этом. Тогда вы убедитесь, что в моих словах элемент фантастики отсутствует начисто... — Оба они прошли несколько шагов молча. — Учтите, господин Фалькенхорст, — добавил Зейдле, — что ваша супруга ничего об этой истории не знает. И ваша дочь, и ее жених — доктор Шмитке, об этом ей не рассказывали. Поэтому не спрашивайте их о Шолтисе в ее присутствии... — Они пошли назад, по направлению к дому. — В самом деле, господин Фалькенхорст, у вас просто замечательный сад, — сказал Зейдле, когда они вернулись в гостиную...

* * *

— Да, странный он человек, — согласился с Моникой Фалькенхорст, после того, как на следующий день она рассказала ему историю с Карлом. Он не задавал дочери слишком много вопросов; мотивы поведения Шолтиса были ему ясны. Он мог бы объяснить их Монике, но не хотел, поскольку все это уже не имело никакого значения. Поэтому когда дочь все же

спросила, что толкнуло Карла на такой, несовместимый с его характером, поступок, как донос, отец пожал плечами и ответил: "Трудно сказать, девочка. Люди меняются..." Он помолчал и добавил, улыбаясь: "Расскажи мне о Генрихе."

* * *

Следующие несколько месяцев принесли Фалькенхорсту чувство удовлетворения, которое понимает лишь человек, заплативший за него цену на грани жизни и смерти. У него было все, о чем он мог мечтать. Его любимая жена, взрослая дочь, готовящаяся стать невестой, старые и новые друзья, отдых и деньги. Всем семейством съездили на курорт, нанесли несколько приятно-почетных визитов – словом, обжились вполне.

Лишь как-то вечером, когда Фалькенхорсту не спалось и тишина мягкими хлопьями воздуха опускалась в вечернюю комнату, он, умиляясь снизошедшему покою и подумав о том, как хорошо все-таки бывает чувствовать себя растворенным в этой мирной тишине, вдруг ощутил какой-то укол в сознание, какую-то неприятную чреваточинку в ускользавшем воспоминании о чем-то... О чем? – Он не мог бы точно сказать. – Но вдруг, совершенно безотчетно, без всякой, казалось бы, связи с предшествующими мыслями, он вспомнил о своем старом друге Лотаре Швандте. Ведь его отец, может быть, жив! А он даже не подумал, за всеми своими удовольствиями, попытаться разыскать его.

Что это было? Холодный эгоизм счастливого обывателя, которым он себя, впрочем, не считал? Бессознательное выталкивание из памяти всего, что связано с моральным долгом и тяжелой стороной жизни? Приезд, семья, всякие волнения – это прекрасно... Но Лотар – друг его юности, призрак того, что как бы говорило голосом залитого солнцем прошлого, где даже тучи казались светлыми, ибо это были облака молодости. Как он мог забыть о нем, умершем вмсето него? Да, да, именно так – ведь и по мыслям и по чувствам своим он – Фалькенхорст, мог разделить судьбу Лотара, окажись они рядом в нужный момент. Надо немедленно попытаться узнать все, что можно, о его родителях...

– Информация?.. Вы можете мне дать номер советника юстиции Швандта? Во время войны он проживал в Берлине, Готенвальдштрассе, семнадцать. Как его имя? – Георг. Георг Швандт. Да, я подожду...

Через минуту он уже набирал ставшими неловкими от волнения пальцами берлинский номер.

* * *

Эта часть Берлина почти не пострадала от войны. Все дома сохранились и только кое-где наблюдательный глаз мог бы заметить на их фасадах следы ремонта. По-прежнему росли липы по обеим сторонам улицы, громадные, в два обхвата. Листва их начинала желтеть и на тротуаре уже лежали первые опавшие листья, полупрозрачные, янтарные. На улицы города падали призрачные тени осени.

Фалькенхорст шел медленно, иногда останавливаясь. Сколько раз проходил он здесь, иногда один, иногда с Лотаром? Когда это было и было ли вообще? Что объединяет его – пожилого господина с седыми висками, с

молодым, жизнерадостным офицером, быстро шагавшим некогда по этим большим плитам тротуара, мимо этих же самых лип?

Пятнадцать лет, вычеркнутых из жизни, изуродованных, искаженных... Жертва, принесенная неизвестно кому и неизвестно во имя чего.

* * *

Дом ничуть не изменился – разве только кусты сирени разрослись, заглядывая в окна второго этажа, а так все было по-прежнему, даже круглая клумба перед парадным крыльцом и розы, отсвечивавшие темными рубинами в последних лучах вечернего солнца.

– Господин советник ожидает вас, – сказала Эмилия, принимая от гостя шляпу и пальто. – Я очень рада, – добавила старая экономка. – Хотя вы уцелели, а вот наш Лотар... – Она не закончила фразу. – Я провожу вас в кабинет. – Да не беспокойтесь, Эмилия, я ведь помню дорогу.

Старик Швандт встретил Фалькенхорста в коридоре; он уже слышал звонок в прихожей. Некоторое время они стояли молча. Швандт первым нарушил молчание. – Пройдем в кабинет, Эрих, посидим немного. Надеюсь, вы останетесь у меня на день или два? – С удовольствием, господин Швандт. Спешить мне некуда, я даже жену предупредил, чтобы она меня завтра не ждала. – Вот и прекрасно, нам есть о чем поговорить. Пожалуйста, – продолжал Швандт, пододвигая к Фалькенхорсту ящик с сигарами, – или вы все еще не курите? – Все еще не курю, – улыбнулся Фалькенхорст.

– Похоже на воскресение из мертвых, – сказал Швандт задумчиво. – Два раза запрашивал я Красный Крест. Первый раз в сорок седьмом году, второй раз – в пятидесятом, и оба раза получил ответ: пропал без вести. Я был уверен, что вас давно нет в живых, и вдруг – телефон!.. Я даже сразу не мог понять, кто говорит, так это было неожиданно...

– Мне надо было бы позвонить раньше, – сказал Фалькенхорст, – но после приезда я прямо-таки замотался: жену пришлось на курорт везти, она была серьезно больна. То, другое, третье... Вот только сейчас начинаю в себя приходить. Вернулся с курорта и вам позвонил.

– Все-таки никак не могу понять, почему же Красный Крест мне ничего не мог сообщить о вас? Странно...

– Красный Крест не виноват. Он вам и не мог ничего сообщить...

– Не понимаю.

– Очень просто. В плену я жил под чужим именем.

– Почему?

– Меня разыскивали как военного преступника.

– Не может быть, Эрих! Вы – и вдруг военный преступник!..

– К сожалению, так оно и было...

И Фалькенхорст рассказал свою историю. Швандт выслушал его внимательно, а затем предложил гостю немного отдохнуть перед обедом, который готовит Эмилия. Для отдыха Фалькенхорсту отвели ту самую комнату, где он ночевал несколько раз, когда, вместе с Лотаром, был слушателем артиллерийских курсов в Потсдаме и на праздники приезжал к Швандтам.

Фалькенхорст подошел к окну, распахнул его. Старый сад с теми же

деревьями и цветниками. Так же стоит под дубом деревянный стол со скамейками, за которым они с Лотаром сыграли столько партий в шахматы. Ничто не изменилось, кроме людей...

* * *

Фалькенхорст закрыл окно, отошел от него и опустился в глубокое кожаное кресло. В мозгу мелькнула досадная мысль: "Совсем забыл поинтересоваться здоровьем госпожи Швандт – нетактично... Ну, увижу ее за обедом." – Он откинулся на спинку кресла и задремал. Его разбудил деликатный стук в дверь. – Войдите, – сказал Фалькенхорст. – Господин советник ожидает вас в столовой, – сказала Эмилия. – Вы говорите "господин советник", а где же госпожа Швандт? – Разве господин советник вам ничего не говорил? – растерянно спросила экономка. – Нет, ничего. – Госпожа Швандт умерла через неделю после того, как... – Эмилия оборвала фразу и отвернула лицо в сторону. Собравшись с силами, она прошептала: "Вы господину советнику ничего не говорите... Может быть, он сам скажет, а если нет, то не говорите об этом... Да, вот еще, совсем забыла... Стол накрыт на четыре персоны, вы не удивляйтесь... Под Новый Год господин советник тоже велел накрыть стол в столовой. Обыкновенно он у себя в кабинете обедает, а тут велел на четыре персоны накрыть и свечи зажечь. И сидел до утра, даже вино не допил, полстакана так и осталось..."

* * *

Свечи в тяжелых серебряных шандалах догорели до половины. Швандт положил салфетку на стол и сказал, обращаясь к Фалькенхорсту: "Что ж, перейдем в библиотеку? Эмилия принесет туда кофе для нас."

– Я рад вашему приезду, Эрих, – сказал Швандт. – Говорят, что старость болтлива. Так это или не так, но я должен рассказать вам многое. Мне нужно рассказать вам все, что я знаю о смерти Лотара. Вы спросите, почему именно вам, и я отвечу, что должен кому-то передать память о нем. Кто же сможет сохранить ее лучше, чем самый близкий друг моего сына? – Швандт положил сигару в пепельницу. – Доктора мне запрещают курить, пить кофе и прочая... – сказал он, усмехаясь. – Я должен беречься – говорят сии ученые мужи. Но в диспуте с юриспруденцией медицина проигрывает уже в первой инстанции. На мой вопрос, почему я должен беречь мою жизнь, если она мне не нужна, эскулапы ответить не могут. Но я отклонился, вернемся к сути дела.

– Вы, конечно, знаете, что происходило здесь, в Берлине, после неудавшегося покушения на Гитлера. Вся Бендлерштрассе была арестована. В момент покушения Лотар был во Франции. Он должен был увязать некоторые детали, связанные с организацией восстания и захвата власти во Франции и Бельгии военным командованием. После покушения ему было приказано немедленно вернуться в Берлин. В этот момент все предполагали, что покушение удалось. Так думал и Лотар.

По дороге в Берлин, в Эльзасе, его автомобиль обстрелял английский летчик. Шофер был убит, машина опрокинулась, а Лотара подобрали и доставили в военный госпиталь. Он не был ранен, только контужен. Через нес-

колько дней он был в состоянии ходить и решил ехать в Берлин. Приехал сюда и еще два дня оставался у меня здесь, так как чувствовал себя слабым.

Швандт замолчал. Было видно, что он опять переживает те страшные июльские дни. Он долго сидел молча. Молчал и Фалькенхорст. Перед его глазами вставали картины ужасов, о которых он столько уже слышал и от которых судьба его спасла.

– Позвоните Эмили, Эрих, – сказал, наконец, Швандт. – Пусть она принесет еще кофе. На чем я остановился?.. Так вот, Лотар пробыл у меня двое суток, на третий день он решил отправиться в генеральный штаб. Я советовал ему подождать, но он ответил, что его могут заподозрить в дезертирстве. Одним словом, на третий день своего пребывания в Берлине он явился в штаб. Вернулся он вечером, чем-то озабоченный. Отказался от обеда, ушел в свою комнату и начал разбираться в бумагах. Потом принес сюда целый ворох документов и сжег их вот в этом самом камине. Когда бумаги были сожжены, Лотар сказал: "Господи, до чего же мне есть хочется" и ушел на кухню к Эмили. Он всегда так делал, когда еще мальчиком на обед опаздывал. Они с Эмилией были большими друзьями.

Вернулся он через полчаса с бутылкой коньяка и двумя стаканами. Нашли в оба стакана и сказал: "Все сделано." Теперь остается только ждать. Поднял свой стакан и медленно произнес: "Твое здоровье, отец! Спасибо тебе за все." Отпил и поставил стакан на пол, рядом с креслом. Это была его привычка, от которой ни моя жена, ни Эмилия никак не могли его отучить...

Потом он опять повторил: "Остается только ждать. Они придут за мной сегодня вечером..." Я еще на что-то надеялся и спросил Лотара: может, он ошибается и его вообще не тронут? Лотар в ответ сказал, что все его сослуживцы арестованы и что если б он был в Берлине в день покушения на Гитлера, то и его бы давно взяли. – Просто обо мне в суматохе забыли, – сказал Лотар, – но я думаю, что майор Зильберт уже напомнил кому надо. – Кто он такой, этот Зильберт? – спросил я Лотара. – Командир охранного батальона генерального штаба, – ответил он, – карьерист и негодяй. У нас с ним старые счеты. Сегодня он их уже свел, я полагаю. Недаром он даже остановился, когда встретил меня в коридоре. Очевидно, полагал, что я уже давно арестован... – Лотар улыбнулся. – Ну, его триумф будет кратковременным: война проиграна. Сегодня я, завтра он... – Швандт остановился, обрезал кончик новой сигары и стал ее закуривать. – Вот скажите мне, Эрих. Я не мстительный по натуре человек. Не месть мне нужна, а справедливость. Но где же эта справедливость, если человек, предавший моего сына, пославший его на пытки и смерть, сейчас, по всей вероятности, наслаждается жизнью, получает пенсию, живет мирной жизнью уважаемого бюргера, в то время, как Лотар... – Советник юстиции медленно поднялся со своего кресла, прошелся по комнате, остановился перед Фалькенхорстом и сказал: "Ведь эти убийцы даже тело Лотара мне не отдали. А этот Иуда..." В комнате наступила тишина. Голос Фалькенхорста, нарушивший ее, глухой и сдавленный, был чужд самому Фалькенхорсту. Казалось, говорил не он, а кто-то другой – неумолимый

и холодный. — Полковник Зильберт был убит четыре года тому назад. Мы с ним были в одном лагере. Он мучился от непосильной работы и был болен. Он хотел предать еще одного человека и поэтому был убит. — Фалькенхорст замолчал и повторил: "Был убит." Память неожиданно нарисовала высокую фигуру Карла Шолтиса, его спокойное, бесстрастное лицо. — Что ж, придется убрать господина полковника...

В библиотеке стояла ничем не нарушаемая тишина. Казалось, что комната к чему-то прислушивается, чего-то ждет. Или думает над тем, что здесь только что было сказано. — Предал Лотара, хотел меня предать... — скользили мысли в голове Фалькенхорста. — Шолтис... спас меня и тоже задумал предать... Почему?..

— Значит, какая-то высшая справедливость все-таки существует, — задумчиво произнес Швандт. В его голосе не было ни радости, ни торжества. Он не лгал, когда говорил Фалькенхорсту, что не мстителен по натуре. Какой-то высший суд вынес приговор убийце его сына. Приговор был справедлив. Приговор был приведен в исполнение. — Как же он был убит? — спросил Швандт. — Точно не знаю, — ответил Фалькенхорст. — По-моему, убили его на работе в лесу. Он грозил донести на кого-то русским — поэтому и убили. — Фалькенхорст не лгал, но и не говорил всей правды. — Не могу заставить себя говорить о Зильберте, — думал он. Тем более не мог он говорить о Шолтисе. А если начать рассказывать Швандту все, как оно было, то о Шолтисе придется говорить очень много. Лучше не надо...

Советник наполнил узкие рюмки ликером. — На чем я остановился? — произнес он вполголоса. — Ах, да, Лотар начал мне рассказывать о Зильберте и тут в прихожей раздался звонок. Лотар обнял меня и сказал: "Я не мог поступать иначе. Прости меня, отец. Позаботься о маме."

Шаарфюрер СС и оба эсэсовца вели себя безукоризненно, я должен отдать им справедливость. Шаарфюрер вытянулся перед Лотаром и сказал: "Господин майор, вы арестованы." Лотар ответил: "Этого надо было ожидать. Я готов." Шаарфюрер дал Лотару десять минут на сборы и посоветовал переодеться в штатское. Лотар одел свой летний серый костюм и взял маленький чемоданчик, который, по-видимому, приготовил заранее на случай ареста.

Я проводил его до дверей, а потом вернулся в библиотеку. Здесь я просидел до утра...

Швандт говорил спокойным, ровным голосом и на лице его ничего не отражалось. Это не было чтение обвинительного акта, в котором, несмотря на всю официальную сухость, иногда все же проскальзывают намеки на эмоции писавшего акт прокурора. Швандт был уже выше каких-либо эмоций. Это делало его рассказ страшным. — Так, наверное, записывает Апостол Петр все деяния и поступки людей, — грустно подумал Фалькенхорст. Почему-то пришла на память строчка из Апокалипсиса: "И каждый был судим по делам его..."

— От моей жены я скрывал арест Лотара четыре дня. Я сказал ей, что он уехал на восточный фронт. Узнала она правду от Эмилии, которая ей все рассказала. Жена и так уже была тяжело больна, а это ее добило. Лотара повесили десятого августа, а она умерла семнадцатого, ровно через неделю...

Лотар содержался в тюрьме полицейпрезидиума и я получил с ним свидание. Поскольку я заявил Гестапо, что намерен защищать сына на суде, то свидание не было ограничено тридцатью минутами, как обычно полагалось. Впрочем, от моей защиты Лотар отказался. — Не надо, отец, — сказал он. — Это совершенно излишне. Твоя знаменитая логика и аргументация здесь бессильны. Германия давно уже потеряла способность мыслить и действовать логично. Кроме того, защищая меня, ты рискуешь не только своей свободой, но, возможно, даже и жизнью. Ты же не воздержишься от критики нашего гениального фюрера и его клики, а от этого до обвинения в государственной измене всего один шаг. Кто же будет тогда о матери заботиться?..

Фалькенхорст сидел, поглощенный рассказом Швандта. — Как Лотар выглядел? — нерешительно спросил он. — Вы хотите знать, пытали ли они его? Лотар мне сказал, что его никто не трогал. Однако было видно, что он изможден и, конечно же, подвергся пыткам. На допросах он не отрицал своего участия в заговоре, но не назвал никаких имен. — И не назову! — сказал он мне. — Этого удовольствия я им не доставлю.

Разбор дела был назначен на десятое августа. Я зашел в прокуратуру народного суда и сообщил, что подзащитный отказывается от моей помощи. Чиновник прокуратуры ответил, что в таком случае они назначат другого адвоката.

* * *

Мы увиделись с Лотаром уже в суде. Вместе с ним на скамье подсудимых было еще трое. Лица двух из них были мне знакомы: сослуживцы Лотара, которых я несколько раз мельком видел в нашем доме. Третий был мне незнаком и только слушая обвинительный акт, я узнал, что он тоже служил вместе с Лотаром в чине капитана.

Все четверо были в штатском: постановлением военного суда они были разжалованы и уже не считались военнослужащими. Председательствовал сам Фрейслер, успевший к тому времени снискать печальную известность как ревностный исполнитель желания Гитлера отомстить всей офицерской касте за совершенное на него покушение.

У остальных трех подсудимых были защитники, но Лотар отказался от приданного ему юриста. На саркастический вопрос Фрейслера, не считает ли себя подсудимый экспертом не только по политическим переворотам, но и по вопросам юриспруденции, Лотар ответил спокойно, что он ничего не понимает в судопроизводстве и что если б его дело разбиралось *в суде*, то он, без сомнения, прибегнул бы к помощи юриста. — Но происходящее здесь не имеет ничего общего ни с судом, ни с законами, — добавил он, — и юристам тут делать нечего. — Его ответ вызвал взрыв бешенства со стороны Фрейслера. — Вы убедитесь сами, подсудимый, еще сегодня вечером, что это суд немецкого народа, — кричал взбешенный председатель, — призванный расправиться с врагами нашего фюрера. — *В расправе* я ничуть не сомневаюсь, господин председатель, — последовал спокойный ответ Лотара.

В зале суда присутствовали преимущественно гестаповцы и члены партии. В начале разбирательства дела они приветствовали каждый вы-

пад председателя против обвиняемых взрывами хохота, но через некоторое время и зал стих. Очевидно, какие-то остатки совести сохранились даже у этих людей. Вторая половина процесса происходила при полном молчании публики.

– Неужели все это было на самом деле? – с трудом произнес Фалькенхорст. – Я мог бы поверить, если б такое происходило в России, но у нас, в Германии, даже в гитлеровской Германии... – Он не закончил фразу и замолчал. Молчал и Швандт.

– Как держался Лотар на суде? – спросил Фалькенхорст после паузы. – Очень спокойно, – ответил советник, – и с достоинством. Я должен сказать, что все они старались сохранить спокойствие, даже самый молодой из них, капитан. Это были сильные люди...

– К пяти часам и опрос свидетелей, и речи адвокатов – все было конечно. Решение было вынесено заранее...

– Я мог бы просить суд оказать мне снисхождение, – сказал Лотар в своем последнем слове, – ибо я не отрицал своего участия в государственном заговоре, но мне не хочется ставить господина председателя и господ судей в неловкое положение. Суду пришлось бы переделывать заранее вынесенный приговор. Раскаиваться мне не в чем. Мы поступили правильно и история нас оправдает. – Не думаю, чтобы вы дожили до этого счастливого момента, подсудимый, – прервал Лотара Фрейслер. – Я знаю, что не доживу, но и у вас, господин председатель, не много шансов на долгую жизнь, – холодно ответил Лотар. Циничная улыбка сползла с лица Фрейслера; он что-то хотел сказать, но в последний момент промолчал.

Суд удалился на совещание. Я подошел к Лотару. – Комедия закончится через несколько минут, – сказал он. Очевидно, у меня на глазах появились слезы, так как Лотар сказал: "Отец, не доставляй этим людям удовольствие видеть тебя плачущим." Он сам, конечно, едва сдерживался и добавил: "Скажи маме, что я всегда ее любил. Эмилию тоже не забудь. Эриху скажи, чтоб он меня помнил..." Он не договорил. – Встать, суд идет! – крикнул резкий голос.

– ...к смертной казни через повешение... – четыре раза произнес голос Фрейслера. Я последний раз обнял и поцеловал Лотара. Конвой окружил осужденных и повел их к выходу из зала суда. Я сел на скамью подсудимых, на то же место, где весь день сидел Лотар, и сидел долго...

Наступила длинная пауза.

– Я очень устал, – проговорил Швандт затем, вставая с кресла. – У меня завтра серьезное дело в суде. Надеюсь, Эрих, вы еще побудете у меня в гостях? – С удовольствием, господин советник, – ответил Фалькенхорст, – если только мое присутствие не обременит вас. – Ну, что вы, – сказал Швандт, – я буду счастлив видеть вас. Послезавтра весь день будет в нашем распоряжении. Спокойной ночи, Эрих, увидимся завтра за ужином...

* * *

– Моя практика, в сущности, мне не нужна, – говорил Швандт вечером следующего дня, когда они после ужина вновь расположились в биб-

лиотеке. Я в деньгах не нуждаюсь, но вот привычная атмосфера суда — от нее отказаться трудно. Моя практика дает какую-то цель в жизни и одновременно не дает слишком много размышлять над тем, о чем тяжело думать.

Советник отхлебнул кофе и поставил фарфоровую чашку на блюдце. — Я беру пять-шесть больших дел в год, не больше. Это дела огромных компаний, миллионных предприятий. Одно такое дело часто дает мне больше, чем средний берлинский адвокат зарабатывает в год. — Швандт помолчал, посмотрел на Фалькенхорста и сказал: "А теперь я хочу задать вам вопрос, который может показаться вам неуместным, но который я должен все же выяснить." — Пожалуйста, господин Швандт, — ответил Фалькенхорст, — я готов ответить на любые ваши вопросы. — Хорошо, Эрих. Поверьте, что я его задаю не из праздного любопытства. Скажите мне, каково ваше денежное положение? — Не могу пожаловаться, господин Швандт. Мы получили солидную компенсацию за наш майорат, у нас есть деньги в швейцарском банке, дом в Виттбахе. Как видите, мы обеспечены. — Вы не собираетесь пойти на службу в бундесвер, Эрих? — задал новый вопрос Швандт. Фалькенхорсту показалось, что советник юстиции при этом слегка улыбнулся. Улыбнулся и Фалькенхорст. — Мои стремления к славе, развешиваемся флагам и орденам давно уже сданы в архив. Я навоювал на всю жизнь. — Что же вы собираетесь делать? — Честное слово, еще не знаю. Мне предлагают вернуться на военную службу в чине полковника. Через три-четыре года я смогу рассчитывать на производство в генералы. — Фалькенхорст пожал плечами. — А я не знаю... С одной стороны, кроме военного дела, я ни в чем не разбираюсь — это раз. Жить мирной жизнью почтенного бюргера, ничего не делая, я не в состоянии — это два. И вместе с тем что-то не позволяет мне согласиться. В лагере я мечтал, что вернусь в Германию и буду жить, как хочу, без чьей-либо указки, без всяких приказов, а тут опять... — Швандт понимающе кивнул. — Да, вам нужна перемена занятий. Это вполне естественно. Вы тоже много пережили. — Он внимательно посмотрел на своего собеседника. — Таким бы сейчас, наверное, был и Лотар, — произвольно подумалось ему, но усилием воли он отстранил грустные мысли. — Мой сын вас очень любил, — проговорил он. Фалькенхорст молча склонил голову. Оба долго молчали.

— Я спрашивал вас о вашем положении, Эрих, — произнес, наконец, Швандт. — И, как уже говорил, это не было простое любопытство. Дело в том, что мне надо распорядиться моим имуществом. Дни мои сочтены. Посему, говоря о завещании, я хочу сообщить вам, что решил оставить этот дом вам и вашей семье. Так как вы в деньгах не нуждаетесь, мой наличный капитал я оставляю университету, вернее, его юридическому факультету. Точно также и мою библиотеку. Пятьдесят тысяч марок я оставляю Эмилии. — Швандт опустил голову. — Я говорил с ней по этому поводу. Она сказала, что ей не хотелось бы отсюда уходить. Я ее понимаю: на старости лет идти служить чужим людям... — Швандт оборвал фразу. — Вы меня обяжете, Эрих, если оставите Эмилию. Я думаю, вы будете жить здесь только с вашей женой, не так ли? — Да, господин Швандт. Но у вас, наверное, есть родственники. Почему же вы решили их обойти? Возможно,

это имущество им гораздо нужнее, чем мне? — спросил Фалькенхорст. — Да, у меня есть родственник, — иронически улыбаясь, ответил советник, — троюродный племянник. Служит в Бонне, в министерстве финансов. Я поручил частному сыскному бюро собрать о нем справки. Они представили мне полное досье. Читал я это досье с интересом: убежденный национал-социалист с тридцать третьего года, искренний демократ — с сорок пятого. Одним словом, негодяй... В этом году, в марте, он неожиданно посетил меня, очевидно, почуял падаль... — Швандт рассмеялся. — Я, конечно, принял его и дал ему досье для ознакомления. Мой родственник пробормотал что-то невнятное и моментально испарился. Я хотел было все свое имущество завещать университету, но теперь вы вернулись и этот дом должен стать вашим. Надеюсь, вы согласны, Эрих?.. — Да, я согласен, господин советник, — ответил Фалькенхорст. — И очень вам благодарен.

— А теперь я хочу еще кое-что объяснить вам, — сказал Швандт, поднимаясь с кресла. — Пройдемте со мной в комнату Лотара.

В комнате, находившейся на втором этаже, над письменным столом висел портрет Лотара. Художник сумел мастерски передать выражение лица и особенно глаз и губ молодого майора. Впечатление было потрясающим.

— Таким он был, собираясь к вам в гости, — вполголоса сказал советник. — Помните его поездку в ваш Толлкемен? Он был очарован ею и столько раз вспоминал о своем визите к вам!.. Мать едва его упростила позировать для портрета. Он все отнекивался, говоря, что слишком молод для галереи предков. — Швандт умолк. Оба они стояли посреди комнаты, каждый по-своему переживая воспоминания. Швандт открыл правый ящик письменного стола и сказал: "А вот и другая память о Лотаре. Она мне еще дороже портрета." Он протянул Фалькенхорсту рамку черного дерева со стеклом, под которым был расправлен небольшой листок бумаги. Очевидно, листок был когда-то смят или скатан в маленький шарик: оставшиеся от этого перегибы и морщины были видны и под стеклом. Хорошо знакомый, колючий почерк Лотара бросился Фалькенхорсту в глаза. "Дорогой отец! Пишу тебе в последний раз. Сейчас за мной придут. Скажи маме, что я очень ее любил. Скажи Эриху..." На этом письмо обрывалось.

— Это письмо я нашел в ящике для писем через месяц после смерти Лотара, — сказал Швандт. — Без адреса, без конверта. После войны я пробовал разыскать человека, который положил письмо в мой ящик. Предлагал хорошее вознаграждение, но никто не отозвался... — Старик бережно положил рамку с письмом обратно в ящик стола. — Теперь вы понимаете, Эрих, почему я хочу оставить этот дом именно вам? Если вы будете жить здесь, то я буду уверен, что портрет Лотара никто не вынесет на чердак и никто не вынет его письмо из-под стекла, чтобы выбросить в корзину, заменив фотографией голой женщины... — Швандт еще раз посмотрел на портрет сына и предложил: "Может быть, вернемся в библиотеку, а?"

В библиотеке Швандт не сел в свое кресло, а подошел к висевшей на стене картине, сдвинул ее в сторону и, набрав комбинацию на шитке сейфа, открыл его. — Вот здесь еще кое-что, — сказал он, вынимая из сейфа два небольших футляра. — Это вашей жене на память обо мне и Лотаре,

а это мой подарок вашей дочери. Передайте ей в день ее свадьбы... — Фалькенхорст открыл один из футляров. Пара серег, две очень крупные жемчужины и немного золота на фоне темносинего бархата. В другом футляре — крупный бриллиант, обрамленный четырьмя топазами. Фалькенхорст положил оба футляра на стол. — Господин советник, — сказал он, — я не могу это принять. — Почему? — спросил Швандт. — Не могу, — повторил Фалькенхорст, — я не знаток, но даже и не ювелир поймет, что это стоит безумных денег... — Да, это ценные вещи, — согласился Швандт. — Наши родовые драгоценности. Серьги — подарок моего деда его невесте, а кольцо было подарено моим отцом моей матери в день первой годовщины их свадьбы... — Старик помолчал и каким-то чужим голосом произнес: "Мне все это уже не нужно, мой мальчик. Деньги, драгоценности... Мы, юристы, определяем это как "выморочное имущество". — Швандт попытался улыбнуться. — Разница в данном случае только в том, что я еще не покойник и хочу передать это имущество тому, кому хочу. Если вы не возьмете эти вещи теперь, Эрих, то вы получите их через моих душеприказчиков. Почему же не взять их сейчас? — Советник умолк; его рука протянулась к бутылке с ликером, на полдороге задержалась и устало легла на стол.

— В основном это все, что я хотел сказать вам, Эрих, — задумчиво произнес Швандт. — Говорить больше не о чем. Жизнь прожита и мне пора... Что ж, и хорошо, что пора, — сказал он, подходя к камину. — Смерти я не боюсь. Я верю, что Бог есть и что он справедлив. Может быть, я где-то встречу тех, кого я потерял. Ну, а если Бога нет, а есть только небытие, то и это меня не пугает. Даже небытие лучше этой жизни. Лучше!.. — почти выкрикнул Швандт и в его голосе Фалькенхорсту послышалось отчаяние. — Но Бог же есть!.. Он должен быть!.. Иначе кто же мне заплатит?.. — Он медленно отошел от камина и остановился перед Фалькенхорстом. — Простите меня, Эрих, — сказал Швандт, — мои нервы за последнее время совсем истрепались... — Он опустил в кресло и закрыл глаза.

Опять наступила долгая пауза, после чего Швандт, овладев собой, спросил: "Вы вылетаете завтра в полдень?" — Да, в двенадцать тридцать, — ответил Фалькенхорст. — Что ж, передайте мои поклоны вашей жене и дочери. И позвоните из Виттбаха, когда вернетесь домой. — Советник юстиции встал и пожал руку Фалькенхорсту. — Спокойной ночи, Эрих.

* * *

Фалькенхорст медленно открыл дверь и вошел в свою комнату. Кровать была приготовлена, на столе стояла бутылка мозельского и бисквиты в низкоконой вазе. Фалькенхорст снял пиджак, повесил его на стул и развязал галстук. Захотелось пить. Фалькенхорст налил вина и отпил глоток, потом еще один.

Сказывалась усталость. Мягкий свет лампы под абажуром казался слишком резким. Фалькенхорст медленно повернул выключатель и в комнате стало темно.

Мысли текли лениво, неохотно. — Итак, я стал владельцем дома в Берлине, — произнес Фалькенхорст вполголоса. Он не чувствовал никакой

радости по этому поводу. Это была сухая констатация факта. — Надо все-таки лечь, — подумал Фалькенхорст. Он встал со стула, но вместо того, чтобы лечь, подошел к окну и немного раздвинул гардины. На дворе стояла тихая осенняя ночь, безмятежно сиял серебряный диск луны. Он долго смотрел на сад, просвеченный этой лунностью. — Ничто не изменилось, только люди... — подумал Фалькенхорст. Он отошел от окна и опустился в кресло. — Лотар, Лотар...

Лунный свет узкой дорожкой лился на белый ковер. На нее легла тень оконного переплета и была она похожа на черный крест, положенный на серебряную парчу...

К о н е ц

МАРИЯ ВОЛКОВА

* * *

Как найти среди многих дорог
Только ту, на которой — не сбиться?
Как вопросов тревожный приток
Оттеснить до последней границы?

Кто смягчит исполинский размах
Неприметно настигшего горя?
Кто поможет склониться во прах,
Не дыша, но смирясь и не споря?

Распрямись, крохи сил собери,
Принимая страданье как милость! —
Есть таинственный стержень внутри,
Чтоб душа твоя не надломилась!

БЕЛОРУСЫ, ВАС ЖДЕТ ЗЕМЛЯ!

Отрывок из романа.

На северо-восточном отшибе Гатей, на большом, плоском взгорье, в тени лип, кленов и берез, притаилась веселая на вид, с одной конусоподобной башней, небольшая деревянная церквушка. Как говорили местные старожилы, она была построена еще во времена седых пра-прадедов и, видимо, тогда вмещала на службах своих весь небольшой круг верующих. Мощные сосновые бревна, уложенные старательными руками в основание в виде креста на каменном фундаменте, стойко выдержали напор многих лихих годин. Снаружи их оставили без деревянной обшивки. Главные двери и карнизы, а также обрамление окон, местные мастера украсили национальными, вырезанными в дереве, орнаментами. Внутренность церкви разукрасили росписями на темы религиозных событий. Какой-то художник-самородок из седых пра-прадедов внес в украшение внутренности церкви локальный элемент. Апостолы и Святые ожили здесь в людях со знакомыми чертами лиц, в местной одежде; эти лица были словно пропитаны соками родной земли; они знали цену пота и трудовых волдырей. Если на одних иконах голубь, как дух святой, парит над Иорданом, то на других образах жаворонок сопутствует святым мученикам в их странствиях для прославления Всевышнего и утоления ран ближних.

Местные обычаи особенно давали о себе знать на Святую Троицу, когда дурманил голову смешанный с ладаном душистый запах берез, когда легкий ветерок ласкал разноцветные косынки на головах склоненных в молитве женщин, толпящихся перед алтарем в набожном умилении, и когда, словно грациозная девушка, наряжалась в свое облачение природа. Торжественно шептались неподалеку стройные березы, липы и клены; в пчелином гуде млели цветы. На краю леса, среди рядов телег, отгоняя назойливых оводов, фыркали кони, и поднебесными гимнами аккомпанировали голосу священника неутомимые жаворонки. Смотря на толпу верующих, собравшихся на лоне природы, прислушиваясь к хвалебному хору и отголоскам животворящей весны, можно было вполне согласиться с тем, что "всякое дыхание да славит Господа".

Церковь напоминала искусно сделанную игрушку, органично вписанную в местный пейзаж. Но со времен седых пра-прадедов, за долгие и временами бурные десятилетия, не выдерживала она столько поругания, сколько за короткие полтора года большевистской оккупации. В первую очередь власти сняли с башни колокол, а местные безбожники-активисты, в пьяном приливе вандалски-коммунистического энтузиазма, сломали дверные замки, разбили окна, изуродовали иконы, украшения и церковные книги. С забитыми наглухо дверями, окнами, словно бедная и поруганная сирота, окруженная могильными памятниками, ждал храм светлых дней, нового воскресения.

Некогда церковь принадлежала к Слободскому приходу, расположенному отсюда километрах в четырех с гаком. Наличие двух гектаров церковной земли возбуждало желание верующих (еще во время польской оккупации) построить здесь новый и бóльший по размерам храм. Этого требовал и прискорбный местный православного населения. Оккупационные власти противились, ибо это шло в разрез с их запланированно-ассимиляционной политикой. Возле церкви, возможно для того, чтобы продемонстрировать, кто тут владыка и на каком языке следует лучше всего молиться Богу, выросла новая громадина – каменный польский римско-католический костел.

С незапамятных времен маленький православный храм в Гатях ожидал на время праздника Святого Иоанна. Так было и в период польских насилий. В этот святой день босые крестьянские ноги шагали сюда из самых отдаленных окрестностей и лишь небольшая часть верующих могла разместиться внутри храма – большей же частью они располагались на траве, перед фасадом его. Невдалеке, на некотором расстоянии, на столах под полотняными навесами, хозяйничали всякие лавочники, торговавшие в основном сладостями, баранками, булками, мороженым и множеством легких напитков. По традиции никто не возвращался с праздника без гостинцев для детей и родных.

Хотя с момента нового "освобождения" – на этот раз с Запада – до праздника Святого Иоанна прошло немного времени, требовался новый ремонт церкви. Местные радетели, посоветовавшись со слободскими священниками и получив разрешение от немецкой комендатуры, засучили рукава. Вымели, собрали и спалили на костре паскудный безбожный хлам, вымыли пол, стены, алтарь, иконы; застеклили окна и, где могли, восстановили поврежденные иконы, престол, подсвечники и хоругви. Взамен уничтоженных церковных книг они попросили священников привезти новые.

Поздно после обеда, вечером под Ивана Купала, совсем низко проскальзывали над лугами ласточки; разные несуразности выделяли вороны и другие птицы. Пару дней держалась томная духота, а после, как говорили местные знатоки погоды, словно ее "в мешок завязало". Смелых искателей папоротника ночное небо приветствовало молниями и громом. Обложные тучи разразились густым, щедрым дождем. Ветер сражался с верхушками садов по обочинам дорог и с лесами, а уже после вторых пегухов усердно принялся расчищать небо. Зарницы засияли на востоке волшебным светом, вливающим в душу надежду на вечное возрождение и красоту; симфоническим пением откликнулись соловьи. Солнце приветствовало новый день ласковой материнской улыбкой. Целовались свежестью омоложенные дубравы и леса; рано проснулась звонкоголосая кукушка, и с привычным клекотом высунул длинную шею из гнезда грациозный аист. Над ожившими в темноте полосами полей зазвенели жаворонки.

Полевыми межами, напрямик через луга, проселочными дорогами и большаками шли и ехали люди. Уже недалеко от церкви, усевшись на траве, одевали праздничную обувь. Ненасытная война в чужой стране цепко держала в своих объятиях парней, а потому редко был слышен девический смех. У склоненного над кладбищем тына, возле лип и берез, суетилась

увеличившаяся за последние годы семья нищих. Там, где некогда в бойкой суматошности устраивались лавочки, ныне только бабочки кружились над расцветшими на конском навозе цветами.

Когда старенький слободской протиерей поднял обеими руками Святое Евангелие и дрожащим от волнения голосом провозгласил "Благословенно царство Твое..." – в ответ поднялся и разлился по толпе певучий "аминь". Церковь, что некогда жаловалась забитыми дверями и окнами, ожила теперь силой торжественных молитв и песнопений. Она вновь была освящена.

Уже после выноса Святых Даров фырканием двух мотоциклов в местечке заявила о себе новая власть. Грохот скрежетно ворвался в толпу верующих. Сотни глаз настороженно следили за четырьмя жандармами. Они слезли с мотоциклов и, вооруженные, в касках, неторопливо разглядывая разноцветную толпу, приближались к ней. Крайние в толпе хотели уже расступиться, чтобы дать дорогу во храм новым вельможам, но те замешкались вдаль, перекидываясь между собой скупыми фразами, а затем отъехали.

Слободской отец протоиерей, с помощью младшего священника, что помогал ему распорядиться большим приходом, вышел для проповеди из алтаря и остановился на паперти перед дверьми. Его неторопливый, твердый бас слышали все присутствующие.

– Дорогие братья и сестры во Христе!

Мы празднуем сегодня рождение Иоанна Предтечи, названного Крестителем Пророка, которого послал сам Господь Бог, чтобы ходил и проповедывал всем о великом приходе на землю Сына Божьего Иисуса Христа. Отец наш небесный, заботясь о детях своих, сотворенных по образу и подобию Его, но ведая несовершенство характера людского, счел нужным подготовить людей, чтобы достойно приняли они на земле Сына Его. Сегодня вы слышали из Святого Евангелия о явлении ангела Гавриила к старому священнику Захарии с известием, что жена его Елизавета родит сына, и дадут ему имя Иоанна, и он подготовит людей к встрече Спасителя. Старый Захарий не поверил ангелу Гавриилу, и за то неверие сделал он его немым вплоть до рождения его сына.

Когда Иоанн Предтеча вырос, после долгого пребывания в пустыне, и вернулся к людям и научал народ про Того, кто вот-вот должен придти и которому, как он говорил, "я не достоин развязать ремни на обуви ног Его". Ходил Иоанн Креститель по Иудее и научал людей, чтобы соблюдали законы Моисея, чтобы старались очиститься от грехов своих. Был Он бескомпромиссным в борьбе со всяким злом и не пренебрегал никем из тех, кто закрывал очи на насилие и несправедливость. И неудивительно, что люди, имевшие власть, того Иоанн Предтеча упрекал за грехи их, обрушились с мстостью на великого Пророка. Как нам известно, Иоанна Крестителя бросили в тюрьму, а после отсечением головы казнили Его.

Можно спросить: почему же так случилось, что сам Господь Бог, пославший Пророка Святого на землю, который проповедовал великий приход Сына Его Единородного, дозволил грешникам издеваться над Ним, а потом Его смертью казнить? Ответ на это прост: путь к спасению ведет через терпение и нет спасения без муки. Как раз на примере жития Ио-

анна Крестителя Господь Бог показал нам, что без жертвы нет очищения от грехов. Сами теперь ясно видите, что сила везде берет верх; она не считается ни с учением Христовым, ни с теми, что идут по стопам Спасителя.

Вы сами видели, что нечистая безбожная сила наделала здесь у нас, сколько зла и насилия принесла, сколько невинных людей убила и послала на муки. Доводом, подтверждающим сказанное, является и наш храм, некогда содеянный руками наших предков. Его увечили, позорили, повредили, а потом закрыли. А мы его – опороченный и увечный – как могли, очистили и заново осветили. Молились тут наши предки, молились и далее молиться будем мы и наши дети. Просить мы будем Всевышнего, чтобы держал нас в ласке и покровительстве Своем, чтобы не покинул в беде и насилии, чтобы пережить мы могли страшное время, чтоб земля наша родная и народ наш выдержали напор большой силы!

Внезапно к звуку спокойного, ораторски-тренированного голоса священника стал примешиваться какой-то новый звук. Едва заметно задрожал воздух. Еще не вполне усвоенный на слух, новый звук чувствовался всем телом; звук дрожал и неуклонно рос. Люди начали оглядываться один на другого; кони у телег наострили уши, переступая с ноги на ногу. Углубленный мыслью в проповедь, священник на момент остановился, но тут же продолжал:

"...Сами видите, на что способен человек, если не будет он следовать учению Христа, если пойдет на поводу у дьявола. Тогда, понукаемый дьяволом, будет он лгать, воровать, калечить, издеваться, убивать. Ибо человеку, имеющему в руках власть, дьявол шептывает, что никакого Бога нет, что сам он есть наибольшая сила на свете."

Гати лежали в полосе главного пути с Запада на Полоцк, Витебск и Москву. Пылились некогда здесь окольные дороги под копытами конницы белорусских гетманов, московских и казацких атаманов, войск Наполеона, а уже позднее легионов Пилсудского и отрядов Гая. Неудивительно, что и теперь могучие силы Берлина, с горластым криком "Москау капут!" страшной лавиной покатались по земле и стеснили небеса. Никогда не пролетало здесь столько самолетов и – стремись, как хочешь, а не вообразить психического и даже физического воздействия на простых крестьян такого ужасного гула, который внезапно принесли самолеты, заслонившие небо. Ибо буквально так оно случилось.

Тяжелые бомбовозы от края до края чистого, ласково-голубого неба сияли, словно красивые серебристые игрушки. Казалось, ониплыли медленно, и в этой медлительности и организованности, парализующей страшным гулом всякое движение под собой, самолеты выглядели волшебными птицами. Верующим, внимание которых было сконцентрировано на священнике с крестом перед оскверненным храмом, то, что происходило в небе, казалось почти нереальным.

Превозмогая первый ужас, удивленные подростки начали наперебой считать самолеты. Некоторые потом хвалились, что досчитали до пятисот штук. Дрожали от страха, ржали, рвали сбруи кони около телег. Как парализованные, раскрыв рты, смотрели вверх и крестились люди. Старенький протоиерей, заглушенный мощным гулом, доносившимся сверху, по-

неволе перекрестился и взглянул на священника рядом. Сжала блестящий позолоченный крест дрожащая рука, а в глазах, которые уже видели столько горя и терпения на своем веку, засияли искры ужаса.

Куда же летят и кому несут уничтожение эти красивые и удивительные аппараты смерти?

ОТ РЕДАКЦИИ: Романом, отрывок из которого мы опубликовали, известный белорусский писатель Кастусь Акула, член Редколлегии журнала "Современник", заканчивает свою трилогию "Гараватка". Первые две книги трилогии ("Хищная птица" и "Окровавленное солнце") вышли в свет на белорусском языке соответственно в 1965-ом и в 1974-ом годах. В 1962 году была напечатана его книга "Боевые дороги". Кастусь Акула является также автором написанного им на английском языке романа "Завтра – это вчера" (1969 г.), получившего хорошие отзывы в канадской прессе. Патриот белорусского дела, убежденный и стойкий антикоммунист, ветеран Второй Мировой войны, Кастусь Акула выступает за дружбу белорусского и русского народов в общей борьбе за их свободу, за светлые идеалы христианства и человеческой справедливости.

Поэма без предмета

Песня Четвертая

1

Закончив песню данью друга,
страницу новую начну,
пока не с севера, а с юга
подходит поезд к Пекину.
На два неравные квадрата
завоеватели когда-то
разбили город неродной
и каждый обнесли стеной.
На севере стена повыше
(умеренно, не черезчур):
глаза монголов и маньчжур
любили вычурные крыши,
а для туземцев и лачуг
был отведен бесславный юг.

2

На эти же глядели храмы,
на переулки; на луну
задумчивые далайламы,
здесь изнывавшие в плену
и вспоминавшие в досаде
о многоводной Ирравади,
рвались вернуться поскорей
в тягучий лад монастырей,
во льды высокого Тибета,
за частокोल буддийских книг,
в мірок монашеских интриг.
А я скорей поклонник лета,
и, завсегдатаю равнин,
мне слаще дома стал Пекин.

3

В его смиренной южной части
Храм Неба молча возвещал
о неземной основе власти –
первоначале всех начал.

Тянь – или Небе, чьим заботам
обязан мир круговоротом
разгульных весен, вялых зим
(а мы ворчим, а мы дерзим)
и справедливостью исконной:
ведь самый пламенный бунтарь,
взойдя на трон, сегодня – царь
старозаветный и законный:
закон разрушив, сам же он
твердит одно: "закон, закон".

4

Провозгласил законом Ленин
бред несусветный, дичь и дрянь,
и что ж? Он благ и неизменен,
он истина (и тоже "Тянь"?).
Во имя святости устоев
крутой расправы удостоив
таких же точно подлецов,
воров, насильников, лжецов,
уселся на спине народной.
Престол неспрошенных владык
поддерживают кнут и штык,
но числится страна свободной
землей рабочих и крестьян
без духовенства и дворян.

5

К автомобилям не привыкший,
почти безденежный плебей,
я стоворился с дюжим рикшей
и двинулся "Ван-дун! Ван-бэй!" (1)
с огромной площади вокзальной
Цянь-мынь (2) артерией центральной
в Татарский город. Ехал час,
и просто не хватало глаз
на башни, арки, повороты,
на желтизну и синеву,
на побуревшую траву,
на пятна тусклой позолоты
хвистливых вывесок портных,
меняльных лавок и мясных.

6

А вот и улица прямая
 "Наньчицза" – Южные Пруды,
 и я гляжу, не понимая:
 кругом ни капельки воды,
 но плотным листовым навесом
 сплелись разросшиеся лесом
 деревья лапами ветвей,
 и в недрах памяти моей
 запел тысячелетний голос,
 окрепла звуками строфа
 поэта "Да дао чжи жу фа" (3) –
 "широкий путь, прямой, как волос":
 как Чу Гуан-си, хотелось мне
 в столицу въехать на коне.

7

Но век иной – иные были:
 я не в мехах и не в парче,
 не на коне, не на кобыле,
 а на скрипучем "сань-лунь-чэ" (4)
 въезжаю – варвар белолицый –
 и встречен Северной столицей,
 хотя другие города
 соперничали с ней тогда:
 Нанкин, где клика Ван Цзин-вэя,
 ко всекитайскому стыду,
 шла у врагов на поводу,
 неукоснительно правая;
 Чунцин уездный, где в глуши
 отсиживался Цзян Цзе-ши (5).

8

Архиепископ Виктор (Святин),
 сын дьякона, казак простой,
 был скромн, ласков и приятен,
 и той светился добротой,
 которая не ждет отплаты.
 Заметив робкие заплаты
 на локте продранном моем
 под верхним – будто бы – тряпьем,
 в покой он удалялся смежный,
 в шкапу копался платяном
 и возвращался с полотном
 или рубашкой белоснежной
 и говорил: "А это вам.
 Неношенный мадаполам."

9

Отбою не было от шаек
 весьма сомнительных дельцов,
 самолюбивых попрошаек,
 самовлюбленных удальцов,
 от "вечных русских идеалов"
 в устах бежавших генералов,
 промышленников и толпы
 разночинной шантрапы.
 Бывало, за вечерним чаем
 хрипит хорунжий говорун,
 как опрокинутый Перун,
 а мы, не слушая, скучаем
 час и другой: напрасный труд,
 его "штафирки" не поймут.

10

С архиепископом когда-то
 учился некто Михаил
 Успенский (6), и его, как брата,
 владыка ласковый любил:
 "Мой Мишенька, дружок любезный!",
 и правил он рукой железной,
 все неполадки замечал
 и батюшек перемещал.
 Угрюмый, сумрачный, суровый,
 держался он особняком,
 но в день воскресный с сундуком
 пред ним предстал монашек новый,
 оставил вещи на полу,
 пошел в собор и встал в углу.

11

Перезнакомившись со всеми,
 я не сберег порядка встреч
 и вынужден в моей поэме
 немаловажным пренебречь.
 Ведь я не знал тогда *отличек,*
нашивок, выпушек, петличек,
 не знал, кто первый, кто второй,
 кто пустомеля, кто герой.
 Теперь богиню Мнемозину
 молю напрасно, чтоб она
 разрыть позволила до дна
 свою заветную корзину,
 извлечь из темной глубины
 прозванья, лица и чины.

12

Для мифов, муз и философий
 всего существенней досуг,
 а тут... Игумен Варсонофий
 зовет меня, как старый друг,
 "на скромный иноческий ужин":
 я лишь затем ему и нужен,
 чтоб не спеша повспоминать,
 беседой скуку разогнать.
 Как Иннокентий низколобый?
 Как девяностолетний Ор?
 Как суетливый Христофор (7) —
 всё занят собственной особой?
 Ура! За снедью и вином
 мы снова дышим Харбином!

13

Глубокой не блистал культурой
 игумен Варсонофий, но
 слыть *колоритнейшей фигурой*
 не всем и каждому дано.
 Когда-то был он капитаном,
 гордился выправкой и станом:
 увы, что было, то прошло,
 дремучим жиром заросло.
 От соколиного полета
 напоминаьем о войне
 один остался на стене
 портрет на фоне пулемета.
 Игумен горько тосковал
 и горечь водкой заливал.

14

— "Меня зовут, но не по праву
 пропойцей, — старец говорил, —
 я пью, но падал ли в канаву,
 боюсь ли лестниц без перил?
 стакан, другой, но только в келье,
 сосну — и выхраплю похмелье.
 Коль нет от выпивки вреда,
 так можно пить — и без стыда."
 Всё это слушал я, не споря, —
 я не умел еще дерзать,
 хотя и мог бы предсказать
 игумену немало горя,
 и подавлял сыновний крик:
 "Не пей, добряк! Не пей, старик!"

15

Не помню праздничных обеден
 (пьянчужки трезвы по утрам);
 но ладан так же ли безвреден
 с сивухой мерзкой пополам,
 когда народ благоговейный
 за всеобщей полиелейной
 понюхает – и млад, и стар,
 бесстыдный тошный перегар
 и в сердце затаит вопросы.
 А Иннокентий (8) – интриган,
 "священный защищая сан",
 напишет новые доносы:
 что Варсонофий – лиходей
 в глазах и Бога, и людей.

16

Не при Василии Павловском
 случилось это: "Небиим"
 на Факультете Богословском
 был заменен лицом другим (9),
 а в монастырь из дальних далей
 преосвященный Ювеналий (10)
 был должен возвратиться к нам,
 в наш возведенный им же храм.
 Не винопийца, чужд интригам,
 когда б он был моим главой,
 обет и я хранил бы свой
 и не причислился к расстригам,
 и музу приучил свою
 к монашескому житию.

17

Не сельский батюшка покорный,
 а важный протоиерей,
 был академик митрофорный
 всех соискателей хитрей:
 дочь за племянника сосватал,
 жену в монахини упрятал.
 студента-сына – в монастырь
 читать каноны да Псалтырь,
 а сам – едва ли ради шутки –
 заботы мужа и отца
 сменил на куколь чернеца
 не навсегда – всего на сутки:
 привыкший спорить и хрипеть,
 не мог он дольше потерпеть.

18

Его дивизом было "хапай!",
и он в епископской красе
для дочери остался "папой",
для внука – "дедушкой" (как все:
какая проза тараканья!),
но право налагать взысканья
он приобрел – и применял:
"Христову Церковь охранял".
В какой-то день (как помню, вторник)
монахов посрывали с мест
приветствовать его приезд:
не Феофан и не Затворник
приехал к нам литургисать,
судить, громами потрясать.

19

"На Варсонофия в обиде
тишайший наш митрополит
за то, что он в нетрезвом виде
Господню взору предстоит.
Повторным пьянством безобразным
для шатких душ он стал соблазном,
отторгнул многих от Христа,
и хру-ту-ту, и хра-та-та."
Преосвященный выпил кофей
и отбыл, не благодаря,
а на ступеньках алтаря,
забытый, плакал Варсонофий:
куда теперь? Исход один:
проситься к Виктору в Пекин!

20

И в ту же осень золотую
старик вещишки увязал,
обитель оглядел святую,
сказал таксисту: – "На вокзал!"
Для теплого рукопожатья
немногочисленные братья
пришли на проводы – друзья,
бойцы-соратники – и я.
Жаль, Иннокентий не был с нами,
а то бы мог он оценить,
что нас посмел благословить
старик *обеими руками*,
но праведник в тот жаркий час
тянул безгрешный хлебный квас.

21

Квас или водка? Тут иная
загадка мне была дана.
Пришел слепой. Пришла больная
водянкой. И еще одна,
и две, и три за нею следом.
В монастыре я был соседом
игумена. Теперь ко мне
впускают их – по чьей вине?
Я должен был как можно суше
давать заученный ответ,
что милостивца больше нет
(помилуй, Боже, наши души!).
– Да как же? На троих детей
он мне давал по семь рублей."

22

И кланялась, и гнула спины
родная беженская Русь,
чтоб для неведомой чужбины
ростить Ванюшек и Марусь,
голубоглазых, золотушных,
неразговорчивых, тщедушных.
– Алешке год пошел восьмой,
и должен он пойти зимой
к учительнице. По рублевке
платить – не больно-то легко,
зато ходить недалеко –
второй квартал по Модяговке (11).
Но где достать для малышей
тетрадок и карандашей? –

23

Примусь, однако, за пекинцев:
недаром злится на меня
миссийский "ключник" Воротынцеv (12),
архиепископу родня.
Артиллерист бывал "под мушкой",
а этот вовсе был "лягушкой",
тот шил один – норой за двух,
а этот сроду не был сух
и спьяна вспоминал, вздыхая,
не Крым, не Харьков, не Урал,
как вспоминал бы генерал,
а просто улицы Шанхая:
колеблясь, плыли имена
rue Lafayette, rue Adina...

24

Раз или два с архимандритом
 Феодором я толковал
 (быть несговорчиво-сердитым
 старался он – и успевал).
 Весной сорокового года
 он допросился перевода
 в Австралию. С собой в отъезд
 увез он напрестольный крест
 и за два месяца Минеи.
 – Пусть увезет и пятый том,
 всю ризницу и целый дом,
 но не сидит у нас на шее!":
 писать в Синод – питомник "дел" –
 архиепископ не велел.

25

Порой, без водки и без виски
 от поздней службы отдохнув,
 к нам выносил свои записки
 добрейший Авраамий (Слуф) (13),
 и мы – поповичи, дворяне –
 в полуманьчжурском "Сибайдяне" (14),
 лишь перестроенном слегка,
 любили слушать старика.
 Вот, к непокорству подстрекая,
 на Русь надвинулась чума,
 а вот сошедшая с ума
 княгиня (кажется, Донская),
 и вот, надежда смутных лет,
 Столыпин входит в кабинет.

26

А вот – без острых антиномий,
 без лоска светского старик:
 отец архимандрит Пахомий,
 сухой миссийский духовник.
 Союзом связан нерушимым
 с иконописцем Никодимом,
 старик бранил его в сердцах,
 зато служил на орлецах (15).
 Иакова и Иоанна
 Христос прозвал "Воанергес" (16),
 в них оценив и дар чудес,
 и дерзновенье урагана.
 Так навсегда и к тем двоим
 пристала кличка "Паходим".

27

"В каком смиреньи почивает
на дискосе Христос Господь:
не судит, не повелевает,
но милует и дух, и плоть,
и, движимый одной любовью,
чтоб искупительною кровью
омыть и боль, и грязь, и грех,
безропотно умрет за всех!" –
за проскомидией чемсветной
иконописец говорил
и бессознательно грустил
о жертве тщетной – и нетщетной:
разбиты адские врата,
а рай попрежнему – мечта.

28

Пахомий умер на чужбине,
в том Пекине, где долго жил.
Лет через двадцать в Аргентине
и Никодим глаза смежил.
Теперь я нахожу забавным,
что нетерпимо православным
земля для тленья или сна
неправославная дана.
Однажды после литургии
иконописец молвил вдруг:
– Вам нравятся Франциск, Рэйсбрук,
Тереза? Кроме истерии,
переходящей в шутовство,
я в них не вижу ничего."

29

Не жди, читатель старомодный,
что я, ведя с тобой игру,
весь городок богоугодный
по косточкам переберу
от Федора-кенгурофила
и Меттерниха-Михаила
до свещегаса-Чернеца
и – тоже Федора – чтеца.
Был первый все-таки достойным,
хотя Минею присмотрел,
последний – сочным басом пел,
но забулдыгой был запойным:
едва взглянув на Божий свет,
он умер в первом цвете лет.

30

Последний (лучше: предпоследний) –
брадатый Колобов (17). Со мной
сидел он в комнате соседней
и жил за тонкою стеной.
Он был аршинный (вместе с шапкой),
но целый день корпел над папкой,
да и к Морфею нисходил,
допив бутылочку чернил,
бумаги съев не меньше дести:
писал во сне и наяву,
и день, и ночь ("Пишу и рву
лист за листом – и сто, и двести!").
Но только варвары порвут
"Бэй-гуань" – его бессмертный труд.

31

Он инструктировал китайцев
на ясном русском языке,
как поднимать пугливых зайцев,
как дамбу строить на реке.
Ничья от ока генерала
обязанность не ускользала:
он опекал свечной завод,
богослужебный обиход,
побелку стен в начальной школе,
стол иноков на каждый пост,
учил солить коровий хвост
и огурцы (в густом рассоле),
учил, чему детей учить
и чем подагриков лечить.

32

Среди миссийских грамотеев
сиял на весь двадцатый век
еще не старый Пантелеев (18),
усидчивейший человек,
по нраву – червь библиотечный,
но дружелюбный, человечный,
и он усыновил меня
едва ль не со второго дня.
Синечулочной Клио крестник,
он тонны книг перерывал
и правды затхлые сбывал
в журнал "Китайский Благовестник" –
от печенегов на Руси
до переводов Кониси (19).

33

Монахов было в эти годы
 один, два, три, четыре, пять,
 но жертвам русской непогоды
 не в поле лагерем стоять!
 Огромный корпус монастырский (20)
 весь бурелом собрал сибирский,
 но через тридцать с лишним лет
 я тех не вижу эполет,
 мужей и жен, старух и старцев,
 кудряшек, лысин и седин...
 Там жили: генерал Космин (21)
 и доктор Бердников (22), и Ярцев (23),
 Цимбаловы (24) и Сполатбог (25)
 (припомнить прочих я не смог).

34

Уж пахнут робкие фиалки
 взамен исчезнувших духов,
 уж бесприданницам гадалки
 суляг богатых женихов,
 которых чаще переулки
 выманивают на прогулки,
 и даже мальчики к весне
 чумятся – якобы во сне.
 Мой аналой давно пылится,
 и в бедной Библии моей
 уж несколько недель, не дней,
 не перевернута страница:
 я тоже – даром, что монах –
 тоскую в четырех стенах.

35

В китайских домиках кирпичных
 отпраздновали Новый Год,
 и чаще девушек тепличных
 прохожий видит у ворот.
 С дзверей тяжелый убран полог,
 а там – парад лукавых челок,
 слегка подправленных бровей
 и щек, зацветших розовой.
 За ширмами, за косяками,
 неотразимо хороши,
 соперницы самой Си Ши (26)
 сверкают черными зрачками.
 Жаль, я не сват и не жених,
 но как не поглазеть на них!

36

Снег выпадал и снова таял,
 начальник Миссии хандрил,
 а всё не ехал Нафанаил (27)
 (по словарям – Нафанаил).
 Синод – отсрочки, проволоочки...
 Но в остающиеся строчки
 я ни за что не умещусь,
 так лучше наскоро спущусь
 назад в романтику Китая,
 в те незабвенные часы,
 что проводил я в Байлиньсы (28),
 дыша минувшим – и мечтая
 о чем? Пересказать нельзя,
 в самотерзанье не скользя.

37

А я скользил. Слегка влюбленный,
 ходил по лезвию ножа,
 и в Бэйлиньсы, в шатер зеленый,
 меня водила госпожа
 Вахромова (29) но говорили
 мы только о... Нафанаиле,
 и это был не плотский транс
 (*honnî soit qui mal у pense*),
 а чистый диалог духовный:
 что названный архимандрит
 свечей пред Господом горит,
 что он – великий столп церковный,
 что он – и Сведенборг, и Кант,
 и превосходный музыкант.

38

Уменьем отступать Кутузов
 прославился (великий дар!)
 и запыхавшихся французов
 обрек на голод и пожар.
 Конечно, я не равный гений,
 но понял тайну отступлений:
 хитро подстроив западню,
 читателя я заманю
 динамикой и мелодрамой –
 любовь и долг, мечта, судьба,
 имен и званий короба,
 фиалки, звезды, встречи с дамой:
 капкан поставлю, отойду,
 а зверь, глядишь, попал в беду!

39

Болтливости и недосугу
 не примириться никогда
 (квадрат, равновеликий кругу –
 ребяческая ерунда).
 Историк я совсем не важный,
 и, если в дом одноэтажный,
 в протяжный "корпус" отступлю,
 болтливости не искуплю.
 Палаццо меж полусараев,
 он гриву гордую вздымал,
 и в нем две кельи занимал
 Олег Иванович Исаев –
 чернородый человек,
 муж урожденной Казем-бек.

40

Ее, персидскую кухню
 того харбинского врача,
 чью жизнь и раннюю кончину
 я под строку загнал плеча,
 встречал я во дворе щербатом
 с невольным чувством винозатым:
 ей был я должен целый том
 о родиче ее святом.
 Теперь и сам я жду внимания:
 ведь о моей "С горы Нево"
 никто не пишет ничего (30),
 и я, не заслужив признанья,
 навек останусь под строкой,
 как Нелединский-Мелецкой (31)!

41

У Вознесенско-Евтушенских
 хоть нет коней, да есть коньки:
 без новых краестрочий женских
 они не станут в тупики.
 Ведь их утешит и устроит
 любой чахоточный рифмзид:
 "любовь" и "ноги", "сон" и "нос",
 "апаш –клопа", "масон – разнос".
 Кляченкам этим отошальм
 достаточно сухой травы
 (кому "ура", кому – "увы"),
 карикатурным Букефалам,
 а моему Пегасу вы
 за вылет выдайте халвы.

42

Моя поэма – без предмета
и не страдает от того,
что я болтаю про Капета,
про Гегеля, про Мариво,
про летчиков и троглодитов,
и нескольких архимандритов,
про ладан, про мадам де Сталь,
про ветчину и про эмаль.
Покой живому не потребен,
а мертвецу – успех мирской,
и всё же на "за упокой"
я впопыхах сводил молебен:
как мимовольные грехи,
прости мне, Боже, "попыхи"!

43

У Казем-беков слыл за предка
мудрец улема-уль-ислам,
что узнавалось – и нередко –
по острым лицам углам,
но в двух отшельниках прелестных,
воспитанниках келий тесных,
раскрылись русские черты
неотразимой красоты (32).
Одна из дочерей Олега (33)
(не-вспомню имени ее)
ушла на вольное житьё
из монастырского ковчега
от неудачника отца
за Митю Хорвата, дельца (34).

44

Так полетела голубица (35)
на яркий свет и праздный шум,
и стала замуж торопиться
сестра – быть может, нзобум.
И вскоре с тем же самым хором
ее мы выдали собором
не за проезжего князька,
а просто за Касьянчука (36).
Воспитанником генерала
и урожденной Бенуа (37)
он жил на странном амплуа
в шкафу при выходе из зала,
хоть был – от пяток до бровей –
похож на барских сыновей.

45

И сестры, дружные дотоле
 питомицы одной семьи,
 в неравной оказались доле –
 "попали в разные слои".
 Одной достались бриллианты,
 угодливые адъютанты,
 другой... Но в памяти моей
 маячит золушка (38) милей,
 чем та, что в блеске переменном
 превозносилась над сестрой
 и говорила ей порой
 со смехом холодно-надменным:
 – "Я – Хорват, помни, милый друг,
 а ты зсего лишь Касьянчук."

46

Якса, плативший дань маньчжурам,
 даур, а может быть, солон,
 шатры поставил за Амуром
 и основал Якса-хотон (39),
 защите хрупких укреплений
 доверил промысел олений,
 но вскоре на его людей
 напал Хабаров Ерофей.
 Якса-хотон, у них отбитый,
 теперь – по-русски – Албазин,
 для предприимчивых дружин
 прослыл стоянкой знаменитой:
 нзмноголюдный городок,
 но дальше – сказочный Восток!

47

Беда с ватагой непокорной:
 кто мог бы защитить права
 хоть грамотою договорной
 от грабежей и воровства?
 А тут – пушнина, рыба, раки,
 тайга – и сбродные казаки,
 отчаявшиеся рабы,
 скопленье беглой голытьбы.
 Но есть и хуже перемена:
 на юг раздвинув рубежи,
 за императором Шунь-чжи (40)
 ушли маньчжуры из Мукдена:
 куда от русских побегут
 даур, чахар, солон, баргут?

48

Повторным жалобам внимая
 почти беспомощных даур,
 их покорители Китая
 переселили за Амур
 в обширный край, на берег правый,
 но за добычей или славой
 пошла за ними и туда
 казачья буйная орда,
 хотя с которого-то года
 закон предписан был стране:
 сидел судья в Албазине –
 Толбухин, важный воевода,
 и правил именем царей (41)
 над пылкой вольницей своей.

49

Легко насиловать и грабить,
 трудней, быть может, умирать?
 Но их едва смогла ослабить
 десятитысячная рать!
 Линьтан, воитель заслуженный,
 пришел под город обреченный:
 что для беспромашных стрелков
 четыре сотни казаков?
 При первом пушечном обстреле
 с изрядным знаньем ремесла
 их ровно четверть полегла,
 а выжившие присмирели:
 без воеводы обошлись,
 потолковали – и сдались (42).

50

Пока, от плена застрахован,
 Толбухин в Нерчинск удирал,
 был пленниками очарован
 победоносный генерал:
 – "Пора вражду сменить на дружбу!
 Кто хочет к нам пойти на службу,
 забыть разбойный Албазин,
 того беру с собой в Пекин."
 Казаков было ровно триста,
 и пожелало сорок пять
 авансы ханские принять
 (теперь я не боюсь пуриста:
 ведь, на исходе стольких стрóf
 нет новых рифм и старых слов).

51

Веленью совести послушный,
 чтоб хорошо принять гостей,
 изрек Линьтан великодушный:
 – "И жен берите, и детей.
 Ваш плоский бог (43) и старый лама (44)
 не будут в Пекине без храма:
 великий хан уступит вам
 вместительный монгольский храм."
 Семейные – теперь солдаты –
 взвились, от счастья заплясав;
 пошли, в затылке почесав,
 и те, кто не были женаты:
 – "Такое дело! Ну и ну,
 найди теперь себе жену!"

52

За жалованье и гостинцы
 от государева двора
 забыли скоро албазинцы
 своих Ивана и Петра.
 Среди маньчжурок и монголов
 России крошечный осколок
 от быта русского отвык,
 потом забыл и свой язык.
 Отец – медведь рыжеволосый,
 а сын – раздвоенный метис
 (сменить согласен хлеб на рис),
 а внук, безусый и раскосый,
 не слышал песен про тоску
 в маньчжурском знаменном полку.

53

– "Романов, мой далекий прадед,
 не видел счастья на Руси,
 но догадался, что поладит
 с народом умного Кан-си (45).
 А при республике почтенной
 и службы нет у нас военной:
 ведь, если "хао те бу да дин",
 так, ясно, "хао жэнь бу дан бин"
 (из доброго куска железа
 никто не делает гвоздей:
 среди порядочных людей
 солдата нет – головореза)," –
 со мной прощаясь у дверей
 смеялся протоиерей (46).

54

В три албазинские усадьбы
не раз ходил я по делам,
бывал, конечно, зван на свадьбы
или – с делами пополам –
к Романову поесть пельменей.
Четвертым был отец Евмений (47),
который жил на островке
и от меня не вдалеке,
но за чугунные ворота
допущен был я только раз:
в его последний, страшный час
(озноб и громкая икота).
Конца дожидаться я не мог
и вскоре вышел за порог.

55

Пока, читатель, вас я маял
до полного упадка сил,
заездившийся Нафанаил
(по словарям – Нафанаил)
из Сремских Карловцев вернулся
и в тошный омут окунулся
тех административных дел,
что раньше сделать не успел.
Я казначеем был назначен
и нянчил нудную цифирь,
но будто ожил монастырь,
духовным пламенем охвачен:
небесное, оно не жгло,
но было от него тепло.

56

Мы переслушивали хоры
из "Парсифаля", а затем
порхали наши разговоры
вокруг нездешних теорем –
от Логоса и Демиурга
до Скрябина и Петербурга:
казалось, голубой гранит
запретной музыкой звенит,
кипит Поэмою экстаза,
лепечет плясками огня.
Задразнивала и меня
та музыкальная зараза,
хотя поныне медный бой
я часто путаю с трубой.

57

Сыновнего страданья ради,
 позорную облегчи боль:
Erbarmen! – молит о пощаде
 виновный рыцарский король.
 Но пусть его состав телесный
 преобразится мукой крестной
 и не бежит от острия
 того, голгофского Копья.
 Ступенью выше, чем другие,
 я не глядел в иную даль,
 не озарял мѣня Грааль
 неизъяснимой литургии:
 в рай не перепевался склеп,
 и хлебом оставался хлеб.

58

Вино – вином. Амфортас верил,
 раскаивался, изнывал,
 и я не лгал, не лицемерил,
 но дерзновенно омывал
 в большом серебряном потире
 боль, накопившуюся в мире,
 ложь, отстоявшуюся в боль,
 безволие сил, бессилые воль.
 Пропели рыцари – о хлебе,
 о крови – юноши (звончей),
 и наверху, среди детей,
 запели ангелы на небе:
 "Озарены огнем Твоим,
 Тебе поемь, благословимь.

59

Благодаримь!" А я не в силах
 из позапрошлого извлечь
 бэйгуаньцев милых – и немилых –
 хотя погряз до самых плеч
 в тряпье старушечьей корзины
 подскуповатой Мнемозины
 и наскоро тяну со дна
 не те, что надо, имена.
 Что это? Гербов позабытый,
 что "м" от "ж" не отличал
 и тѣлок за бычков сбывал (48),
 и снова Бердников немый...
 Тут радостно заржал Пегас:
 "Верни грязнульку в наш рассказ!"

60

Вы приходили на собрания (49),
 милейший Алексей Ильич,
 и важный подвиг воздержанья
 в смешную превращали дичь:
 – "Глупейшее из глупых пришил!
 Ведь, если кто-то пробку вставил
 навечно в задний свой проход,
 так разве ближе к Богу тот?" –
 А вот – прикрытые заплатой
 две родственницы, как на грех
 заматоревши я во днехъ:
 в наследство Миссии двадцатой
 подкинул их митрополит (50).
 А вот – Алиса Бауден-Смит (51).

61

Затем сановные солдаты,
 зарвавшись, начали войну (52).
 Антибританские плакаты
 расклеены по Пекину,
 но вместо ключевого знака
 теперь "свинья" или "собака"
 написана при слове "Ин" (53) –
 победы будущей почин.
 Как маленькая англичанка
 голодной смертью не умрет,
 спасет подобранных сирот
 без опечатанного банка,
 без помощи родной страны
 хотя бы до конца войны?

62

Чтоб узнавать по их окраске
 "врагов", японские вожди
 велели им надеть повязки
 багряные со словом "ди" (54),
 а невраждебным иностранцам –
 швейцарцам, шведам, мексиканцам
 и прочим лицам без примет
 присвоили зеленый цвет (55).
 В богоспасаемом Бэйгуане
 среди бескрасочной зимы
 зеленостью гордились мы,
 бесподанные россияне:
 с нашивкою и номерком,
 а все-таки не под замком! (56)

63

Под болтовню и тары-бары
 год исторический прополз,
 а в декабре падут удары
 На 'Prince of Wales' и на 'Repulse'.
 Пока Номуры и Курусы (57)
 разводят нудные турусы
 и вяло внемлет Вашингтон,
 не спят лазутчик и шпион.
 Пока за ширмою ужимок
 кряхтит и жметя дипломат,
 скоблит наводчик автомат,
 фотограф намечает снимок
 и всматривается вприщур
 в Гонконг, Манилу, Сингапур.

64

В тот год нерадостные вести
 нам сообщались о войне,
 но даже здесь была на месте –
 в ощерившемся Пекине –
 дочь рыцарского Альбиона:
 слегка кивнув, ждала поклона,
 и, тоже веря в Альбион,
 я ей отвешивал поклон!
 В пальто немодном, в шляпке серой,
 заботами удручена,
 на вежливый вопрос она
 мне отвечала с гордой верой:
 – 'Thank you. I'm perfectly all-right.
 I know my England. She will fight.'

65

Нерасторопного Номуру
 американцы взяли в плен
 и за вельможную фигуру
 легко устроили обмен,
 и выдали посла со свитой,
 чтоб мелюзге незнаменитой
 международный Красный Крест
 устроил долгий переезд
 в Лоренсо-Маркес. Как же, братцы,
 молиться за нее? Алис,
 Агнес, Терезий, Беатрис,
 Матильд не знают наши святцы!
 Владыка наш об этом знал –
 и *Александр* поминал (58).

66

За то, что не имел талантов,
 стукач, татарин рядовой,
 у безответных эмигрантов
 Селим Караев (59) был главой:
 из-под брозей зловеще-черных
 высматривал полупокорных,
 вынюхивал крамольный дух,
 улыбку, жалобу не вслух,
 и сразу сыпались удары:
 допрос, разнос, арест – подвал,
 где пленник долго изнывал,
 и все караевские кары.
 Потом, злодея покарвав,
 с него вдогонку брали штраф.

67

В тяньцзинском белом Комитете (60)
 бывать не приводилось мне,
 но страшные рассказы эти
 я часто слышал в Пекине,
 где нас корила и карала
 власть Розанова – генерала (61),
 но, к счастью, мелкий наш сатрап
 был добродушен, стар и слаб.
 У нас чуть больше было фальши,
 устраивались и балы,
 где бравые вились орлы
 зокруг прелестной генеральши (62),
 а также фат и краснойбай –
 порочный юноша Лобай (63).

68

В Путивле пела Ярославна
 зегзицею... дубрав? дубров?
 И генеральша пела славно
 романсы русских мастеров.
 Еще под властью комитета
 была тщедушная газета (64),
 а я к великому стыду
 свежее рифмы не найду,
 как не найду статьи милее,
 чем разухабистый рассказ,
 набор пустых, трескучих фраз
 о нашем славном юбилее
 и заголовок: "ТАК и ЦАК
 сердечно поздравляют ПАК"! (65)

69

Последним словом произвола,
венцом бессмысленных затей
была при комитете школа
для стайки маленьких детей.
Чтоб не манкировали дети,
Комиссия (66) при Комитете
их из-за каждого угла
и нянчила, и стерегла.
Твердили Миши и Наташи
"Достойно есть" и "Отче наш",
держат учились карандаш
и порридж отличать от каши,
чтоб их на будущей Руси
не спутать, Боже упаси!

70

Владыка, в черный плащ укутан,
на склоне ветреного дня
отвез на Си-гуань-инь-сы-хутун (67)
и сдал Комиссии меня,
где заседали Остроумов (68)
(тупейший из тяжелодумов),
слоноподобный Ипполит (69),
и – пусть меня судья простит
или сошлет в каменоломню,
но собственников языков,
болтавших сотни пустяков,
я ни за что теперь не вспомню:
один, молчавший, как мудрец,
запомнился Коростовец (70).

71

Миры на месте не толкутся,
вперед летят рои планет,
а мне приходится вернуться
назад на девяносто лет.
В те годы по земле бесплодной
Монголии немногочисленной
в Россию вывозил Китай
шелка, масла, кирпичный чай.
Тогда российский консул новый (71)
был послан, кажется, в Ургу:
мерз на ветру, тонул в снегу
по самой воротник бобровый,
пока верблюжий караван
коварный обходил бархан.

72

На вздыбленной спине верблюда,
 ухабами не смущена,
 тряслась, как деревянный будда,
 его бесстрашная жена (72) –
 в мужской дохе, под толстым пледом.
 Монголо- и китаеведом
 прославленным он стал поздней,
 и полдесятка словарей,
 учебников и "разговоров"
 составил вдумчивый Попов
 для сметливых оптовиков,
 посредников и экспортеров:
 кого просить, как долго ждать,
 кому какую взятку дать?

73

Увы, о консуле покойном
 не знаю больше ничего,
 хоть навещал в гнезде достойном
 вдову и дочерей его.
 Их было пять (73) причем четыре
 не дождались в нестойком мире
 бесспорных указаний звезд (74)
 и собственных не свили гнезд.
 Лишь черноокая Мария
 ушла от книжника-отца
 для Флавия Коростовца,
 но, страны повидав другие
 от Франции до Филиппин,
 вернулась к матери в Пекин.

74

Один у всех сестер Поповых
 был муж под общим башмаком,
 хотя в гостиных и столовых
 он почитался остряком.
 Никто не мог шутить лукавей,
 чем бывший парижанин Флавий
 Иванович, но был он мил
 не тем, что славно он острил,
 а беззащитностью душевной,
 чувствительностью, добротой,
 отзывчивостью, теплотой,
 какой-то кротостью безгневной:
 он всех и каждого жалел,
 а раздражаться не умел.

С Марией Павловной в беседы
я укрывался от войны –
в астрологические бреды,
в мистические полусны.
Мы разбирали гороскопы
вершителей судеб Европы:
нас на пророческую роль
натаскивал Louis de Wohl (75).
Научно, по эфемеридам (76),
мы составляли чертежи
и назначали рубежи
всем огорченьям и обидам:
лишенья трудных этих лет
сводили к проискам планет.

* * *

(Продолжение следует)

П Р И М Е Ч А Н И Я к П е с н е Ч е т в е р т о й

1. "На восток! На север!" – кричат рикши на перекрестках.
2. Цянь-мынь – Передние Ворота – большая площадь в сердце города.
3. Стихотворение Чу Гуан-си ("гуан" – один слог) перевел я только в Бразилии. Оно войдет во вторую антологию китайской классической поэзии "Тень на занавеске", которая, наверное, будет когда-нибудь издана.
4. "Сань-лунь-чэ" (трехколесный экипаж) – сочетание рикши с велосипедом.
5. Возможно, что имя Цзян Цзе-ши в южном произношении действительно звучит, как Чжан или Чан Кай-ши и даже "шек". На севере оно звучало только "Цзян Цзе-ши".
6. Михаил Александрович Успенский.
7. Имена монахов Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине.
8. Иеромонах Иннокентий, подкапывавшийся под отца Варсонофия. Умер вскоре по окончании войны – почти одновременно со своей жертвой.
9. После архимандрита Василия Павловского деканом Богословского Факультета был протоиерей Виктор Гурьев.
10. Основатель Казанско-Богородицкого монастыря, позднее – викарий харбинской епархии с титулом епископа Синьцзянского.
11. Модяговка – правильнее "Ма-цзя-гоу" (не то "канава семьи Ма", не то "Извозчицья"), по ширине не меньше Тибра. Приток реки Сунгари.
12. Леонид Иванович Воротынцев, двоюродный брат архиепископа Виктора, заведовал хозяйством Российской Духовной Миссии в Китае. Трезвым его не помню.
13. Иеромонах Авраамий (впоследствии игумен и, кажется, архиман-

дрит) – в миру Николай Вильгельмович Спиф (так обрусела шведская фамилия Спунвенгольм). Службу в России начал при П.А. Столыпине. В Харбине был близко знаком и дружен с семьей Крузенштерн. Хранил множество записок и воспоминаний о дореволюционной России; читал их на открытых собраниях в помещении "Пекинского Антиккоммунистического Комитета" (органа японской военной миссии для наблюдения за русскими эмигрантами), а еще чаще – в квартире архимандрита Нафанаила.

14. Во время "боксерского" восстания все постройки Российской Духовной Миссии были разрушены. Когда восстание было подавлено, в виде возмещения убытков Миссия получила "Сь-е-фу" – именье четвертого принца Маньчжурской династии. Свято-Иннокентьевская церковь была ранее буддийским храмом. К ней примыкали архиерейские покои той же архитектуры. "Сибайдянь" (Западный белый павильон) был расположен справа от молельного двора перед церковью. "Дунбайдянь" (Восточный белый павильон) давно сгорел.

15. Право служить на орлецах давалось некоторым архимандритам в ознаменование заслуг.

16. Иаков и Иоанн – "сына Громова" (двойственное число). В Бразилии я встречал довольно вертлявого молодого человека, которого звали "Бонафрес". Он один представлял обоих братьев-апостолов.

17. Генерал Михаил Викторович Колобов, член Совета Миссии. Написанная им книга – "Бэй-гуань" – непревзойденный образец изящной словесности. Выпущена анонимно.

18. Дмитрий Петрович Пантелеев, редактор миссийского журнала "Китайский Благовестник", человек редкой эрудиции. От него я впервые услышал историю архимандрита Иакинфа Бичурина – со всеми подробностями.

19. П. Кониси, первый переводчик "Дао-дэ-цзина" на русский язык, был близок к графу Л.Н. Толстому. В "Китайском Благовестнике" (два номера я привез в Бразилию) напечатаны воспоминания М. Кониси о первом русском епископе Японии – Николае.

20. Длинный дом, когда-то построенный под Успенский монастырь, был сдан по комнатам русским беженцам. Некоторые платили ренту.

21. Генерал Космин, сохранивший связи с японской военной миссией и после вынужденного отъезда из Харбина, вскоре переселился в комнату при миссийской молочной ферме. Пудрился.

22. Алексей Ильич Бердников, в прошлом сотрудник Пастеровского Института в Париже и организатор русской оперы, вскоре устроился в подвальном помещении под корпусом.

23. Ярцев – кажется, бывший военный.

24. Г-жа Цимбалова была раньше учительницей в миссийской начальной школе.

25. Любовь (отчества не помню) Сполатбог была в родстве с жившим в отличной квартире в городе Елачичем, родственником знаменитого хорватского бана.

26. Си Ши – наложница Фу-ця, короля У (в устье реки Янцзыцзяна), женщина исключительной красоты (5-ый век до Р.Х.), способствовавшая падению и гибели короля.

27. Имя архимандрита произносилось в Пекине с ударением на последнем "а".

28. Байлинсы – "Монастырь Кедровой Роши" – находился у северной городской стены совсем близко к Бэй-гуаню. Лучшее всего запомнилось мне монастырский колодец – древний, полуобвалившийся. С.М.Вахромова и я прозвали его "колодцем Иакова".

29. Софья Михайловна Вахромова, урожденная Сырова, духовная дочь и почитательница архимандрита Нафанаила. По окончании войны пригласила меня вместе "вернуться на родину". Я не вернулся, а она уехала.

30. Книга вышла в октябре 1974 года, но вот уже кончается февраль 1975-го, а в печати не было ни одного отзыва.

31. Или, все-таки, Мелецкий?

32. Кажется, опять автореминисценция! В титуле предка Казем-беков я не уверен: слышал его от матери красавицы один раз.

33. Олега Ивановича Исаева.

34. Дмитрий Дмитриевич Хорват, младший из двоих сыновей генерал-лейтенанта Дмитрия Леонидовича, удачливый делец.

35. "Гряди, голубице!"

36. Звали его, кажется, тоже Дмитрием ("Митяем").

37. Камилла Альбертовна, супруга генерал-лейтенанта Д.Л.Хорвата, урожденная Бенуа (из семьи художников).

38. "Золушку" звали Евгенией.

39. В первой половине 17-го века.

40. Первый император Маньчжурской династии, воцарившейся в Китае.

41. Иоанна и Петра Алексеевичей.

42. В 1685 году.

43. "Можайская" икона святителя Николая.

44. Священник Максим Леонтьев, которого албазинцы "прихватили" с собою в Пекин.

45. Албазин пал, когда в Китае царствовал Элге-тайфин (годы правления Кан-си: 1662-1723).

46. Протоиерей Михаил Мин, директор Русско-Китайской начальной школы, епархиальный миссионер. По маньчжурскому обычаю, каждое новое поколение албазинцев принимало новую фамилию. Другие китайские протоиереи – Дубинины – принадлежали к разным поколениям: двое носили фамилию Дэ, а третий, живший в Тяньцзине, был Жуй.

47. О. Евмений Ин, соборный протодиакон, регент архиерейского хора. Умер, кажется, в 1943 году.

48. Телята, рождавшиеся на миссийской ферме, немедленно исчезали. Заведующий – Гербов – неизменно объяснял, что родился бычок, который был продан на мясо всегда одному и тому же покупателю, у которого тоже была молочная ферма.

49. У архимандрита Нафанаила.

50. Племянницы митрополита Иннокентия, сестры Фигуровские, жили на иждивении Миссии (впрочем, очень скромно). Смутно помню одну из них – Ольгу Павловну, имя другой забыл.

51. Дочь английского генерала или адмирала, содержавшая в помещении женского монастыря небольшой приют для китайских девочек.

52. Генералы и полковники, правившие Японией.

53. Китайская идеограмма "ин" (Ин-го – Англия) пишется с ключевым

знаком "трава" и означает цветущее растение. Во время войны японцы присоединили добавочный ключевой знак – чжу (свинья) или цюань (собака). Как писалось тогда слово "Нидерланды", не помню. Названия союзниц: Германии, Италии, петеновской Франции, изменений не претерпели.

54. Враг.

55. Не помню, была ли на моей зеленой повязке какая-либо надпись. Кажется, была идеограмма "вай" (иностранец). А номер – был.

56. "Враги" скоро были согнаны в концентрационные лагеря.

57. Вплоть до ночного нападения на Жемчужную гавань и другие тихоокеанские базы США и Англии Япония – для отвода глаз – вела в Вашингтоне переговоры, якобы, для мирного разрешения назревших вопросов, в частности, отказа США продавать ей железный лом. Японскими уполномоченными были Номура и Курусу.

58. Алиса Бауден-Смит, вероятно, лютеранка, была на время напутственного молебна переименована Архиепископом Виктором в Александру. У меня сохранились ее Библия на китайском языке, Коран и несколько шелковых закладок для книг. Плаванье в Африку оказалось мучительнейшим. По слухам, еще до окончания войны мисс Бауден-Смит умерла в Англии.

59. На одном торжественном собрании Караев возгласил: "За здоровье покойного Государя Императора – ура!". И все кричали.

60. Селим Караев возглавлял ТАК – Тяньцзинский Антикоммунистический Комитет, которому были подчинены такие же комитеты в других городах.

61. После капитуляции Японии в августе 1945 года генерал Розанов стал... председателем Общества Советских Граждан!

62. Недурной певицы.

63. Лобай-Жумановский (кажется, Владимир). Было ему лет двадцать. В Пекин он приехал из Шанхая, одно время жил в Бэй-гуане.

64. "Возрождение Азии".

65. Расшифровка: "Тяньцзинский Антикоммунистический Комитет и Циндаоский Антикоммунистический Комитет сердечно поздравляют Пекинский Антикоммунистический Комитет".

66. Культурно-Просветительная Комиссия при Пекинском Антикоммунистическом Комитете.

67. ПАК помещался в большом доме по Си Гуань-инь-сы хутун (Западному переулку монастыря будды Гуаньинь).

68. Директор начальной школы при ПАК.

69. Или Ипполитович – Бруннерт. Он умел топтаться на месте, как слон, и при этом казалось, что уши у него тоже приплясывают.

70. Флавий Иванович Коростовец, сын Ивана Яковлевича Коростовца, сопровождавшего С.Ю.Вите в Портсмут по окончании русско-японской войны и написавшего несколько книг о судьбах России на Дальнем Востоке. Позднее был послом Российской империи в Китае. Флавий Иванович окончил Санкт-Петербургский университет. Был отлично образован, славился необыкновенным остроумием. В пятидесятых годах переселился в Австралию. Умер в конце шестидесятых годов в Брисбэне.

71. Павел (отчества не знаю) Попов, выдающийся востоковед, автор многих исследований, составитель учебников и – в сотрудничестве с архимандритом Палладием – китайско-русского словаря.

72. Рассказ вдовы консула П.Попова о путешествии через Сибирь и по Монголии я слышал от нее самой. Она умерла в Пекине на рубеже тридцатых и сороковых годов.

73. Старшая, Александра Павловна, работала в Американско-Китайском Институте (точного названия не помню), где изучалась китайская культура. Вторая, Елена, работала в посольстве Нидерландов. Третья, Вера, была занята делами благотворительности. Ольга (четвертая или пятая) вела дом. Только Мария Павловна была замужем и имела сына Марка. Семья Коростовец жила в отдельном флигеле, а мать и незамужние сестры – в главном доме.

74. Не все, но, кажется, три или четыре сестры Поповы увлекались астрологией. Гороскопы составлялись чуть ли не на каждый день, и без "вещения звезд" не предпринимался ни один шаг. Архиепископ Виктор добродушно прозвал милых Поповых и Марию Павловну Коростовец "вещими сестрами".

75. Известный венгерский астролог.

76. Таблицы положения солнца, луны и планет на каждый день года.

Н а к и п ь

(Окончание. Начало повести в номерах 37-38 и 39-40)

19.

Диссидентская демонстрация состоялась под аккомпанимент сильнейшего снегопада, усиленных нарядов милиции по углам площади и, как выразилось впоследствии западное радио, "при слезах у многих прохожих". Насчет слез Чернин ничего сказать не мог, ибо его лицо в течение всей процедуры стояния у памятника Пушкину было залеплено снежинками, быстро таявшими, правда, ибо мороза, к счастью, не было. Он лично, так же, как и Сохнов, и Склянский, и Миша-физик, и все остальные, имел довольно взмоченный вид. При желании легко было заподозрить, что все они, с их мокрыми лицами, долго и упорно что-то оплакивали. Что оплакивали прохожие, — было таким же молчаливым секретом.

Академик Сахаров на площадь не пришел. — Он не хочет подвергать нас лишней опасности, — пояснил Сохнов. Это прозвучало не очень убедительно; вероятно, имелись другие причины, но задавать вопросы никто не стал. Сгруппировались около памятника — облепленный толстым покровом снега, Пушкин казался чугунным Дедом Морозом. Милиция держалась на почтительном отдалении; никаких пьяниц и хулиганов не было, но в группах вполне штатских по виду людей, одетых почему-то в однотипные ондатровые шапки и стандартные пальто, угадывалось присутствие всем известной организации.

Впрочем, держались гебисты, как и милиционеры, довольно прилично. Даже когда Склянский, подвыпивший изрядно и потому нарушивший молчаливость процедуры стояния у памятника, начал басисто оглашать воздух сентенциями о полярниках и полярных медведях, гебисты не восприняли это как нарушение "правил игры". Просто один из них, отделившись от своей группы, подошел к Склянскому, безошибочно титуловал его: "Цезарь Моисеевич, дорогой", и укоризненно, однако очень мягко, посоветовал посидеть в ближайшем ресторане, если холодно, в компании хотя бы с ним. Склянский отдернулся оскорбленно, но голос снизил. Гебист, соответственно, отошел к своей группе. По сигналу Сохнова все диссиденты на минуту сняли шапки, подставив шевелюры и лысины, прически под бокс или под польку, и даже дамские артифаги сложнейших наименований под падающие хлопья снега. Эта минута непокрытых голов должна была сим-

волизировать дань уважения советской конституции. После того, как шапки были вновь водружены на головы, демонстрация закончилась. Дюжина иностранных корреспондентов сделала положенные фотоснимки, в свою очередь будучи запечатленной на фотопленках гебистов, и наступило время расходиться по домам. Это осуществили в полном порядке диссиденты, гебисты, милиционеры и прохожие "со слезами на глазах".

Как всегда, ситуацию приличия пытался нарушить шумливый Склянский. Он начал было декламировать стихотворный коктейль из Мандельштама, Галича и Бродского, но, подзапутавшись и будучи уговорен Сохновым "не привлекать внимания", сник, пробормотал пару предложений на тему "поэт и толпа" и вскоре, незаметно как-то, отделился от сохновской группы. Чернин, во всяком случае, его больше не видел.

На следующий день слушали сообщения западного радио о демонстрации. Они различались главным образом темпераментом и дикторскими голосами. Суть же была одинакова. "Би-би-си" отметило исключительную "сдержанность", проявленную властями, а в обзоре "Глядя из Лондона" Анатолий Максимович Голдберг связал эту "сдержанность" с борьбой внутрикремлевских группировок. Видимо, — резюмировал он, — умеренные лидеры советского правительства берут верх над представителями жесткого курса. Это свидетельствует об эволюции и либерализации режима, а также о возросшем влиянии диссидентских кругов. В передаче "Голоса Америки" информация из Москвы была задвинута между джазовой программой и обзором для филателистов. Насчет самой демонстрации диктор сказал немного, но зато подчеркнул, "ссылаясь на осведомленные источники", что американское посольство в Москве удовлетворено "прогрессом в деле соблюдения гражданских прав в СССР". "Немецкая Волна" выражалась более скептически, но тоже полагала, что в отношении "гражданских прав" в Советском Союзе заметно улучшение. Радио Израиля сообщило биографии всех еврейских участников демонстрации, включая Чернина. Наибольшая часть похвал пришлось по адресу Склянского, которого назвали "видным активистом сионистского движения". Ссылаясь на еврейские круги в Москве, диктор заявил также, что в ближайшие дни Склянский получит визу на выезд в Израиль.

Последнее сообщение вызвало сенсацию. Сохнов стал звонить Склянскому, желая узнать подробности. Тот сказал, что ничего определенного не знает еще, но во время последнего визита в ОВИР с ним говорили какими-то странными недомолвками, по принципу: "с одной стороны" и "с другой стороны". Может быть, — предположил он, — нажали американцы. Среди американских евреев у него много заочных друзей. Поскольку Израиль не имеет дипломатических отношений с Союзом, всё проходит через янки. Он так и сказал: "через янки", явно шеголяя своей фамильярностью в некоторых связях. На всякий случай Сохнов поздравил Склянского с реальными перспективами на выезд. — Реального еще не вижу, — пробасил в ответ Цезарь Моисеевич, — но "мы не можем ждать милостей от реальности — сделать реальность — вот наша задача". — Узнаю голос мичуринца-натуралиста, — рассмеялся Сохнов. — А что вы думаете? — сказал

Склянский. – Был таковым, никуда не денешься... Вот и поеду в Израиль мичуринские методы проповедывать. У них апельсины хорошие, да небольшие. Глядишь, скрещу их с арбузами... – Нам-то пришлете от щедрот своих? – спросил Сохнов. – Да уж не забуду московских друзей, не забуду...

По случаю успеха демонстрации закатыли соответствующую пьянку. Но особого веселья не было: может быть, приелась частая повторяемость однородных компаний, может, берегли силы к близкому Новому году – кто знает? Из дома Сохнова Чернин вышел вместе с физиком-Мишей; им было по пути на метро. Уже в вагоне Миша начал коняться в толстом портфеле со множеством цепочек, молний и металлических пластинок. Покопавшись и едва не сломав одну из заедавших молний, достал потрепанную книгу. – Вот послушай, – сказал он Чернину и начал читать вслух:

"Пересекая сквер, улицу, площадь, переминаясь скорбно перед памятником великого человека, добродушный вчерашний субъект зашагал с преогромной дубиной; грозно, немо, торжественно, так сказать, с ударением, выставляет вперед субъект свою ногу в калошах и с подвернутыми штиблетами; грозно, немо, торжественно субъект ударяет дубиной о тротуар; с городовым Брыкачевым ни слова; городской Брыкачев это тоже ни слова, а так себе в пространство, с решительностью:

– Проходите, господа, проходите, не застывайтесь.

И глядишь: где-нибудь циркулирует пристав Подбрижный.

Так и прыгает глаз моего протестанта: и туда и сюда; не собрались ли в кучку перед памятником великого человека такие же, как он, протестанты?.. Но памятник великого человека оцеплен полицией; на площади же – никого нет.

Походит, походит субъект мой, вздохнет с сомнением; и вернется к себе на квартиру; и мамаша его поит чаем со сливками.

– Так и знай: в тот день в газетах что-нибудь пропечатали: что-нибудь – какую-нибудь: меру – к предотвращению, так сказать: чего бы то ни было; как пропечатают меру – субъект и забродит.

На другой же день меры нет: нет на улицах и субъекта: и субъект мой доволен, и городской Брыкачев мой доволен; и пристав Подбрижный доволен. Памятник великого человека не оцеплен полицией."

Миша читал с придыханием, громко, не принимая во внимание соседей – только для одного Чернина. Откинув длинную гриву волос, за которую его, шутя, называли Эйнштейном, победно посмотрел на Аркадия Яковлевича. В глазах – торжество, будто читал книгу собственного сочинения.

– Узнаешь?

– Не узнаю, – сознался Чернин.

– Андрей Белый. Роман "Петербург". Написано еще до революции. А ведь похоже на нас, а?

Чернин должен был признать, что похоже.

– Вот я и говорю, – продолжал Миша. – Грустное сходство. Только поменяй немного местами: Петербург на Москву и городского на милиционера. Да еще калоши теперь не носят. А субъекты мы очень похожие. Такие же ничтожества, как и тогда. Памятник великого человека не спасает, разумеется. Оттого и грустно...

Помолчали. Чернин взял книгу, полистал страницами, признался, что не читал раньше, да и вообще Андрея Белого знает понаслышке. Миша в ответ сказал, что теперь Белого, слава Богу, издают, но очень умеренно. – Значит, ты считаешь, что демонстрация наша немного стоила? – спросил Чернин. – Да уж не больше, чем собрания субъектов у Белого, – ответил Миша. Снова помолчали. Стало, действительно, грустно. К счастью, Чернину надо было выходить; а Миша ехал остановкой дальше. Распрощались, и Аркадий Яковлевич пошел к себе домой, размышляя по дороге о том, что всё у него как-то двусмысленно в его отношениях с диссидентами. Свой и не свой он у них. Впрочем, они сами – не слишком понятные люди. И дружбы настоящей между ними незаметно. Приятельство скорее, дела и делишки разные – но не дружба. Вспомнился опять Саша с его выкриком: "накинь". Кстати, ничего не спросил о Саше. Может, Миша что-нибудь знает о его судьбе горемычной? Ну да ладно, еще успеется... А демонстрация как-никак прошла и Андрей Белый, в конце концов, тут ни при чем. Если всё в жизни сравнивать с литературой, то и жить будет невозможно. Жить надо, просто жить, не мудрствуя лукаво...

И Аркадий Яковлевич, достав из кармана ключ, начал осторожно поворачивать его в квартирном замке. Дверь отворилась; он зажег свет в передней, прислушался. Было, как всегда в таких случаях, неловко перед Фаиной Борисовной за поздние возвращения. Хороший она человек, но смущается он её немного. Вот если б Зина была здесь! На минуту ему вдруг подумалось, что Зина сидит в его комнате. Вот было бы чудно!.. Осторожно ступая, он прошел к себе, включил свет... Никого, разумеется. Что ж, тогда в постель!.. Спать, спать; устал он очень, да и пьёт он слишком много в последнее время... А демонстрация всё же прошла, и хорошо прошла, но еще лучше, кажется, что других демонстраций не намечается. Баста!.. Финиш!.. Конец!..

С этим Чернин и уснул.

20.

Зина приехала под Новый Год. Она вошла в квартиру, сияющая, в пушистой шубке и белых полусапожках, источая аромат свежести, духов и лучезарных улыбок. Был один из тех редких моментов, когда Чернин находился дома. – Почему не дала телеграмму? – спросил он, снимая зинину шубку, а затем буквально накидываясь на Зину с объятьями и поцелуями. Все-таки долгое воздержание давало о себе знать; он готов был тут же увлечь её в постель, но Зина устояла. – Потерпи до вечера. Сначала я должна поговорить с Фаней, да и устроиться, как следует... Как всегда, она была права: Фаина Борисовна приехала через полчаса, в необычное для нее время. Увидев сестру, бросилась к ней на шею; заплакала, засуетилась по квартире, собирая обед; потом позвонила на работу и отпросилась на пару дней "по семейным обстоятельствам". Отпраздновали приезд Зины втроем; Чернин отменил все свои визиты к Сохнову и компании. Было весело, по-хорошему интимно, и это дало Чернину внутренний повод пофилософствовать немного на тему преимуществ спокойной семей-

ственности перед суетой беспорядочных застолий и знакомств. Все-таки он был рожден домоседом, в какие бы круги политики ни кидала его судьба-злодейка.

Вечером, когда они остались вдвоем и пережили сладость долгожданной близости, Зина подробно рассказала Чернину о её плане действий. Был он продуман неплохо, и Аркадий Яковлевич лишний раз убедился, насколько разумной бывает женщина с сильным характером, принимая решения, которые не под силу иному мужчине. Конечно, план Зины мог удалиться лишь при одном условии, а в этом ревнивая подозрительность обывателя могла узреть коварный расчет. Чернин и Зина должны были официально зарегистрировать свой брак. В сущности, то была давняя зинина мечта, однако что плохого теперь мог усмотреть Чернин в таком желании? Он был разведен, старой семьи не существовало, и он поклялся бы с чистой совестью, что распалась она вопреки его попыткам примирения. Хотя он и вспоминал нередко Полину Андреевну и дочку, однако дальше некоторой грусти о былом чувства его не заходили. Зина же была его самой любимой женщиной. А если эта женщина еще и умна и преданна, что еще может помешать их счастью?

Помешать могли только внешние факторы: его висячее положение в Москве, потенциальная перспектива репрессий из-за связей с диссидентами, плюс надвигающееся безденежье. Но именно эти беды устранил план Зины.

Она сообщила ему то, о чем, оказывается, умалчивала Фаина Борисовна, несмотря на всю свою любезность с Черниным. Уже несколько месяцев тому назад обе они: и Зина, и Фаина Борисовна, получили израильский вызов от своих дальних родственников в Тель-Авиве. Между сестрами произошел оживленный и, временами, бурный обмен мнениями. Фаина Борисовна наотрез отвергла для себя и своего сына перспективу выезда в Израиль. Что касается Зины, то она решила, что не воспользуется вызовом немедленно, но вообще не исключала такой возможности.

Когда же она узнала обо всем, случившемся с Аркадием Яковлевичем в Леногорске, ей стало ясно, что время пришло. Однако Новосибирск был плохой стартовой площадкой для начала хлопот, и звать к себе Чернина, меняя одну провинциальную склоку на другую, Зина не хотела. Она правильно рассудила, что закрепив его в Москве, она, с одной стороны, избавит его от прозябания в провинции, а, с другой, — сделает себя еще более необходимой для окончательного решения его проблем. И после этого она действовала без колебаний: взяла расчет в своем НИИ, сдала новосибирскую квартиру. Не вполне известной величиной оставалось для неё согласие Чернина на их брак. Ни в письмах, ни в телефонных звонках к нему, — нигде она не затрагивала *прямо* этой темы. Более того, она всё время удерживала его от обсуждения конкретных планов: что делать дальше? — Вот встретимся в Москве, тогда и решим, — внушала она ему, заполняя письма и междугородние их беседы любовным щебетом и теми милыми пустяками из лексикона любовников, которые поддерживали Чернина в нужном тоне страсти и ожидания, но не слишком проясняли его буду-

шее. В сущности, для человека с темпераментом Аркадия Яковлевича такое поведение Зины было верхом мудрости. Его будущее олицетворялось теперь в Зине. И вот, наконец, это будущее начало вырисовываться.

Конечно, он с восторгом давал свое согласие на брак с Зиной. Хоть завтра зарегистрируемся... – Завтра – не завтра, – поправила его Зина, но желательно подать заявление еще до Нового Года. Здесь с нашим браком не будут спешить так, как с твоим разводом в Леногорске. Да еще и месяц положен на размышление. Мы должны сдать документы в ОВИР уже как муж и жена. Мой вызов действителен, а в крайнем случае получим и повторный...

Чернин соглашался с ней. Именно так и надо действовать. Он сказал, что ему уже несколько раз предлагали устроить израильский вызов на него лично, но он отказывался, поскольку ждал Зину и хотел посоветоваться с ней здесь, в Москве, не доверяя ни письмам, ни телефонам. Он, правда, умолчал о другой, подспудной причине своей медлительности. Выработанная годами мимикрия, внутренняя неприязнь ко всему еврейскому, засела в нем – еврее наполовину, очень крепко. С тайной завистью слушал он откровенные разглагольствования Склянского в защиту сионизма и еврейства. Он бы так не сумел говорить – не из-за особой преданности зову своей русской крови (её – этой преданности, не было; это, пожалуй, привилегия Никанорова и подобных ему "чистых русаков"), а просто из-за вечной своей раздвоенности – что в мыслях, что в карьере, что в любви до недавнего времени. Только Зина своей цельной натурой пробуждала в нем какие-то порывы к цельности. Но хоть и любил он её как женщину, голос внутри то и дело подсказывал легкое сожаление о том, что она еврейка. Знал, что это черт-те знает какой глупый инстинкт в нем бродит, понимал, что и права морального он на подобные чувства не имеет, а всё не мог искоренить в себе некое мгновенное содрогание при слове "еврей", "еврейка", "еврейский". Куда уж ему до высокопарно-просионистских речуг Склянского! Он и вызова израильского не хотел на свое имя, потому что даже в диссидентских кругах, насквозь пронизанных еврейством, предпочитал не акцентировать внимание на своем двойном происхождении. Зина, как всегда, упрощала для него то, что было слишком сложно. И теперь он выедет вместе с ней в качестве *русского* мужа еврейки, едущей в Израиль. А если следовать советам Никанорова, то можно потом ехать не в Израиль, а в другую страну – допустим, во Францию или в Штаты. Уж там, на Западе, он сумеет и выбор правильный сделать, и Зину уговорить.

В эту ночь они переговорили о многом. Чернин рассказал в деталях о своем московском житье-бытье. Поведал о диссидентах, сознавшись, что по-прежнему чувствует себя случайным человеком в их среде, но просто некуда ему податься теперь. Научная карьера его загублена, в грузчики идти, честно говоря, не хочется, да и не возьмут его на работу в Москве без постоянной прописки. Играть в убежденного "борца за гражданские права", ждать в будущем ареста и лагеря, – просто глупо. Политика вообще не его стихия, тем более политика, где неизвестно в точнос-

ти, из-за чего сыр-бор разгорелся. И он рассказал Зине о сохновском кружке, о демонстрации, о судьбе Саши Маркевича, о том, что говорил ему Никаноров про диссидентов. Зина слушала с большим интересом. Хотя многие подробности были для неё неизвестны, в общем она не удивилась сдержанности Чернина в отношении его московских друзей. Примерно в таком духе характеризовал ей диссидентскую публику Тафик Зворян, который рассказывал и о ленинградских "инакомыслах" вдобавок. — Тафик, — сказала Зина, — очень сочувствует тебе, но считает твоё поведение не очень умным. Смягчился лишь, когда узнал, что в Москве мы собираемся подать заявление на выезд. Это он одобрил.

— И я одобряю, — отозвался Чернин, целуя Зину. — Одобряю и верю, что всё у нас устроится замечательно на Западе. — Он сказал "на Западе", а не "в Израиле", и Зина не поправляла его. Может, она просто не думает о таких оттенках, может, еще что... В общем, всё как-нибудь устроится...

21.

Утро следующего дня принесло обычные хлопоты, но даже в самой будничной беготне: в ЗАГС, в магазины, к знакомым, Чернин ощущал как бы второе дыхание. Теперь он зависел не от случайных знакомств и благосклонности чуждых ему людей. Теперь с ним была Зина, которая знала, чего хотела и за себя и за него. А это так хорошо — скинуть бремя ответственности, которая одному тебе не по силам! Так легко и приятно в гудении предновогодней Москвы мечтать, что следующий год принесет счастье на какой-нибудь далекой и заманчиво-экзотичной земле. Не важно, где в точности, — где-нибудь в "прекрасном далеке" — вот что главное. И Чернин уже верил в это далекое-прекрасное, а по времени — надеялся он — довольно близкое даже...

Новый Год он и Зина провели не в Москве, а в лесной сторожке одного из знакомых Фаины Борисовны, посреди густого, многоярусно засыпанного снегом, ельника. В подчеркнутой незамысловатости их праздника была своя красивая символика. Потрескивали поленья в печке; на столе, при свете свечей, стояли бутылки шампанского и водки, лежали привезенные из Москвы банки консервов, пара головок сыра и круг колбасы. Хотя Чернин уже познакомил Зину с Сохновым и другими диссидентами, они отклонили все новогодние приглашения и выбрали этот уединенный вариант праздника, словно подчеркнув для себя, что только они вдвоем пролагают себе дорогу в их по-настоящему *Новый* год. Фаина Борисовна не могла им составить компанию. Ей нужно было провести праздник в кругу знакомых по работе. Для Зины и Чернина это оказалось к лучшему. От всех других возможных сотрапезников они отделались без тени внутреннего смущения и здесь, в деревянной лесной сторожке, среди зимне-лесной дремучести, как будто среди самой вечности, они принадлежали только друг другу. Ласково подрагивали огоньки свечей и переливались золотистые шарики на прислоненной к стене, кое-как украшенной, но всё равно красивой, ёлке. Новый Год предвещал едва ли не вечное счастье, даже если точно

знать, что в этой жизни ничего вечного не бывает. Зато обновление их судьбы, сходное с этим новогодним приливом надежд, было где-то на горизонте. На горизонте их общей мечты...

Дальнейшее, когда о нем Чернин вспоминал уже впоследствии, происходило в небывало убыстренном темпе. Никакого сравнения с тем, как тянулись для Аркадия Яковлевича дни и недели его существования в отрыве от Зины. Что значила объединенность совместных усилий и планов! Почти всё удавалось без лишних препятствий и почти без нажима. Брак их был зарегистрирован в положенный срок; документы в ОВИР они сдали незамедлительно и приняли эти документы самым обычным образом, не выказав ни удивления, ни желания помешать в чем-то. Просто женщина в милицейской форме сообщила, что установленный срок ожидания составляет три месяца, но в их случае, кажется, решение придет быстрее...

Как-то само собой уменьшились контакты Чернина с кружком Сохнова. Аркадий Яковлевич по-прежнему давал свою подпись под разными документами диссидентов, однако не только не испытывал былого энтузиазма, но самый интерес ко всей диссидентской тематике испарялся неумолимо. Одна Зина владела его чувствами, по-молодому обострившимися теперь. Их общие маленькие проблемы казались истинно самоценным и настоящим; всё остальное было внешним, проплывающим мимо, словно эти московские облака, источники снежинками и городским смогом. В феврале они узнали, что Скланский благополучно отбыл из Москвы в Вену. Дня два Чернина мучили угрызения совести, что он пропустил проводы Цезаря Моисеевича. Позвонил в связи с этим Сохнову, начал извиняться, но испытал мгновенное облегчение. Оказывается, никаких проводов не было – Скланский предпочел уехать как можно тише. Видимо, опасался осложнений в последний момент, – сказал Чернину Арнольд Витальевич, – его можно понять... Но в голосе Сохнова не было особой уверенности. Скорее всего, поведение Скланского и ему – сверхтерпимо-гибкому человеку, было не по душе.

В последнем для Чернина *советском* годе его жизни погода упрямо не ладила с календарем. Зима была, в общем, теплой; зато март холодил по-зимнему. И все же весна объявилась звоном первых сосулек в редкие солнечные мгновения и талостью освеженного воздуха, который кружил голову тем особенным придыханием дальних полей и лесов, которое приносится в большой город только по весне. Чернин нередко выходил на балкон полюбоваться панорамой Москвы – в конце концов, родной все-таки город! С балкона открывалась – резко, в упор – пирамидальность высотных зданий, игольчато шупавших небо, и дальше – дымкой полусфер и прямоугольников, тянулись кварталы жилых домов, темные пятна садовых массивов. Если подойти к самому углу балкона и почти перегнуться влево, то в очень красивом ракурсе виднелось несколько кремлевских башен. Всё вместе производило впечатление застывшей каменной симфонии, где главную тему вели серовато-дымчатые тона, а дополнительную оранжировку сообщали темные краски свинцового неба да еще силуэтно-резкие очертания шпилей, линий высоковольтных передач и арочных мостов. Если б

не годы сибирской жизни, Чернин, пожалуй, вновь почувствовал бы себя закоренелым урбанистом. Но привычка – вторая натура и потому каменно-симфоническое великолепие Москвы хоть и впечатляло невольно, однако в общем волновало гораздо меньше, чем он ожидал. К тому же, смотря на панораму Москвы, он тайне примерял себя к не виданным еще, но близко возможным, видам Парижа, Вены или Нью-Йорка – вот где будет разгуляться воображению! И он уходил с балкона поступью победителя, для которого Москва была лишь пересадочной станцией по дороге к настоящей жизни. Смешно, конечно, но так или что-то вроде этого он думал про себя.

В один из мартовских вечеров на квартиру к ним, после короткого телефонного звонка, приехал Никаноров. Пили кофе с коньяком, беседовали о разных разностях. Устроили небольшое поэтическое состязание. Зина декламировала пастернаковское: "Февраль! Достать чернил и плакать!" Никаноров, смеясь, упрекнул её в отставании от бега времени: "Какой же сейчас февраль, и чего его оплакивать? Надо мартовские стихи цитировать!" И он красиво прочел из Мартынова: "Я чую наступленье марта..."

Зина определенно понравилась ему: Борис Викторович наговорил ей комплиментов, по-видимому, вполне искренних; поздравил Чернина с замечательной подругой жизни, много каламбурил, шутил по поводу их "западных перспектив". Вечер прошел очень приятно, а сам Никаноров просто очаровал Зину и Фаину Борисовну. Общий восторг усилился еще и тем, что Никаноров доверительно сообщил о своих попытках помочь Аркадию Яковлевичу. Оказывается, он беседовал кое с кем в ОВИРе насчет их отъезда и теперь знает наверняка: ждать им совсем недолго, меньше обычного срока. – Вот я и решил, – добавил он, поглаживая усы и допивая кофе-глицсэ, – проводить старого друга-Аркадия, пока есть возможность. В официальной обстановке мне это нельзя, сами понимаете. А здесь, под покровом домашнего уюта, могу сказать интимное "гуд-бай". И никто мне – не свидетель при сём...

Действительно, Никаноров был добрым вестником – это подтвердилось очень скоро. Повестка из ОВИРа пришла буквально через пару дней после его визита.

Чернин и Зина, взволнованные и напряженные внутренне, явились в назначенное время; отсидели примерно с час в очереди, наблюдая, как из кабинета, куда они были приглашены повесткой, выходят то расстроенные вконец, то ликующие люди, и были затем информированы пожилым, довольно тусклым милицейским чином, что им дано разрешение на выезд в Израиль. Подготовительная процедура к отъезду включала несколько стадий: необходимо было заплатить пошлину за визу и лишение гражданства СССР, представить характеристики с места работы, сдать жилплощадь, сняться с учета в военкомате и, разумеется, заполнить неизбежные анкеты.

Дня три ушло на беготню по организациям: банк – уплатить пошлину, министерство юстиции – снять копии с дипломов, снова в ОВИР – сдать паспорта и получить заветные визы. Под занавес Аркадия Яковлевича ожидал в ОВИРе тот сюрприз, который он почти предвидел: встреча с Ко-

сачевским. Последний снова был в форме КГБ. – Опять перекочевали? – спросил его Чернин. Косачевский ответил ему самой ослепительной из своих змеевидных улыбок и, как всегда, скрипуче хохотнул. – А разве вам одним кочевать нравится, Аркадий Яковлевич? Вы вон куда – за тридевять земель переезжаете! Это сложнее, чем перейти в смежную, так сказать, организацию. – Но вы, я вижу, довольны? – Как и вы, Аркадий Яковлевич. Каждый сам выбирает свою шкалу ценностей. Вы – палестинскую землю, а я – очередное звание. – Чернин удивленно поднял брови. Насчет "палестинской земли" он уточнять не стал, а вот на погонах Косачевского была всего одна – майорская звезда. Посему Чернин и спросил: "Разве вы уже подполковник?" – Нет еще, – ответил Косачевский. – Но скоро буду... И знаете что, – доверительно понизив голос, но отнюдь не смущаясь присутствием Зины, – заговорил он. – Ведь это ваша демонстрация мне помогла... Нет, нет, – замахал он руками, как бы отвергая наперед любые расспросы собеседника, – никаких деталей сообщить вам не могу, это секрет, но всё же, как старому знакомому, должен признаться: очень полезен был наш разговор тогда ночью... Весьма полезен...

А дальше беседа их (разговор происходил в обычной овировской комнате, но все милицейские чины из неё вышли) приобрела какое-то странное направление. Косачевский стал рассуждать о переменчивости судьбы человеческой, трудностях вживания в новую среду, об относительности понятия свободы. Нет, он не делал Чернину никаких конкретных предложений. Просто он советовал ему и Зине не вычеркивать из их сознания того, что они все-таки *были* советскими людьми. Кто знает?.. Может и пригодится им когда-нибудь в будущем память о советском прошлом. Да и вообще: неисповедимы пути Господни...

Разговор длился с полчаса. Противно-кривой какой-то, мутный разговор, словно косой дождь в грязной подворотне. Но внешне всё было очень корректно. Обмен улыбками, неопределенное хмыканье Чернина и Зины, обтекаемые, с подтекстником, фразы их кагебистского собеседника. Наконец, он встал, протянул Чернину руку. Аркадий Яковлевич ответил слабым рукопожатием, мысленно дав себе клятву, что рукопожатие это – последний его советский компромисс. Зина держалась куда непринужденней, даже кокетливо чуть-чуть; пожелала Косачевскому всего доброго, улыбаясь, спросила о семье (семья у него, конечно, была), вообще почти щебетала. Когда Чернин вместе с ней вышел на улицу, он сказал ей с легким упреком: "Ну уж ты любезничала с ним – словно с дамским угодником каким-то. А меня этот Косачевский преследует, как дьявол". – Забудь, – коротко сказала Зина. – Забудь о нем. – И она взглянула на Чернина своими прекрасными, но будто заолодевшими на миг глазами. – Ты должен выбросить его из своей жизни. Теперь всё позади... И впереди тоже, – добавила она, уже улыбаясь. Чернин снова позавидовал её способности твердо верить, сообщая эту способность другому. Он ответил пушкинской цитатой. – Помнишь, как в "Борисе Годунове" говорит Самозванец?.. "Пока не буду в Литве – не могу быть спокоен". Вот и я тоже... – Зина опять улыбнулась. – Наша Литва совсем близко. Через шесть

дней...

Да, им оставалось шесть дней на окончательные сборы. Надо было зарегистрироваться в голландском посольстве, представлявшем интересы Израиля в СССР, потом идти в посольство Австрии, поскольку путь в Израиль пролегал через Вену. В аэрофлоте они купили билеты на самолет и после длительного совета в интимном кругу (Чернин, Зина и Фаина Борисовна) решили оставшиеся в запасе дни прожить без всяких выходов во "внешний мир". Чернин позвонил Сохнову, сообщил о получении виз, но сказал, что хочет обойтись без шумных проводов. Арнольд Витальевич запротестовал было, однако Чернин, во-первых, сослался на прецедент Склянского, а, во-вторых, начал всячески сгущать краски, заявляя, что их преследуют агенты КГБ, что возможны провокации и тому подобное. Всё, вместе взятое, подействовало. Сохнов, с чувством в голосе, пожелал Чернину и Зине счастливого пути и распрощался. На следующий вечер Аркадий Яковлевич, слушая передачу "Би-би-си", немало повеселился, когда диктор сказал о том, что "сибирский диссидент Чернин получил визу на выезд в Израиль, однако опасается репрессий властей в самый последний момент". Зина и Фаина Борисовна занимались укладкой чемоданов – им было не до лондонских передач. Чернин же от души просмаковал ситуацию...

Они улетали туманным весенним утром. В аэропорту Шереметьево их вещи прошупали бдительные таможенники; затем, держа визы в руках, Чернин и Зина прошли сквозь цепочку молоденьких солдат пограничной службы, глядевших на них с каменно-застывшим выражением, столь неестественным на их симпатичных, розово-юных лицах. – Последние минуты на советской земле, – мелькнуло в сознании Аркадия Яковлевича, когда они подходили к самолетному трапу. Он невольно оглянулся. Зина, словно прочтя мысли мужа, дернула его за локоть, но глаза её подозрительно блестя...

В самолете все места были заняты. Большая группа австрийских туристов оккупировала почти весь салон; было еще несколько пассажиров-азиатов – не то японцы, не то южнокорейцы. По особой хлопотливости внешней, полуиспуганным лицам и приглушенным голосам угадывались три еврейских пары – таких же эмигрантов, как Чернин с Зиной. Голос на английском языке произвещал о чем-то из распорядка полета; стюардесса, пройдя вдоль кресел, просила застегнуть ремни, и самолет взмыл в воздух. Последний раз в накренившееся окно вползли подмосковные квадраты полей и лесов. Затем – рывок, мгновенная пробка в ушах, ровный гул мотора, – и они уже плыли над облаками. Внизу остался Советский Союз.

22.

Вена встретила их ярким солнцем, необычной простотой иммиграционных формальностей и – потрясением для любого советского человека – стерильностью туалетов в аэропорту. – Первое очко в пользу капитализма, – пошутил Чернин. – А могу я спросить, как по этой части в дамском отделении? – Зина погрозила ему пальцем. – Какое сомнительное любо-

пытство! Впрочем, – добавила она, – честно сказать, я подумала, что попала в парфюмерный отдел советского универмага – такое благоухание!..

В специальном автобусе их отвезли в пансионат, расположенный на одной из северных окраин Вены. В первый же день состоялась процедура регистрации эмигрантов. Вежливый молодой человек в роговых очках – чиновник израильского ведомства "Сохнут", заполнил необходимые анкеты. Процедура имела своей целью уточнить, кто из приехавших направляется в Израиль, а кто лишь воспользовался израильской визой для выезда в свободный мир вообще. У Чернина ныло сердце от внутреннего ощущения вины перед молодым человеком в очках. Он казался таким страстным патриотом Израиля, когда в короткой речи перед собравшимися в нижнем холле пансионата эмигрантами сказал, что его страна рада приветствовать на израильской земле любого из новоприбывших – еврея и нееврея, что каждому из них будут созданы условия для свободной и обеспеченной жизни. Однако, – добавил он, – никто никого не принуждает делать выбор в пользу Израиля. Если кто-то имеет другие планы, он должен открыто сообщить о них. В любом случае израильские власти будут рады сознавать, что они помогли людям обрести свободу.

Чернин с изумлением (и облегчением тайным) увидел, что большинство эмигрантов, как и он, не хотят ехать в Израиль. Его, правда, корбила немного цинизм некоторых разговоров. Полный, лысый и шумливый одессит, кочевавший по холлу из угла в угол, успел поведать всем и каждому, что Израиль – это ловушка. Если попасть в неё – потом не вырвешься. Ехать надо либо в США, либо в Канаду, либо в Австралию. Хорошо бы в Швецию, но туда трудно попасть. До недавнего времени неплохой страной была ЮАР, но теперь там страшно: негры зашевелились. Но в Израиль – ни за что! Лучшее назад в Одессу... – Чего ж вы уехали из вашей Одессы? – спросил обозленный Чернин. – Вам что, очень хорошо жилось в ней? – Лысый одессит на мгновение замер, ощупав глазами надутого Чернина и явно враждебную Зину. – А знаете, очень неплохо, – балагански-визгливым голосом ответил он и вдруг на той же самой визгливости пропел: "Са-а-мое синее в мире – Черное мо-о-ре мо-е, Черное мо-о-ре мое!.." Вы, наверное, идейный, – быстро спросил он затем. – Сионист, небось? – Не имею чести, – язвительно ответил Чернин, – но сионистов я больше понимаю, чем таких вот... – Чернин запнулся, подбирая словечко похлеще... – попрыгунчиков. – Лысый одессит изобразил наигранный восторг. – Попрыгунчик, ха!.. Думаете, обидно?.. Нет, нисколечко. Я потому и прыгаю, чтобы жить лучше начать, понимаете? *Жить...* Без всяких там идей и Сионов... А вы, раз уж такой идейный, катитесь себе в пустыню Негев, орошайте синайские земли... Только без меня, пожалуйста... С приветиком!..

И лысый одессит, развернувшись на каблуках своих лакированных штиблет, быстро переметнулся в другой конец зала, где сразу же завершилась новая дискуссия на тему опасностей израильского гражданства и преимуществ эмиграции в западное полушарие. Чернин смотрел вслед "попрыгунчику" с таким видом, словно хотел запустить в него чем-нибудь

очень тяжелым. Зина успокоительно взяла его под руку. — Да не сердись так, Аркадий, на всякое дерьмо. Пусть он себе режется, спекулянт одесский...

Беседа с представителем "Сохнута" прошла быстро и гладко. Чернин поблагодарил за полученный вызов, но сказал, что он не планирует выезд в Израиль. — По крайней мере, в данный момент, — вежливо подчеркнул он. — Вы еврей по национальности? — спросил представитель "Сохнута". — Наполовину, — ответил Чернин. — По какой линии вы еврей, — поинтересовался сохнутовец, — по отцовской или по материнской? — По отцу. — Понятно, — сказал сохнутовец и вытер лицо большим, разноцветным платком. В комнате было очень жарко, несмотря на гудевший вентилятор. — А вы еврейка? — спросил сохнутовец Зину. — Да, — ответила она. — Чистокровная еврейка. Но я поеду вместе с моим мужем. Только с ним. — А куда вы хотите ехать? — спросил сохнутовец, снова обращаясь к Чернину. — Ну, мы еще не решили в точности. Я бы предпочел куда-нибудь в Европу... Может быть, во Францию... Или в США. — У вас есть родственники во Франции? — Чернин удивленно поднял брови. — Нет, никого. А это имеет значение? — Да, — ответил израильтянин. — Без родственников Франция вас не примет. Лучше подать документы в США. Но это вы сделаете несколько позднее. А сейчас... — Он снял роговые очки и некоторое время протирал их. Без очков его лицо казалось совсем юным и очень трогательным. Наконец, он вновь надел очки, вернув лицу былую серьезность — видимо, для этого и требовалась молодому чиновнику солидность роговой оправы его очков — квадратных и внушительных. — Сейчас, — продолжал он начатую фразу, — мы передадим вас другой организации, скорее всего, "Толстовскому Фонду". Он будет заботиться о вас, платить вам деньги на ежедневное содержание. Вена — всего лишь перевалочный пункт на довольно краткое время, и вас недели через две переправят в Италию. Там вы будете ждать американской визы. Или той, какую вы захотите получить. Но прошу помнить, что Израиль всегда готов вас принять, если почему-либо вы измените свое решение. — С этими словами молодой человек встал и обменялся рукопожатиями с Черниным и Зиной. — Желаю вам всего хорошего!..

"Всё хорошее" началось по мере знакомства с Веной. Два дня, как в сладком тумане, бродили Чернин и Зина, измерив из конца в конец сверкавшую ночными рекламами Марахильферштрассе; утолив типичный для советского человека магазинный голод, наслаждались они ощущением избытка товаров и продуктов в громадных супермаркетах и крохотных лавчонках: после Москвы возможность, где хочешь, без всякой очереди, купить фрукты, свежие овощи или, описанную многократно и никогда прежде не пробованную "Кока-колу", казалась настоящим чудом. Потрясали упаковка товаров и сервис. Вежливые продавцы, без тени раздражения, столь характерного для советских "работников прилавка", вечно озабоченных и глядящих на покупателя как на "классового врага"; башенки кока-коловых бутылок, могущие сойти чуть ли не за произведения искусства; красочные пакеты, которые не хотелось выбрасывать — хоть коллекционировать

их для советских знакомых в укор и назидание. От всего этого можно было слегка ошалеть. Они и ошалевали, мотаясь по венским паркам и улицам, закусывая на ходу вкуснейшими колбасками, продававшимися на каждом углу, и проведя совершенно сказочный вечер в знаменитом Пратере. На какой-то момент аттракционы Пратера вернули их в детство (с вычетом того, что никогда *в их детстве* они не видели таких аттракционов). Раза два, с визгами и сердечными обмираньями прокатились они на самых высоченных "американских горах", испробовали игральные аппараты почти всех попавшихся на пути дискотек; посмотрели парочку сексульных фильмов, немного смущаясь от непривычки к таким вещам, но и смакуя новую возможность видеть без запрета запретное прежде. Усталые, но бесконечно радостные, они вернулись в пансионат и уже поднимаясь на второй этаж, где был расположен их номер, столкнулись лицом к лицу со Склянским.

Да, это был он – Цезарь Моисеевич собственной персоной, – такой же шумливо-громадный, как и прежде, в отличнейшем костюме и в прекраснейшем расположении духа. Он собирался куда-то выйти, но встретив Чернина и Зину, конечно, переменял свои планы. – Душевно рад, душевно, – басил он, тряся их за руки. – Значит, удалось вам все-таки... Замечательно, братцы мои, чудесенько... А я вот уже старожил здесь в некоем роде. Почти всех знаю: кто прибывает, кто отбывает. А вот ваш приезд как-то проморгал.

Они зашли в номер Черниных, устроились у окна; Зина быстро сымпровизировала легкий ужин из бутербродов и фруктов; достала бутылку Мартини. Когда иссяк обмен репликами насчет общих знакомых в Москве и последних событий в ней же – белокаменной и красноезвездной, Аркадий Яковлевич задал Склянскому вопрос, который вертелся у него на языке с первого мгновения встречи: почему он здесь, в Вене, а не в Израиле? Склянский густо хохотнул в ответ, закинул ногу на ногу, затянулся сигаретой – в общем, принял вид самый фатовской и легкомысленный, однако – замечилось Чернину – внутренне он был смущен немного.

– Видишь ли, Аркадий Яковлевич, – начал он, прокашлявшись, – всё не так просто, как казалось для нас там...

В разговор вмешалась Зина.

– Никогда не думала, что *там* было просто... По-моему, ничего сложнее *там* жизни и вообразить нельзя.

Склянский шутливо отмахнулся от неё.

– Да я ведь не в том смысле, Зинаида Борисовна... Чего уж вы на меня так напали?.. Я всё понимаю, разумеется. Советская жизнь нелегка. – Он взял в руки начатую бутылку Мартини, повертел её, поставил обратно. – Вот хотя бы это вино... Здесь сидим себе, попиваем эту экзотику, о которой в книгах только читали... У Ремарка, или еще кого-то вроде него – уж не помню точно... А в Москве где бы такую бутылочку добыть можно? Слово-то одно какое звучное: "Мартини" – тут тебе и Мартиника, и мартовские коты в голову лезут, и всякая чушь музыкальная звучит-разливается!.. – И Цезарь Моисеевич в подтверждение сказанному про-

мурлыкал какую-то мелодию. Слуха он был лишен начисто и верность музыкальному оригиналу заменял музыкальной смелостью. Посему ни Чернин, ни Зина мелодии не опознали, но суть дела и не в ней была, конечно. Склянский же, посерьёзнев, продолжал:

– Да, братцы-товарищи, не всегда делаешь то, что хочешь, а главное, не всегда знаешь, чего хочешь по-настоящему. В Израиль я решил не ехать. Твердо решил. Еще в Москве. Либо останусь здесь, в Австрии, либо махну за океан – в Канаду или США, точно еще не знаю, но это как сложится. Говоря военным языком, буду действовать сообразно обстоятельствам...

– Но, Цезарь Моисеевич, как же так? О вас столько писали как о патриоте Израиля! Масса людей в Союзе ссылается на ваш пример, – заговорил Чернин. – В том же сохновском кружке – ведь это бомба атомная, если Арнольд Витальевич узнает, что вы не хотите ехать в страну, о которой только и мечтали в Союзе. Выходит, что советская пропаганда правильно ругает Израиль, если даже такой человек, как вы, не желает туда ехать?

– До советской пропаганды мне дела нет теперь, – ответил Склянский. – А Сохнов знает, что я в Израиль не поеду. Я ему писал в Москву и раза два по телефону звонил. Он разве вам не говорил?

– Нет.

– Странно. Но, впрочем, это не имеет особого значения. Мы с вами на Западе и пора на многие вещи смотреть по-западному. Где хорошо – там и родина. А в Израиле для меня хорошо не будет.

– Но почему?

– Попытаюсь вам объяснить. Во-первых, насколько я знаю, всем новоприбывшим там несладко. Надо изучать иврит, а язык очень трудный. Масса других проблем. Например, религия. Чтобы занять общественное положение, а я без этого не могу, нужно соблюдать обряды. Для меня же, говоря откровенно, что раввин, что поп – одна чертовщина. И потом сами израильтяне жалуются на материальные условия. Конечно, лучше, чем в Союзе: с голоду не умрешь и квартира – не вопрос жизни и смерти. Но все-таки! По сравнению с Европой и Америкой цены сумасшедшие, а налоги, кажется, самые высокие в мире. Зачем же туда соваться, когда в той же Австрии такая благодать?.. И климат не забудьте. Никто не знает, удастся ли к нему привыкнуть...

– Вы же всегда жаловались на холод, – сказала Зина. – "Завидую полярникам и полярным медведям", – с усмешкой процитировала она, смешно понизив голос и отдуваясь. – Помните?

Склянский рассмеялся.

– Помню, конечно... Очень похоже меня копируете, Зинаида Борисовна. В самую точку попали, как говорится... Но теперь буду завидовать зебрам полосатым и верблюдам горбатым, которые жары не боятся. На расстоянии, конечно. Не приближаясь к ним вплотную... И потом еще одно важное обстоятельство. Я ведь не один выехал. Жена и сын со мною. Сыну пятнадцать лет. А в Израиле воинская повинность с восемнадцати. Зна-

чит, через три годика – в армию. А если опять война? Вы же знаете, какие отношения с арабами? Всё может случиться. Жена моя и слышать об Израиле не хочет. Сына под удар ставить – это, сами понимаете, нелегко.

И Склянский шумно отхлебнул вина – словно глотком этим ставя точку в своей аргументации. У Чернина же закипало внутри от негодования, сходного с тем, которое он испытал, разговаривая с одесским спекулянт-ом, отсылавшим его в пустыню Негев. Спокойное, лоснившееся здоровьем и сытой самоуверенностью, лицо Склянского плохо вязалось с представлением о беспокойстве за кого-либо, кроме его самого. Даже за жену и сына.

– Видите ли, Цезарь Моисеевич, – сдерживая себя, проговорил Чернин. – Я бы понял вашу позицию, будь вы обыкновенным человеком. Но ведь вы – писатель, лицо общественное. Ваш выбор – не просто частное дело. В Советском Союзе вы были сионистом, вас приводили в пример и друзья, и враги. Представляете, что наговорят теперь по поводу вашего поведения?

– Наивный вы человек, Аркадий Яковлевич, – сказал Склянский. – Вы рассуждаете о писателях, словно школьник на какой-нибудь читательской конференции. Дескать, "инженер человеческих душ", "глаголом жги сердца людей" и так далее. А ведь каждый писатель – это человек. И не обязан он всё время ходить на котурнах. Ему и о животе своём, как предки наши говаривали, подумать надо. "Не хлебом единым" жив человек, но без хлебушка он вообще жив не будет. Я хочу теперь пожить для себя немного. И не такой уж я эгоист при этом, как может показаться. Хлопочу не о себе одном. – Он доверительно наклонился к Чернину и, долив Мартини, движением рюмки предложил выпить снова. Чернин неохотно поддерживал его; Зина только пригубила вино. Склянский осушил рюмку до дна, закусил персиком и продолжил свои рассуждения:

– Вот я сказал вам, что, может быть, останусь в Австрии. Вообще-то Австрия не принимает эмигрантов из Союза на постоянное жительство. Но всегда возможны исключения. Кое-чего я уже добился: в Италию, например, как всех прочих, меня не отправляют. Там годами люди ждут какой-нибудь визы, сидя на чемоданах. А я уже договорился с одним венским издательством насчет своей книги по еврейскому вопросу в СССР. Если дело пойдет успешно, это и гонорар неплохой даст и возможность зацепиться здесь, в Австрии. Вот и посудите сами, где я буду полезнее для еврейского дела: в Израиле – в качестве одного из многих неустроенных эмигрантов, или в Европе в качестве обличителя советского антисемитизма? А что при этом еще сына своего спасу от гибели в какой-нибудь заварушке – это уж моё частное дело.

– И все-таки, Цезарь Моисеевич, – возразил Чернин, – наивно я рассуждаю или нет, однако многим не понравится, когда слова писателя расходятся с его делами.

– Знаю, знаю, – загудел Склянский, – знакомые мотивы. "Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан". Только каким гражданином-то, а? Мы же с вами сейчас в ситуации очень пикантной: советского

гражданства лишились, а другого не получили. Так не лучше ли извлечь прямую пользу из нашего неопределенного положения? Выбрать себе именно то гражданство, которое по душе, чтобы потом не грызть пальцы и не переигрывать жизнь заново. Ну не тянет меня в Израиль – что я могу с собой поделывать? В конце концов, столько лет прожил в России – от этого никуда не уйдешь...

Зина внезапно поддержала Склянского. Не то, чтобы она была согласна с его рассуждениями; напротив, ей они казались довольно гнусноватой смесью трусливой казуистики и цинизма. И сам Склянский, и всё, что она знала о нем, не вызывали симпатии. Однако разговор в столь остром ракурсе следовало округлить. Это был её долг любезной хозяйки: срезать углы и обходить подводные камни. Тем более Аркадий последнее время всё принимает так близко к сердцу. И, заговорив о прелестях Вены, она увлекла беседу в безопасно-нейтральное русло.

Оно и было к лучшему, ибо расстались они без чувства взаимного раздражения. Более того, Склянский изъявил готовность оказать Чернинным небольшую услугу. У него накопилось множество русских журналов и газет – из тех, о которых в Союзе только по иностранному радио слышишь, или иногда можно купить втридорога на московском черном рынке. Они жалуются, что читать нечего? Это поправимо! Он не приглашает их к себе, поскольку жена его сегодня рано легла спать, но сейчас сбегает за литературой. И уж будьте спокойны – на всё время их австрийского житья хватит им русского чтения. За это он ручается.

Действительно, минут через десять он притащил огромную кожаную сумку, доверху набитую газетами и журналами. Здесь были кипы газет "Русская Мысль" и "Нового Русского Слова", разрозненные номера "Грани" и "Посева", "Континента" и ньюйоркского "Нового Журнала", канадского "Современника" и израильского "Время и Мы". Всё это высыпали на ковер; Цезарь Моисеевич, поблагодарив за чудно проведенный вечер, откланялся, и они остались наедине друг с другом, остатками ужина и разномастной кучей эмигрантской периодики.

"Бойтесь данайцев, дары приносящих!" Дар Склянского сыграл с Черниным и Зиной едва ли не злую шутку. На несколько дней, несмотря на прекрасную погоду, оказались они прикованы к своей комнате. Читали запоем. Накидывались на старые номера газет, смакуя хлестко-фельетонные разносы советской политики и религиозные статьи, сообщения о знаковых диссидентах и очерки о разоблаченных советских шпионах. До хрипоты спорили о том, какая газета лучше. Зине понравилась парижская "Русская Мысль" – она казалась ей очень интеллигентной в сравнении с грубоватым "Новым Русским Словом". Аркадий Яковлевич, напротив, отдавал предпочтение нью-йоркской газете, хваля её оперативность и напористость. – Это же почти советский стиль навыворот, – горячилась Зина. – Ничего подобного, – возражал Чернин, – хорошая журналистика не должна быть чересчур деликатной. Газета – не литературный салон для избранных, а газету "Правда" надо чехвостить в её же стиле – только тогда в Москве почешутся...

Насчет журналов спорили меньше. Сначала почти всё нравилось: подкупали новизна авторских имён и свободная манера письма. Даже явно слабые вещи проглатывались с интересом. Постепенно установилась система отбора хорошего от плохого и среднего. Начали читать не подряд, от корки до корки; примелькались некоторые авторы, не каждая сенсация казалась уже откровением. Но все-таки несколько венский дней обернулись для них сплошной книжностью – без прогулок, без Пратера, куда так хотелось съездить еще раз, без намеченного посещения Шенбрунна и венской Оперы.

Они бы вообще не выходили из комнаты, если б не нужда делать покупки. Зина старалась экономить деньги и готовила обеды дома: так было дешевле. На день Толстовский Фонд давал им по пятьдесят шиллингов, следовательно, сто шиллингов на двоих – не густо, но хватало вполне. И самое главное, ничего не надо было "доставать" в очередях; само понятие "очередь", казалось, отсутствовало в их венском бытии.

Знакомств среди эмигрантов Чернин и Зина решили избегать. Как никак, но себя самих они числили в разряде политической эмиграции. Большинство же из тех, кто жил в их пансионате, никакого отношения к политике не имели. Из СССР их вынесло мутным эмигрантским ветром бытового пошиба. Толстая дама с двумя взрослыми дочерьми, встречавшаяся с Зиной на общей кухне, только и говорила, например, что о проблеме размещения своих чемоданов со всяческим добром: часть её багажа была с ней, другую разместили на железнодорожном вокзале и теперь она была в панике от мысли, как всё это подешевле и надежней перевезти в Италию. Когда Зина спросила её, почему она не едет в Израиль, дама в ответ лишь презрительно фыркнула, сморщив влажные губы с довольно густой усатостью над ними: "В Израиль? Да ни за что на свете... Что я там не видела? Местечковых евреев я насмотрелась в Советском Союзе, а всякие там сабры израильские не лучше их." Другие пансионатские постояльцы, которых повстречали Зина и Чернин, были из того же теста.

Но вот насчет сабров толстая дама с усами прохаживалась зря. Когда книжный голод Зины и Чернина был утолен недельным сидением в добровольном "бесте" (так сами они прозвали свою уединенность), довелось им в небольшом ресторане повстречать компанию молодых израильтян, среди которых один говорил по-русски. Всё это были туристы, недавно отслужившие в армии и теперь совершавшие вояж по Европе. Высокие, как на подбор, загорело-мускулистые парни, с курчавыми, но совсем не черными шевелюрами, кто с голубыми, кто с карими глазами, они были словно групповым опровержением стандарта "еврейского типа". Зина и Чернин пришли в восторг. Что-то, глубоко сидевшее в них, идущее от комплекса неполноценности или от чего-то, близкого к этому, вдруг вытеснилось ликованием. Так вот какими могут быть евреи! Те самые, которых считают щедушными и нехрабрыми, горбоносо-брюнетными слабаками и подозрительными делеягами! Эти красивые, уверенные в себе парни, скорее скандинавско-славянского, чем южного типа, были настоящими израильтянами. Через Иосифа – юношу, который знал русский язык, Чернин

и Зина вступили в оживленную беседу с молодыми людьми. Говорили обо всём и ни о чем в частности: об израильских киббуцах и советских колхозах, о войне Судного Дня и американской политике, о хитрой твердости Бегина и нетвердой доброжелательности Садата. Чернин произвел на парней впечатление, блеснув в связи с разговором о египетском президенте сентенцией, которую он услышал еще в Москве. В России, — заметил он, немного кокетничая тем, что может теперь вот так, *остраненно*, произнести — "в России", не чувствуя себя "подсоветским", — было хорошо сказано по поводу отношений с арабами: "Насера в СССР любили, но не уважали. Садата уважали, но не любили. Теперь же его Брежнев не уважает, а Косыгин не любит." Чернин не ожидал, что юные собеседники вполне оценят юмор сентенции. Оценили! И посмеялись, и повторили пару раз, и вообще расстались очень довольные случайной встречей, а в записной книжке Чернина появилось несколько адресов на случай визита в Израиль — где можно остановиться переночевать, где даже задержаться подольше.

Вообще всё было очень приятно; — решили Чернин и Зина. — Просто замечательные парни! И, пожалуй, оно к лучшему, что выехавшие из СССР спекулянты и прочая шваль едут не в Израиль. Трудно представить себе совместимость таких вот парней и действительно "местечковых" типов, каких они ежедневно созерцают в пансионате. Хотя, по правде говоря, совместить можно всё на свете. Только после этого света Божьего не взвидишь...

Каламбура в таком духе, они вернулись в пансионат. Было уже темно. Чернин был настроен особенно нежно к Зине; с нетерпением ждал момента, когда она разденется. Не дождался, подошел; при свете ночника начал целовать её, одетую в розовую ночную рубашку уже венского приобретения. И вдруг, когда наклонялся над её затылком, заметил посреди роскошных, распутившихся на плечи волос, серебрящиеся пряди. — Зиночка! Дорогая! — воскликнул он с изумлением. — Да у тебя седина появилась! Когда это?..

Зина взглянула на него с той женски-неуловимой улыбкой, которая пронзает душу отблеском затаенной боли.

— Ты думаешь, мне легко далось всё это время перед нашим выездом? И в тебе я не была вполне уверена... — В глазах её заблестели слезы. — Во мне? — переспросил Чернин. — Но почему? — Не то, чтобы в тебе... В твоём отношении ко мне, скорее. Я все-таки по натуре однолюбка. А у тебя была семья... И я не очень знала, взял ли ты меня в жены из случая, или все-таки любишь немного?..

— Ну, конечно, люблю... Как ты могла сомневаться?.. Я люблю только тебя... Ты самая замечательная женщина на свете! Ты меня сделала лучше и чище... Неужели ты мне не веришь? — заговорил Чернин, покрывая поцелуями её лицо, плечи, руки, её тронутые сединой волосы.

— Я тебе верю, дорогой, — сказала Зина. — Верю. Мы перенесли самое тяжелое. Впереди будет счастье...

23.

Счастье – не счастье, но их "венские каникулы" продолжались в самом оптимистическом ключе. По каким-то обстоятельствам переезд в Италию группы, в которую их включили, откладывался. Для Чернина с Зиной, положительно плененных красавицей-Веной, это было только на руку. Италия, конечно, замечательная страна, но так сказочно-приятно бродить по венскому Рингу, походкой завсегдатая войти под своды Святого Стефана или Вотивкирхе, посидеть, любуясь дефилирующими павлинами, в чудном Тюркеншанцпарке, выйти на берег совсем не такого широкого, как представлялось, и не по-штраусовски голубого, но все равно очень милого Дуная.

К тому же опять подвернулся случай интересного и – как показало будущее – полезного знакомства.

Оно произошло в одном из залов Национальной галереи искусства, где Чернин и Зина ходили в течение нескольких часов, сравнивая её картины с богатствами ленинградского Эрмитажа. Говорили они по-русски и в зале Тициана несколько раз поймали на себе заинтересованный взгляд высокого, очень подтянутого мужчины в светлом костюме. Вскоре они потеряли его из вида, но почти лицом к лицу встретились с ним уже в вестибюле, при выходе. Поскольку Зина слегка задела его рукой, она сочла нужным извиниться на своем плохом, однако довольно смелом немецком и услышала в ответ чисто русское: "Ничего. Не стоит беспокоиться."

Само собой, Зина и Чернин поинтересовались, откуда он. Завязался разговор. Выяснилось, что их случайный знакомый – поляк, живший одно время в России, где выучил русский язык. Фамилия его Дымский, и он большой любитель живописи. Даже сам рисует немного. После того, как они, уже выйдя на залитую солнечным светом площадь Марии-Терезии, поболтали еще некоторое время об искусстве, обнаружив немало совпадений и допустимое количество разногласий во вкусах, Дымский предложил им, если они не против, заехать к нему домой. – Я человек не семейный, – объяснил он, – живу один, но живу неплохо. Мы можем поужинать вместе; я покажу вам свои картины – это не профессиональная живопись, но всё же!.. А насчет возвращения в пансионат – не беспокойтесь. У меня машина, и я отвезу вас обратно. Идёт?

Отказываться не было резона и после минут двадцати проезда по улицам, уже совершенно не знакомого Чернину и Зине венского района, они оказались у дверей весьма уютного двухэтажного особнячка с чем-то вроде готического шпиля на крыше и с густой зарослью плюща на серо-гранитной облицовке стен. Дом стоял внутри небольшого сада. По всему было видно, что хозяин его жил в одном из богатых уголков пригородной черты Вены.

Роскошный, пушисто-черный кот приветствовал Дымского и гостей доброжелательным "мяу". Хозяин погладил кота, включил свет и предложил чувствовать себя, как дома. Набрал телефонный номер, он по-немецки заказал ужин из ближайшего ресторана, – поскольку, – добавил он, – это удобнее, чем готовить самому. Минут через пятнадцать всё будет дос-

тавлено, а мы пока посмотрим картины, которые хоть и не удостоятся никогда Национальной галереи, рады удостоиться простого внимания гостей. – Под аккомпанимент этих галантностей Чернин и Зина, прохаживаясь по комнатам, осмотрели картины Дымского – главным образом пейзажи. Хозяин явно скромничал, говоря о них. Рисовал он вполне профессионально: стиль раннего импрессионизма сочетался у него с мотивами Рериха и Врубеля. Это было не слишком оригинально, однако интересно по колориту и композиции. Поэтому похвалы Чернина и Зины звучали без малейшего насилия над внутренним чувством. Хозяин это понимал и первоначальная его любезность просто светского человека приобрела теперь более задушевный оттенок.

Ужин прошел в самой милой обстановке. Дымский был очаровательным собеседником: сам говорил очень интересно, но не пытался доминировать в разговоре, внимательно слушая рассказы Чернина и Зины о жизни в Советском Союзе, о диссидентах, о первых впечатлениях от Запада. В один из моментов беседы Аркадий Яковлевич не удержался и задал хозяину терзавший его вопрос. – Почему, – спросил он Дымского, – часть ваших картин подписана вашей фамилией, а часть – фамилией "Дымов"? Это ваш псевдоним? – Дымский улыбнулся, хмыкнул и после некоторого колебания ответил: "Нет, скорее уж Дымский – это псевдоним; Дымов – моя настоящая фамилия." – Так вы русский? – спросила Зина. – Ведь судя по фамилии... – Выходит, что так, – подхватил её реплику Дымский. – Откровенно говоря, я не люблю признаваться в этом, но раз ваш муж оказался таким наблюдательным, то придется... Был в моей жизни период переоценки ценностей. Очень трудный для меня период. Не хочу вдаваться в подробности, но вопрос стоял так: остаться самим собой, т.е. Дымовым и русским – это означало верную гибель. С другой стороны, можно было переделаться, утратив свою "русскость". В этом было спасение. Я решил спастись и выбрал второе... Сначала, честно говоря, очень мучился, хотя назваться поляком мне не составляло никакого труда: польский язык я знаю не хуже русского, в Польше жил еще до войны... А потом, знаете, привык. Более того, насмотревшись на эмигрантские дразги среди русских, получил о них такое представление, что, право, никак не хочется назад, "в русаки"... Долго мотался по белому свету, жил во многих странах. Повезло мне лет десять назад, когда стал американским гражданином – я ведь сейчас американец по паспорту... Предложили мне работу в одном из учреждений ООН здесь, в Вене. Служба отличная: занят совсем немного, платят хорошо. Обычно я на отпуск уезжаю куда-нибудь: в Швейцарию или в Испанию, но в этом году решил никуда не двигаться. И вот видите: получил приятный случай познакомиться с вами... Давайте же еще раз выпьем за продолжение нашего знакомства, – заключил он, поднимая бокал. Чернин и Зина последовали его примеру.

Они вернулись в пансионат уже в полночь. Дымский довез их на машине, как и обещал. Договорились встретиться через день: знакомство, действительно, было приятным для всех. По-видимому, Дымский всё же скучал немного, оставшись в Вене на время своего отпуска, а Чернин с

Зиной были от души рады перспективе интересных встреч и новых впечатлений — тем более, Дымский пообещал устроить вместе с ними выезд за пределы Вены, чтобы познакомить их с Австрией, в которой, как витиевато он выразился, Вена "лишь самая крупная жемчужина в соединении других, не столь больших, но достаточно красивых". И он был воистину прав, ибо через день, сделав стремительный рывок на его машине до Зальцбурга, Чернин и Зина смогли полюбоваться и новыми пейзажными красотами, и архитектурными чудесами родины Моцарта. Так что галантный лексикон Дымского вполне оправдывался тем, что они повидали.

В общем всё складывалось очень неплохо. И, тем не менее, Аркадий Яковлевич то и дело ощущал внутреннее беспокойство перед будущим. Он не столько боялся конкретных трудностей, которые могли ожидать в незнакомой стране его будущего проживания, сколько задумывался над тем, что можно было высокопарно определить как "смысл жизни". Размышления подобного рода прежде его не посещали. Все-таки был он всегда конкретно мыслящим человеком. В Советском Союзе на абстракции не хватало времени; даже его диссидентская маята в Москве, когда приходилось говорить немало громких слов о жизни вообще и в частности, о совести, долге, борьбе с произволом и тому подобных вещах, — даже эта маята была, в сущности, вполне конкретным выживанием в ситуации, где надо было выжить любой ценой — задача весьма заземленная и, по сути своей, далекая от философских отвлеченностей. Видимо, теперь сказывается избыток досуга, если потянуло на метафизику. Вроде бы нехотя, но и активно в то же время, удивляясь самому себе, он перебирал в памяти впечатления, связанные с его московскими встречами. Перед глазами проплывали лица Сохнова, Никанорова, художника Павла, Миши-физика, Саши Маркевича и других. Ну, а Склянский собственной персоной то и дело возникал перед Аркадием Яковлевичем. Фактически Склянский уже устроился в Австрии как минимум года на два. Контракт с издательством на книгу о еврейском вопросе в СССР был подписан; полученный аванс измерялся немалой суммой и Склянский должен был вот-вот переехать из пансионата в снятую им в центре города квартиру. Встречаясь с Черниным и Зиной, он излучал теперь такой заряд самоуверенности, что его, казалось, можно было физически аккумулировать. Снисходительно рассказывая о своих успехах, Цезарь Моисеевич удивлялся, почему Чернин ничего не хочет написать о себе и о диссидентах хотя бы для русской эмигрантской прессы. Он, Склянский, готов был даже помочь в "проталкивании" таких статей. Гонорары, конечно, будут крохотные — русские издания очень бедны, но что-то накапает. Чернин отмахивался. Когда Зина однажды, после очередного наскока Склянского, спросила Чернина, а почему, в самом деле, он не напишет ничего на диссидентскую тему, он мрачно обрубил: "Противно писать, когда из ничего делаешь что-то. И без меня найдутся любители таких вещей. Без меня."

С изумлением прислушивался Чернин к тому подспудному брожению чувств, которое становилось своего рода сладостным бременем для души. Это не было, как то случилось в прошлом, любованием своей способ-

ностью "тонко" о чем-то рассуждать или высказываться. В том-то и дело, что ничего внешнего, показного, ничего "на публику", не заключалось в его размышлениях насчет того, какую, в сущности, жалкую роль подставного диссидента играл он в Москве. А все его тамошние друзья, чего они стоили? Мельтешение в узком кругу нескольких интеллигентов выдавалось чуть ли не за "глас народа"; обкатанная трафаретность их политических деклараций была возведена в ранг философии жизни; игра в поддавки с КГБ объявлялась на весь мир борьбой за мирную эволюцию режима. Сколько за всем этим фальши и лицемерия, тщеславной мнительности и желания во что бы то ни стало "пролезть в вожди"! В сущности, всего правильной оценили московских диссидентов два совсем разных человека: Никаноров и Саша Маркевич. Первый смотрел на эту "накипь" сверху, из лона своей высокой благоустроенности советского вельможи; второй разглядел её изнутри, зная тот излом судьбы, мимо которого старательно проходили Сохнов и ему подобные, не говоря уж о Склянском. А он сам, оказавшись в диссидентской среде совсем случайно, мог ли он теперь, когда над ним не висит дамоклов меч советской бытовщины, идти по дорожке своих сомнительных успехов в амплуа "диссидента"? Сможет ли он уважать сам себя, если сейчас, по совету Склянского, начнет давать интервью, расписывая "героизм и добродетели" людей, истинную цену которых он если и не знал до конца, то, во всяком случае, мог угадывать не без оснований? Возможно, такая линия поведения что-то обеспечит ему: завяжутся новые знакомства; глядишь, и работу социолога ему устроят. И что же? Так всю жизнь и двигаться вперед, по колее, кем-то проложенной, не сделав ни одного свободного выбора, не приняв ни единого решения, достойного мужчины? Ведь вся его советская жизнь была именно *колеей*: сначала пионерия и школа, потом институт, аспирантура, прокрустово ложе советской псевдонауки, потом – случайный, совсем от него не зависевший, перепрыг в диссидентство, в котором опять колея: говорил он всё то, что от него хотели услышать Сохнов и компания, делал всё так, как предсказал и насоветовал Никаноров; чтобы выехать из СССР, спрятался за Зину. Один только раз попытался сделать что-то благородное, вступившись за Сашу Маркевича, но и тут духу нехватило. А его постоянный стыд своего еврейского происхождения по отцу – это ли не трусость? А вечная склонность к полутонам и компромиссам – не даром Зина так долго не была в нем уверена!

Всеми этими мыслями Чернин мучился не в одиночку: о многом говорил он Зине, особенно о своем разочаровании в диссидентах и о неутоленном стремлении сделать хоть раз в жизни *свой собственный* "ход", испытать не свою готовность учитывать обстоятельства, а сформировать эти обстоятельства *самому*, вопреки давлению со стороны. Зина слушала мужа с материнским сочувствием; ей было приятно сознавать его пробудившуюся гордость мужчины – в конце концов, в таком пробуждении была и её заслуга. Но усилившаяся нервозность Чернина начала её беспокоить; он стал, по её мнению, излишне раздражителен в споре, реагируя на то, что прежде оставлял без внимания. А ведь нервные клетки не восстанавливаются.

ливаются и здоровье следует беречь. Тем более на их нынешнем повороте судьбы.

С Дымским они встречались по-прежнему часто. В сущности, они втроем стали добрыми приятелями, которые могли говорить между собой достаточно откровенно. Поэтому Чернина не очень удивил разговор об эмиграции, состоявшийся в одну из их встреч, когда Дымский казался особенно в ударе как остроумный рассказчик и аналитик.

Началось, как обычно, с литературных разговоров. Зина к слову упомянула Склянского и оказалось, что Дымский знает его. Не лично, правда, но весьма наслышан он был о будущей, уже рекламируемой книге Склянского по еврейскому вопросу в СССР. Чернин усмехнулся: что-то, а рекламу Цезарь Моисеевич организовать может. Книгу еще не написал, а разговоров вокруг, словно о вышедшем бестселлере. — Вы, я вижу, не слишком его любите? — спросил Дымский. — А за что мне его любить? — вопросом откликнулся Чернин. — Ну как же, ваш брат — диссидент. — Диссидент? — иронически переспросил Аркадий Яковлевич. — Да в сравнении со Склянским я, который вообще был диссидентом поневоле, могу сойти за политического вождя... — И, внезапно загоревшись, Чернин дал совершенно уничижительную характеристику Склянского как беспринципного интригана, бездарного писателя и трусливого человека. Припомнил ему всё: пошло-претенциозные разговоры еще в Москве, вихляние в отношениях с кругами сионистов, циничные бравады по поводу смысла жизни. Удивленная горячностью мужа, Зина решила немного умерить его патетику. — Ты уж совсем безжалостен к нему, Аркаша. А ведь он познакомил нас с эмигрантской литературой. Одно это можно поставить в заслугу... Теперь усмехнулся Дымский. — Вы полагаете, — спросил он, — что такое знакомство очень полезно? — Зина даже растерялась немного: "Конечно. А вы сомневаетесь?" — Не то, что сомневаюсь, а просто считаю, что нет ничего хуже погруженности в эмигрантские дрязги. Мой вам добрый совет, как человека, давно живущего на Западе: если хотите чего-нибудь добиться здесь, отделяйтесь от эмиграции, убегайте от неё при первой возможности. Будете жить в Америке — американизируйтесь; попадете во Францию — становитесь французами. Даже если бы к дикарям Амазонки вас занесло, — делайтесь дикарями. Только не погружайтесь в эмигрантское болото: засосет наглухо, искорежит вас сплетнями и мелочностью; и растратите вы себя на такие пустяки, что, право, даже советская жизнь покажется чем-то стбющим и духовным. Я понимаю, что легко поучать и нелегко научиться. Понимаю, как трудно будет акклиматизироваться, выучить чужой язык, привыкнуть к чужим обычаям. Но надо! Надо любой ценой! Только бы не в эмигрантскую среду — всё остальное лучше, а в конце концов любые трудности окупятся сполна.

— Вот вы говорите "эмигрантская литература", — продолжал Дымский, хотя ни Чернин, ни Зина ничего уже не говорили. — А ведь в сущности её нет. Есть отдельные журналы и газеты; есть, конечно, и талантливые люди, но в целом для настоящей литературы дыхания не хватает. Русские — слишком неорганизованная нация с двойным комплексом: с одной сторо-

ны высокомерие – дескать, мы великий народ, нас много; с другой стороны – вечный стон: куда уж нам до Европы и Америки; у них традиции свободы, цивилизация, а у нас – сплошная татарщина. Вот и получается, что в эмиграции десяток, допустим, эстонцев стоят больше тысячи русских, если говорить о цепкости, сплоченности, уважению к своей национальности. Пока русские будут предаваться нытью и раскалываться на всякие церковные приходы и литературные кружки, эстонцы и общую церковь построят, и каждый сам себе персональный домик организует – да не какой-нибудь, а со всеми удобствами, по-культурному, по-европейски. Уж вы поверьте мне, по опыту личному сужу, не по книгам...

Дымский перевел дыхание и закурил. Бледные щеки его слегка порозовели, тонкие нервные пальцы левой руки машинально барабанили по столу и сами собой наткнулись на книжку только что дошедшего до Вены свежего номера "Континента". Он быстро перелистал журнальные страницы.

– Вот, к примеру, этот журнал – "Континент". И задуман был вроде неплохо, и делается интересно. А к чему привело его появление? Разве к единству эмиграции, как на это надеялись? Ничего подобного: одним фракционным изданием стало больше, ну а склок из-за этого прибавилось – думаю, больше, чем самих пишущих и читающих эмигрантов. Обратите внимание, я говорю: "пишущих и читающих", ибо большая часть эмигрантов вообще не читает ничего, кроме объявлений в газетах да телевизионных программ. Но, конечно, не о них речь. Нас ведь интересует литература, а следовательно, и "элита" эмиграции! Так вот, у этой самой "элиты" есть несколько литературных выходов на поверхность в виде газет и журналов – одни получше, другие похуже, но – повторяю – единой эмигрантской литературы нет и быть не может среди русской эмиграции. В Париже выходит газета "Русская Мысль" – около неё свой клан. Другой клан в Нью-Йорке при газете "Новое Русское Слово" – там, кстати, в основном еврейские авторы заправляют. В результате, помимо расколов среди самих русских, еще один конфликт – с оттенком антисемитизма. – Почему, мол, единственной ежедневной газетой на русском языке евреи командуют? – голосят некоторые. А потому, что русские без евреев вообще никакой прессы бы не создали, – можно сказать в ответ. Кишка тонка. Уж до еврейской-то организованности русским... – И Дымский безнадежно ткнул в пепельницу докуренной сигаретой.

Чернин и Зина молчали. Видя их подавленное настроение, Дымский решил разрядить атмосферу, не меняя, однако, темы разговора. – Хотите, процитирую вам эпиграмму одной поэтессы из новейшей эмиграции? В ней дана неплохая характеристика зарубежной прессы. Досталось и "Новому Журналу", и "Граням"... – И Дымский продекламировал:

"Ограничены "Грани".
Старомоден 'Review',
хоть и 'New'.
Дурно пахнет картавое
"Новое Русское Слово".

Только "Русская Мысль",
ладя всё еще
русского духа ладью,
иногда за него
с "желтой" прессой
рубиться готова."

– Неплохо, – сказала Зина. – Но, кажется, автор из клана "Русской Мысли", как вы бы выразились. У неё это очень ясно чувствуется. – А я и не возражаю, – ответил Дымский. – Советская пропаганда твердит, что беспартийной литературы не бывает. Русская эмиграция даёт опровержение: поскольку партии создать не под силу, имеются небольшие кланы. Ну и соответственно, клановая литература. Масштабы меняются, а не суть: вместо классовой борьбы клановая грызня; вместо одних ярлыков – другие. *C'est la vie!*..

В тот вечер они еще долго говорили на эмигрантские темы. Не всё, что рассказывал Дымский об эмиграции, убеждало его собеседников, но зато всё определенно давило на психику. Будущее начинало казаться не таким уж улыбчивым. Ведь Чернин и Зина не знали точно, в какую страну их пустят. Поистине, горька судьбина эмигранта! Перекати-поле – да и только!..

Вернувшись в пансионат, услышали новость: через два дня их группа едет в Италию. Срочно позвонили Дымскому, попрощались по телефону. Пришлось отменять намеченную экскурсию в Грац. Дымский выразил сожаление и пообещал, что приедет проводить их на Зюдбанхоф, откуда должен был отходить поезд на Италию. Неожиданно всё переменялось еще раз. За сутки до отъезда Чернин почувствовал себя плохо; температура подскочила до сорока и после того, как врач установил воспаление легких, его отвезли в больницу.

24.

Он поправлялся тяжело и медленно. Прошел почти месяц; весна была в полном разгаре и в окна его небольшой палаты, через ослепительно чистое стекло, заглядывали цветущие ветви сирени, сизыми взмахами колыхаясь иногда от ветра. Под боком, на тумбочке возле кровати, стояла уже неколебимая сирень – в виде огромного букета, через день обновляемого Зиной. – Сиреневое царство вокруг, – пошутил однажды Аркадий Яковлевич, – а сам я – этакая сиреневая немочь. – Не смей так говорить, – сказала Зина, – сирень – мои любимые цветы, а я немощных не люблю. Тебя же, – она наклонилась к нему и поцеловала, – обожаю. И не волнуйся ни о чем. Твоя задача – выздороветь. То же самое Дымский говорит. Он к нам очень внимателен. Когда ты был еще совсем плох, без конца звонил по телефону; само собой, помог мне объясниться с Толстовским Фондом насчет отсрочки нашего переезда в Италию; даже деньги предлагал, но я не взяла...

Днем Чернин спал нормально; зато ночами его обступали галлюцина-

ции. словно кинокадрами, плыли воспоминания о детстве, спутанные с какими-то, совершенно фантастичными, историями. С ним и не было никогда этих историй, но в ночной сумятице чувств они обретали болезненную зримость факта, деяния, неотвратимого рока. Особенно часто виделась одна картина. По краю огромного болота, поросшего ядовито зеленой, кустистой травой, идет он, осторожно прощупывая каждый шаг на твердой, но и водянисто хлюпающей под пальцами ног, извилистой тропинке. Эта тропинка тянется неизвестно куда и всё по болоту. И пугают его призраки: то вдруг взвощётся густой, молочной белизны, туман и дрожит в воздухе, и словно музыкальный стон какой-то рождает: дескать, растворись во мне, путник, не думай ни о чем; хорошо стать частицей тумана, хорошо раствориться и не быть. Даже слова такие, вроде, слышатся, хотя кругом – тишина бездонная. А потом, внезапно, картина меняется: солнце так и сверкает на болотной зелени переплетением стрел: снизу – зеленые струны осоки, сверху падают солнечные лучи, а в мертво-темных прогалинках воды между травой и камышами солнечные зайчики – дзинь-дзинь – прыгают и как бы позвенивают. Тоже манят ворожбою: а ну-ка, ступи в сторонку, видишь, какая прелесть светлосолнечная в том, что люди окрестили мрачным словом "болото". Иди же сюда, в глубину. И чувствует он, что дикого труда стбит ему удержаться от соблазна сойти с тропинки. Это вроде как на краю обрыва: глубина смертельная, а что-то внутри подмывает, нашептывает: а если попробовать и прыгнуть, а? Если все-таки...

Чернин приходил в себя на минуту, приподымался с подушек, включал ночник на тумбочке, убеждался в реальности больничной палаты с темно-зелеными, задернутыми на окнах шторами (вот откуда цвет осоки зеленой – подсказывала рассудочная мысль; чего бояться-то? Всё очень логично: сон как результат дневных восприятий). Это успокаивало, но стоило выключить свет, как вновь раскручивалась лента мучительных сновидений.

Снились ему и картины вполне достоверных событий его прошлой жизни. Вот его допрашивает Косачевский в Леногорске, только вместо благополучного выхода из следовательского кабинета, начинает он погружаться в беспросветную темень. Потом видит он себя не то в тюрьме, не то в башне какой-то средневековой: пленник не пленник, арестант не арестант, но подходит к нему юноша, очень похожий на Сашу Маркевича, и говорит: "Свиделись, значит, Аркадий Яковлевич? Здравствуйте, но почему на вас эта накипь?" Смотрит он на себя и, действительно, весь – с головы до ног ржавчиной какой-то покрыт. И начинает он в ответ чуть пороть явную: мол, занимался промывкой золотого песка, вроде как джеклендоновские герои на Клондайке: золото намыл, а пустая порода облепила его – и не отмыться. Где же золото? – спрашивает Саша Маркевич. – Да вот здесь, – отвечает Аркадий Яковлевич, но куда ни взглянет – всюду та же пустая порода, гальки, грязный песок. Понимает самым подспудным сознанием своим, что снится всё это ему и сгинуть может в мгновение, а страшно всё равно: вдруг правда? И потом – как облегчение: опять тро-

пинка вьётся через болото, но на этот раз кончается оно и выходит он, превратившись в маленького мальчика и даже мать свою, давно умершую, припомнив, к чудному голубому озерцу, где дно насквозь видно, где рыбки золотистые играют, и где, как он знает точно, бьёт из глубины земной самый чистый на свете родник. К нему-то и припадает он губами...

Как правило, после таких ночей Аркадий Яковлевич выпивал всю воду, с вечера заготовленную для него. Иногда усиливался жар и утром больничные сестры покачивали головами, глядя на градусник. Вроде на поправку шел пациент, а такие скачки в температуре!

Его проволокли, кажется, через все возможные анализы и процедуры; сделали рентген легких и почек, взяли анализ желудочного сока, несколько проб крови – врачи опасались, что в организме имеется какой-то дополнительный очаг инфекции. К счастью, эти предположения не подтвердились, и Чернин, хоть и ослабший изрядно, к началу мая перестал быть лежачим больным и начал готовиться к выписке. Зина навещала его ежедневно. Несколько раз заезжал Дымский, нагруженный фруктами и сладостями. Один раз заглянул и Склянский. Визит этот был совершенно молниеносен и бестолков. Шумно пыхтя и приговаривая: "что же ты, старик, так подкачал? нельзя болеть, старина", Склянский сообщил последние эмигрантские сплетни, сказал, что в пансионате давно не был, но там есть несколько новых эмигрантов – активных диссидентов в прошлом, и что Чернин наверняка найдет с ними общий язык. – Вот уж предсказание, которое стопроцентно не оправдается, – подумал Аркадий Яковлевич, но спорить со Склянским не стал.

Куда важнее было то, о чем он заговорил с Зиной буквально за день до выписки из больницы. В течение минуты-двух испробовав весь набор вступительных фраз, оговорок и междометий, вроде таких, как: "ты, Зина, не удивляйся", "я долго думал прежде, чем начать этот разговор", "я понимаю, это может показаться странным" и тому подобное, Чернин сказал, что принял решение ехать из Австрии не куда-нибудь, а в Израиль. Он, однако, не хочет злоупотреблять своим правом мужа и хотел бы узнать мнение Зины по этому поводу. Он не думает, что в Израиле им будет легче жить, чем в какой-то другой стране – напротив, ему там будет определено труднее. Ведь он еврей только по отцовской линии, а израильские законы, как он слышал, устанавливают еврейство только по матери. И тем не менее, именно потому, что он знает о трудностях, которые его ждут, он твердо решился...

Сказав это, он взглянул Зине в глаза. Она плакала. Слезы добежали до уголков рта, смывая легкий налет пудры, оставляя блестящие полоски на её щеках. У Чернина защемило дыхание. – Зиночка, родная, ну что ты? Не принимай всё так близко к сердцу. Мы еще обсудим подробнее, если ты хочешь, что и как... Я только думал почему-то, что ты не будешь против. Ведь я ни разу не говорил с тобой начистоту, а недавно подумал: а почему бы не в Израиль? Допустим, я такой невезучий: в Союзе мешала всё время моя еврейская половина; в Израиле будет мешать русская. Но ведь не так уж мешать, чтобы жить было невозможно! А у тебя и этой

проблемы нет. Правда?

Зина улыбнулась сквозь слезы.

– Ну, конечно, я не против. Если б я не боялась тебя рассердить, я бы давно предложила Израиль. Но я не хотела, чтобы ты думал, будто собираюсь на тебя давить. Мне главное – жить с тобой. Где угодно – лишь бы с тобой...

– Вот и прекрасно, родная моя, – сказал Чернин. – Кажется, мы оба перемудрили. Только я виноват больше: всё время строил планы, исходя из своих расчетов. Меня однажды здесь просто осенило. – Отчего, – думаю, – я так уверен, что Зине не хочется жить в Израиле? Ведь мы об этом никогда всерьез не говорили. Всё о другом, да о других... А в конце-то концов, почему мы не можем действовать по-своему? Пусть Склянский и прочие мельтешат и лавируют, а мы могли бы и прямые пути выбирать, не всё ходить по закоулкам и обочинам. Правда? Ну вот я и подумал, что самый прямой путь для тебя – именно Израиль. И если я на что-то годен как мужчина, я должен этот путь не отводить в сторону, а наоборот, расчистить... Как ты думаешь?..

Что думала Зина – можно было не спрашивать. Она молча обняла его и начала шептать те слова благодарности и восторга, которые были понятны ему по моментам их самой интимной близости. Воистину, эта женщина была главным приобретением его жизни. И она больше, чем кто-либо, заслужила его благодарность, его готовность разделить пополам всё: и горести; и радость, и грядущую, выбранную ими самими, судьбу.

25.

Решение Черниных ехать в Израиль потрясло всю эмигрантскую публику. Большинство осуждало их: дескать, беспросветная глупость, все стараются увильнуть от Израйля, а эти сами лезут в пекло. Ну ничего, посидят там годика два, хлебнут лиха с налогами и климатом – потом запросятся куда угодно... Не обошлось и без сплетен – самых фантастических. По одной версии Чернин внезапно получил огромное наследство от умершего в Тель-Авиве дядюшки. По другой – вся их история была тонко подготовленным трюком израильского Сохнута: дескать, с самого начала Чернины должны были ехать в Израиль, но они (за приличное вознаграждение, конечно!) разыграли пропагандистскую комедию отказа и последующего "прозрения". А теперь на их пример будут ссылаться сохнутовские агитаторы: мол, не только из Израйля рвутся люди!..

Комната Черниных в пансионате внезапно сделалась очень популярной. Под разными предлогами в неё то и дело заглядывали посетители, пытаясь узнать какие-нибудь детали. Чернин с важным видом разыгрывал любопытных. На вопросы о родственниках в Тель-Авиве отвечал, что в этом деле много еще неясного, и по лицам спрашивающих видел, как буйно начинала закипать их фантазия. Оставшись наедине, Зина и он от души хохотали, представляя себе, какими "подробностями" вскоре обростут первоначальные версии.

Заглянул к ним и Склянский. Он прикатил уже на собственном авто-

мобиле – сверкающем полировкой новейшего выпуска – "Фиате". Говорил, как обычно, с шумом и придыханием. Пожаловался на жару и шутиливо предостерег, что в Израиле будет гораздо жарче. В целом, однако, решение супругов Склянский одобрил, сказав, что, в сущности, и сам он... если б не сын... и не договор с издательством... и некоторые другие причины, то он... может быть... и махнул бы... Но – у каждого свои обстоятельства...

В последнем он был, разумеется, прав. Обстоятельства у каждого свои, и единственное, что огорчало Черниных, – это отсутствие Дымского. Он сообщил им по телефону, что его внезапно отозвали из отпуска и что на неделю или две он уезжает в служебную командировку из Вены. Решение Черниных насчет Израиля он приветствовал, сказав, что мужественный шаг никогда не останется без награды. Горячо желал всего хорошего, просил писать, обещая при первой возможности навестить их в Израиле. Через день после разговора с Дымским Зине передали утреннюю почту. Чернина не было в комнате и она вскрыла конверт без него. Когда же Аркадий Яковлевич вернулся с прогулки, которую регулярно совершал в парке, делая круги возле чудного маленького озера, странно напоминавшего голубой родник, виденный им в больничных сновидениях, Зина встретила его целым каскадом шуток. – Ну, Аркадий, – смеялась она, – а ведь в каждой сплетне есть доля истины! Дядюшки в Тель-Авиве, к сожалению, никогда не было, а вот наш друг Дымский тебя субсидирует совсем неплохо для начала. Вот, гляди... – И она протянула ему подписанный Дымским бланк мони-ордера на тысячу долларов. В короткой записке, приложенной к нему, Дымский еще раз прощался и просил принять скромный подарок на первоначальные расходы. Разумеется, это был великодушный жест с его стороны и Чернин от души пожалел, что не может лично поблагодарить этого, немного загадочного, но в общем приятного и очень интеллигентного человека.

Формальности с Сохнутом были отрегулированы без труда. Сначала их намеревались перевести из пансионата в тот загородный дом, где жили эмигранты, направлявшиеся из СССР в Израиль, однако в последний момент сообщили, что это не имеет смысла: за ними придет такси и доставит их прямо в аэропорт. Молодой сохнутовец, снова встретившийся с ними при оформлении документов, не скрывал своего восторга перед Черниным и Зиной. Он был, по-видимому, совершенно искренен в этом, но Аркадий Яковлевич про себя подумал: а ведь в самом деле, наш случай – неплохая пропаганда для него. Подумал, и сам себя одёрнул: вот гнусная привычка – везде искать теневую подкладку! Этак он – Чернин – не лучше сплетничающих насчёт дядюшки в Тель-Авиве...

Их самолет улетал вечером. В последний раз проехали они по любимым местам Вены, упаковали багаж и с двумя чемоданами плюс новоплеченная дорожная сумка для всякой мелочи, сели на скамейке, у входа в пансионат, ожидая такси. Роскошный закат громоздил облака на горизонте, заливая его розово-голубыми красками. Это было торжественно-цветное пиршество оттенков и ярких тонов – словно невидимый художник ра-

ботал на небесной палитре с небрежностью гения. Было так бесконечно хорошо смотреть на небо в розовых отблесках, что не хотелось думать о завтрашнем дне, хотя, конечно же, будут и другие закаты, да и рассветы будут!.. А самое главное, – подумал Чернин. – будет у них жизнь, созданная им самим и только им. Ну ещё и Зиной. Его самой любимой женщиной. Добрым ангелом его...

Он молча притянул Зину к себе, погладил ей плечо, поцеловал, провел по её кудрям, где она старательно маскировала седую прядку волос. Они ничего не говорили друг другу, потому что единство их душ было сейчас таким же органичным, как и слияние красок заката над ними. Они понимали друг друга полностью: всё наносное, чуждое и лишнее, покинуло их сердца. Ничто уже не замутит их больше – во всяком случае, им хотелось верить в это. Очень хотелось!..

Из-за угла улицы показалось такси, которое они ждали.

1978 г.

Торонто.

ЕВГЕНИЙ ВЕРТЛИБ

В ДОЖДЕ ЕСТЬ ОТКРОВЕНИЕ...

Это миг разброса ветром
дара странствующих тучек
канителит в лабиринте,
убивающем надежду:
оставаться выше страха
и глотать живую влагу –
грозового неба брызги,
усеченные молвой,
реставрирующей тленность
до логичности прихода
покаяния Зимую
за весенний ручеек...
Ведь сомнительное солнце
взгляд открытый прикрывает,
тенью явною пятная
слепоту застывших глаз.

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

"УДИВИТЕЛЬНАЯ ШВЕЦИЯ"

Привычку повергать идолов или философствовать молотом закоренелый диссидент увозит (вместе с другим багажом) из СССР; в этом отношении не представлял исключения и я, почему и мои впечатления о Швеции – преимущественно критика. На Западе удивляешься разнице между общепринятыми представлениями и реальностью. Так, в "вечноглубой" Италии (например, в Риме) выпадает осадков больше, чем в Лондоне. А "пацифистская" Швеция содержит армию, флот и авиацию, пропорционально населению, на уровне (количественном и качественном) Франции, Англии и Западной Германии. На деле Швеция – наиболее милитаризованная страна Запада.

При всем резко критическом направлении моих заметок, спешу предупредить, что я считаю, в целом, Швецию одной из самых демократических и либеральных стран в мире. Вот этой самой шведской свободой я и спешу воспользоваться для критики Швеции.

Первое впечатление об этой стране – еще с самолета – это ее громадность. Италия – вдвое меньше по площади, чем Швеция, хотя населения в Италии в семь раз больше. С самолета видны бесконечные леса, озера; даже города похожи на парки. Шведские города – самые редконаселенные (и редко застроенные) в мире. Стокгольм, с населением в 1 миллион, разбросан на десятки километров, на площади Нью-Йорка. Упсала, со стотысячным населением (плюс 40 тысяч студентов), занимает площадь миллионного города – советского Минска, например; а старый Рим – внутри древнеримского крепостного обвода в 20 км – на гораздо меньшей площади имеет 2 миллиона жителей. Просторно живут шведы...

После Советского Союза я провел почти 4 года в Риме, а потом без малого год в Упсале. Контраст между Италией и Швецией – разительный. Шведские города кажутся пустыми: итальянские деревни и то гуще населены. Городские "пустыни" оживлены (в центре) многочисленными пьянчугами в разных степенях опьянения, громко перекликающихся или поющих песни. Это тем более удивительно, что в Италии алкоголь стоит в 20-30 раз дешевле, чем в Швеции, а пьяных почти нет. Не только у меня, но и едва ли не у всех эмигрантов, знакомство со Швецией начиналось с назойливого пьянчуги, деликатно, не хамски, но упрямо просящего "одолжить" на табак или на выпивку.

Не меньшее впечатление производят на эмигранта и невероятно высокие цены буквально на всё, начиная с жилья и транспорта; жизнь вдвое-

второе дороже, чем на континенте Европы или в США. Что касается развитого социального законодательства Швеции, то оно касается в основном граждан, а эмигрант его не замечает. Живут шведы очень замкнуто и, можно сказать, в полной изоляции друг от друга, даже от близких родственников. Перед Новым Годом (Рождеством), например, газеты полны объявлений: анонимно замаскированные шведы (всех возрастов) ищут компанию на Рождественский вечер. Я не говорю уж о брачных – ежедневных объявлениях. И хотя шведы официально проповедают дружбу народов, иностранцев они не любят. Между тем, из восьми миллионов населения 1 миллион – эмигранты, иностранцы в первом поколении, живущие вне шведского общества, психологически – вне Швеции.

Все-таки удивительная эта страна! Её часто называют социалистической. Между тем, государственный (общественный) сектор экономики Швеции – гораздо меньший, чем в любой стране Западной Европы. Швеция считается свободомыслящей, но религия является основным (и обязательным) предметом средней школы. Церковь (протестантская) не отделена от государства и влияние её на жизнь несравненно сильней, чем в Италии. Хотя Швеция считается (многими) страной легких нравов и порнографии, я не заметил здесь ни того, ни другого, или, во всяком случае, это менее заметно, чем в других странах. Откровенно говоря, сильно поражает не "вольномыслие", которое заметно в литературе, а не в жизни, а всепроникающее ханжество, незаметное в откровенной Италии и совершенно чуждое высококультурной католической церкви. Католичество в Италии – тоталитарно в теории и очень либерально (терпимо) на практике; шведские сектанты (и, вероятно, не только шведские) представляют собой прямо противоположный пример. Путешествие из Италии в Швецию до некоторой степени напоминает собой прыжок из царства свободы в царство необходимости.

Политически Швецию скорее всего можно назвать "технократией". В этом смысле она резко отлична и от СССР, и от США, и от Италии, и от Израиля – тех стран, о которых мне известно довольно много. Реальную жизнь страны определяют крупные проекты (социальные, экономические), подготовленные в закулисных (секретных) комиссиях (из представителей нескольких крупных концернов и государственного аппарата); причем часто эти проекты начинают претворяться в жизнь еще до формального одобрения парламентом. Личная (идеологическая) свобода гражданина очень велика, едва ли не наибольшая в теперешнем мире, но влияние беспокойных граждан на политику сведено к минимуму. Шведская политика уже полстолетия подчинена технологии (и экономике) и не обеспокоена вопросами идеологии: протесты против "расистов" Южной Африки остаются платоническими, тогда как реальные (экономические) связи очень прочны и заметны не только по статистике, но и по витринам магазинов. Политические дебаты в Швеции ведутся хотя иногда открыто и шумно, однако лишь по третьестепенным или абстрактным вопросам. В этом смысле между широким спектром политических партий – от коммунистов до неофашистов, иногда обнаруживается удивительно мало разницы. Отсюда и необычайная стабильность шведской политики, экономики. Несколько лет назад коалиция "красных" (социал-демократов и коммунистов) сме-

нилась "правым" правительством "буржуазных" партий. Однако ни население Швеции, ни её соседи не обнаружили особых перемен.

Другой парадокс: географически Швеция – не столько часть Европы, сколько продолжение Сибири. Это заметно и по климату, и по лесам, и по громадным пространствам. Уникальная культура и мировоззрение Европы восходят к средиземноморской культуре Римской империи, сильно влиявшей даже на Германию. Но Швеция осталась совершенно без влияния Рима (Средиземноморья); в ней не было классического феодализма (рыцарства) и она по существу не знала Возрождения, будучи даже в семнадцатом веке чисто военным государством. Естественным состоянием Швеции была и осталась изоляция.

Феодализм в истинном смысле слова есть нечто большее, нежели просто крепостное право и военная служба. Это – особый образ мышления и жизни, с четким определением прав и обязанностей, с упором на права и независимость. И эту гордую независимость аристократической личности либеральные конституции хотели сделать достоянием всех граждан.

Швеция без особого сопротивления или энтузиазма стала католической (в XII-XIII веках) и точно так же в XVII веке – протестантской, причем шведское протестантство (как и католичество когда-то) развилось не как протест, а как централизованная и всепроникающая бюрократия – сверху, со стороны правительства. Религиозные войны (страсти) были неизвестны в Швеции. Зато до 1970 года все шведы (новорожденные), независимо от убеждений их родителей, автоматически приписывались к государственной церкви. Право выйти из государственной церкви (после совершеннолетия) было дано лишь в 1860 году, причем до 1952 года это право реализовывалось длинным и утомительным обращением к церковной комиссии (почти судебным делом). Эта историческая справка необходима для понимания особенностей шведской психологии и жизни. В Швеции было много атеистов, но мало антиклерикалов (в отличие от Италии и Франции). Радикально-сектантский клерикализм протестантов – агрессивный и массовый – несравненно сильнее стесняет жизнь, нежели абстрактная иерархия далеких кардиналов.

Шведская социал-демократия в какой-то степени походила на протестантскую секту. Шведы необычайно дисциплинированы. На пустой улице, без машин (и без полиции) шведы терпеливо ждут зеленого света (у светофора) и не поддаются примеру эмигрантов, бодро шагающих на красный свет. Инструкция соблюдается буквально и точно по всей Швеции. Благодаря этому шведская экономика хотя и находится в частных руках, – едва ли не наиболее плановая и планируемая в мире. Буквально всё в Швеции запрограммировано и на все без исключения случаи жизни имеется инструкция. Этот своеобразный образ жизни иногда приписывают влиянию социал-демократической партии и марксизма. Но едва ли это так. Смены правительств, парламентов, партий – ничто не изменило специфически шведского образа жизни нашего времени.

Все жители Швеции, не считая туристов, но включая эмигрантов, имеют "личный номер", без которого не устроишься на работу, не получишь жалованья, даже не запишешься в библиотеку или на прием к врачу. Под

этим личным номером — все мелочи вашей биографии хранятся в компьютере и нажимом кнопки чиновник получает всеобъемлющую информацию. Фактически шведская администрация осуществляет самый эффективный (и жесткий, но в бархатной перчатке) контроль над населением. К чести Швеции — потенциальные возможности этого контроля на практике не стесняют идеологической свободы населения (как это имеет место в Западной Германии, где все государственные и муниципальные служащие, включая уборщиков мусора и кондукторов, проходят проверку "политической благонадежности". В этом смысле шведская бюрократия достаточно терпима, вежлива, просвещена. В Швеции нет конфликта между управляющими и управляемыми. Поэтому высокоэффективное общество иногда похоже на хорошо смазанную машину, на коллектив роботов. Часто кажется, что подлинно живые люди — одни эмигранты.

Что бы ни говорили о русских и о русской истории (государственности), русские обладают интенсивной духовностью. Большеизм в России встретил сильнейшее сопротивление, тогда как в Швеции и социал-демократия, и предыдущие системы внедрялись и исчезали с поразительной легкостью. Русское "самодержавие" не имело подобного легкого успеха. Кроме того, в России приказам (инструкциям) подчиняются лишь формально — на деле их не выполняют. Подобные компромиссы немыслимы в Швеции. Не принята в ней и оппозиционность — в самом широком смысле слова. В русской (или итальянской) интеллигенции ("богеме") бытуют самые радикальные точки зрения и дискуссии (и никакие запреты государства не помогают). В Швеции разногласия и споры не приняты. Даже пьяные не ссорятся. Обычно шведы — если встречаются — говорят полупшепотом, со сладенькой улыбочкой, ласково поддакивая друг другу. Яростная русская речь (в русском стиле, не обязательно *по-русски*) производит впечатление динамитного взрыва — публика разбегается. Всё это очень мило: вежливость и всё такое, но результат (и жизнь) напоминают розовую водичку, подслащенную сахарином. Мало кто из восточных или романских эмигрантов смог уживаться в Швеции. Левые или правые — все недовольны и стараются уехать из нее.

Для шведов противоречие (необычность) — нечто кошмарное, невозможное, недопустимое, неприятное; это — на деле, в жизни, на каждом шагу. Человек — не такой, как все — левый, правый, никакой, — мгновенно оказывается в изоляции и даже экономическое выживание становится затруднительным. В Швеции надо улыбаться и соглашаться. Всеобщее улыбочивое согласие и довольство странным образом напоминает идеал китайских коммунистов; впрочем, красный Китай официально популярен в Швеции. Сама идея центрального планирования (всего и вся) не имеет противников в Швеции. Просто шведы планируют немного по-своему. 95 % экономики (и всё сельское хозяйство) в частных руках, а планирование гораздо более всеобъемлющее, чем в СССР.

Швед очень терпим: он с улыбкой может слушать любые иноземные мнения и ереси; они ему глубоко безразличны — швед с детства знает, где истина и что такое истина: это Швеция и шведский образ жизни. При такой фундаментальной предпосылке никакая дискуссия и разногласия, действительно, невозможны, несмотря на самую широкую формальную тер-

пимость и свободу. То, что мое личное (и других эмигрантов) впечатление о Швеции не случайно (и не ошибочно настолько, чтобы отвергать его с ходу), подтверждается рядом новейших английских публикаций о Швеции.

Тенденция к технократии в Швеции ярко проявилась еще в восемнадцатом веке; в эту эпоху Просвещения Швеция не произвела ни одного "вольномудца" (хотя даже в России были Новиков и Радищев) — только технических специалистов и гениев естественных наук, вроде Линнея. Швецию не без основания именуют самой материалистической страной мира — даже церковь выродилась здесь в своего рода "партаппарат".

Бессилие и однообразие советской пропаганды умеряется тем, что ей (пропаганде) никто не верит, даже тюремные надзиратели и партийцы. В Швеции официальной пропаганде верят все. И громадное большинство повторяет одно и то же. Поэтому горстку вольномыслящих и терпит всемогущий истэблшмент; инакомыслием (любым) в Швеции не заразишь никого. Мир абстрактных идей, принципов, знаний — просто не существует для шведа. Религия в Швеции — это удушающе-мещанская благопристойность, переходящая в невозможное ханжество. Если в СССР, как и во многих других странах мира, существуют (хотя бы и преследуемые) многочисленные оппозиционные группы, предлагающие радикальные альтернативы, то ничего подобного нет и никогда не было в Швеции. Шведское население напоминает хорошо вымуштрованную армию, причем каждый отдельный швед продолжает маршировать в ногу и сохранять равнение на коллектив — даже когда он один и за ним никто не наблюдает.

Некоторая разрядка происходит при отпуске за границу, но и тут лишь в смысле разврата и пьянства; мышление остается прежним. Современное шведское общество почти до деталей сходно с "Отважным Новым Миром" Олдоса Хаксли, а от "1984" Оруэлла отличается лишь материальным достатком и некоторой либеральностью в управлении. Контроль над населением от этого не ослабевает. Если в других странах бежать с доносом в полицию считается аморальным, то в Швеции полиция почти официально базирует свою работу на "сотрудничестве" всей массы граждан. Всё это очень мило — издавека... Следует, однако, помнить, что такие же милые, аполитичные, исполнительные полицейские демократической Веймарской республики составили ядро эйнзатцгрупп, высокоэффективно осуществивших уничтожение нескольких миллионов человек, когда на рекламе переменялась вывеска.

ДАНИИЛ НАДЕЖДИН

* * *

Я не знаю, за что меня пьяные любят,
Отчего на базаре, в кафе, на вокзале
Приникают ко мне одинокие люди,
С увлажненными пьяной слезою глазами.

Не тогда, когда хочется петь и плясать им —
Понимают, должно быть, что здесь я "не дюже" —
А тогда, когда ищут они адресата,
Чтобы начисто выложить горькую душу.

И берет меня за руку доля чужая,
И в глаза мне глядит, словно ищет ответа:
Почему человека судьба обижает?
Кто поможет ему? Кто ответит за это?

Отчего-то мне стыдно их глаз светлосиних,
Точно, чем виноват, что обижены люди.
Я молчу. Я молчу. Я помочь им не в силах.
Я не знаю, за что меня пьяные любят.

* * *

Приникаю к деревьям.
Проникаю в их кроны и корни.
Проникаюсь доверьем
К деревьям,
Что стоят под дождем, как большие усталые кони.

Всё скажу я деревьям,
Признаюсь во всём и покаюсь,
Потому что всё больше и больше
Доверьем
Я к ним проникаюсь.

Приникаю к деревьям.
Проникаю в их корни и кроны.
Проникаюсь предчувствием древним,
Что одной мы с деревьями крови.
По ночам
В темноте
К их шершавой груди прижимаюсь.
Словно к телу родимому приживляюсь.

ЧЕЛОВЕКУ ТВОРЯЩЕМУ

"Тогда-то стало ясно, что во дни смут и великих тревог человек может принести тем больше пользы, чем больше его мысль и жизнь направлены на духовные, сверхличные цели, чем лучше он умеет подчиняться, созерцать, молиться, служить и жертвовать собой".

Герман Гессе, "Игра в бисер".

Начало моих записей событий, связанных с ленинградской выставкой в 74-ом году было опубликовано в "Новом Журнале" №№ 128, 130 под названием "Творческая Вылазка". В описываемый период я не расценивал борьбу за свободу творчества ни как "вылазку из-под стола" и ни как "боевую вылазку из крепости", а уверовал в нее, как в трубный глас Ангела, возвестившего о конце... К великому разочарованию, пришлось сразу же убедиться, что ряды новых воителей нестройны... и потому свою хронику я адресовал Человеку Творящему, тому, кому необходима Правда, как бы горька она ни была. А Правда, я верю, прежде всего является правдой художественной и в последнюю очередь правдой политической. Последние два слова даже не укладываются рядом. Гораздо больше ладят между собою сочетания: выгода политическая, изворотливость политическая.

Вскоре после публикации начала этого текста и других моих выступлений на меня обрушилась клевета и требования к редакторам не допускать меня в печать.

Я отдаю отчет, что моя интерпретация субъективна и я не оставлял и не оставляю надежды услышать иную оценку и другие выводы. Нет фактов, а есть лишь внутренний мир личности, творческое конструирование из нечто темного (порой – ничто). Сталкиваясь, творчество нескольких создает объемную истину.

Кто реагировал (а среди них – часть имен, совпадающих с теми, что мелькают у меня) злобой, клеветой, вычеркивают себя из тех, кому адресованы мои записки – из людей творящих. Не в силах ответить достойным образом, они опредмечиваются и застывают в тех позах, в каких их ухватывает перо.

Причину прекращения публикации в "Новом Журнале" предоставляю объяснить виновникам.

Итак, эти записки продолжают свой выход под моим собственным, первоначальным названием. Восстанавливаю также и эпиграф.

И. СИНЯВИН

6. ЖДЕМ РЕШЕНИЯ

Через несколько дней мы встретились с Жарких на свадьбе С. и П. Накануне в последних известиях Би-Би-Си сообщило, что в Москве в Центральном Доме работников искусств открыта художественная выставка. В числе участников несколько художников с выставки в Измайловском: Рабин, Немухин, Мастеркова.

– Юра, Рабин требует, чтобы все держались вместе, не устраивали отдельных выставок. Обвиняет в ренегатстве. А самого чуть поманили – он и сбежал от команды.

– А ты бы что сделал, если тебе предложили выставиться? Отказался? Приписали бы политику.

– Не нужно требовать от других того, на что у самого сил не хватает. Если бы мне предложили, я бы сказал, что раз сейчас идет речь об общей выставке, то давайте решим сначала главное. В любом случае я бы посоветовался с другими художниками и поступил бы на основании общего решения. У Рабина же очень ловко получается: без него Немухин, Мастеркова назывались ренегатами, с ним – другого выхода нет. А как он после этого может быть лидером, если для него прежде всего – личные интересы? Имея таких руководителей, трудно надеяться на общую выставку. Ему скажут: "О чем Вы, товарищ Рабин, хлопочете? О выставке своих работ? Вы ее только что получили."

Жарких: – Ты не знаешь всей сложности ситуации. Приходится работать сразу в нескольких направлениях. Рабин знает, что делает. Его заботы не сводятся только к выставке неофициального искусства.

– Что ж, может, это мы заторчали на одном. Но мне кажется – нужно концентрировать все силы в одном направлении.

Жарких рассказывает последние новости:

– Глезера вызывали в КГБ и предупредили, что он может понести наказание за организацию антисоветских выставок.

– Что послужило толчком?

Из объяснений Жарких можно было понять, что Глезер написал статью в ответ на выступление "Вечерней Москвы", которая помоями поливала всю в целом выставку в Измайловском и отдельных участников. Смысл письма сводился к тому, что "Вечорка" не тех поливала. Надо было Рабина и других, кого Глезер считал корифеями. В заключение своего письма Глезер написал: "...статья в "Вечорке" санкционирована теми силами, которые в свое время уничтожили Мандельштама".

– Уж если вспоминать, так не об одном Мандельштаме. А то получается борьба не за свободу искусства, а с антисемитизмом. Да и вообще нам нельзя сейчас пользоваться языком политических ораторов. Правые из власть имущих будут рады, если мы сорвемся на истерию. Сейчас ещё есть надежда на какой-то разумный диалог. Может, Глезер хочет обрести славу бесстрашного борца? Пусть, но не за наш счет.

Жарких: – Видишь ли, его можно понять – душа не выдержала.

– Да, политического опыта мы лишены. Но неужели из-за одной этой статьи?

– Вроде бы припомнили многое. Какое-то дело с книгами...

После свадебного застолья продолжили разговор в мастерской Петроченкова.

Юра: — Мы должны заявить, что наша выставка — дело Рабина.

— По-твоему, у Рабина патент на все выставки формалистов? Смешно. Мы должны быть горды, что делаем здесь все самостоятельно. Что за нужда у тебя заискивать перед ним?

— Если бы ты знал, сколько труда вложил Рабин в устройство московской выставки, сколько он хлопотал в Грузии, Литве — ты бы так не говорил. Нам нужен лидер. Мы должны его делать.

— Дутый — не лидер. Я сначала видел в Рабине борца, неподкупного и решительного. Должен быть человек чистый. А в Рабине я этого не вижу.

— Да дело не в его качествах. Не важно кто, главное — единство. К тому же ты его не знаешь, кажется, только по телефону. Пойми: если они дадут выставку здесь, в Петербурге, им легче раздолбить выставку в Москве. Они отчитаются перед Западом, да еще заявят, что москвичей оттого громили, что те хулиганили.

— Лимит на выставки? Да чушь все это! Их диалог с Западом — не наша забота. Мы должны пробивать выставку и не ломать голову над их вариантами. Только себя запутаем. Ленинградские художники сейчас — пустое место для всех... Ты говоришь, власть наша обладает единым сознанием... Мне тоже иногда кажется... по ночам... что это какое-то темное существо, вроде Черного Бога... провал... неверный шаг — и полетел туда... Скорее, не власть — КГБ...

Юра: —Чтобы выиграть, мало быть кротким и бояться запачкаться. Если взялись за дело — надо выиграть, а не души свои спасать. Пойми: московская выставка сейчас — самое важное звено. Нельзя забывать, что мы обязаны всем только Москве. Важно только то, что будет там. Ленинград — периферия.

— Ты пристрастен, поскольку все твои дела связаны с Москвой, Рабиным и Глезером. Периферия? Если будет открыт секрет Кашея — то только здесь. Юра! Да здесь все только и живут выставкой — не только художники. Никто тебя не будет слушать.

— Всё из-за тебя. Не шумел бы — я бы убедил всех.

— Может быть. Но я животом почуял опасность. Ты меня не убедишь.

— Ты бы больше выиграл, если бы не бросался в драку с теми, у кого опыта в делах побольше твоего.

Я внимательно посмотрел на Юру... Покупка, что ли?.. Искус позади... Да и предавать своих не буду.

Петроченков, сбежавший услужливо по просьбе Жарких за вином, поставил на стол несколько бутылок. Раскупорил и начал наливать. Вот и у нас иерархия образуется.

Я отказался пить: "Уже на свадьбе свою норму перевыполнил." Петроченков не настаивал. Но сквозь его молчание я видел, что он скорее пойдет за Жарких, чем за мною. Словно опять соприкоснулся с психологией дворовых мальчишеских компаний-шаек, с их борьбой за главаря. Я всегда чуждался этого затягивающего мира. Сохранить себя там можно лишь проходя мимо и не опуская глаз с неба вниз.

— Юра, а как Глезер смотрит на ренегатство Рабина?

– Глезер – за выставку. Уговаривает всех не слушать Рабина.
– Неужели? А мне казалось, что Глезер под башмаком у Рабина.
– Ну нет... На искусство он смотрит через картины Рабина, а в остальном – его не укротить. Глезера с допросов не выпускают. Рабин успокаивает его: "Ничего, надо будет – сядешь. Ради общего дела и пострадать можно. Потом выручим."

– Это всё шуточки. Не волнуйся, Глезера не посадят.

Вмешался Петроченков:

– Нужно хорошо знать КГБ, чтобы так говорить.

Я: – Не для того его туда таскают и подолгу держат, чтобы выслушивать молчание. Достаточно поглядеть на Глезера, чтобы понять: на крест его и палкой не загонишь.

Жарких: –Зато ты так и прешь туда.

– Избави Бог! – с затаенной радостью и страхом вырвалось у меня.

Вскоре мы с Жарких направились к Овчинникову. Юру покачивало. Одну недопитую бутылку он прихватил с собой.

– Юра, ты хороший парень, но на свой счет ты ошибаешься. Политик и организатор из тебя никудышный.

– А я как раз то же думаю о тебе.

Небольшой эпизод в мастерской у Петроченкова позднее предстал в новом свете. Петроченков обратился за советом к Жарких:

– Меня вызвали в КГБ. Как ты думаешь, идти мне туда?

– Смотри сам, что ты меня спрашиваешь? Но учти: коготок завязнет – всей птичке пропасть.

– Так ты советуешь не ходить? – эхом отозвался Петроченков.

Что-то недоговорено.

Со мною же отдельно от Жарких Петроченков поделился новостью. Какой-то его знакомый, близкий к обкому партии и КГБ, передал ему, что выставку решено устраивать и даже намечено место – Дворец культуры Кировского (бывшего Путиловского) завода.

– Не важно, кто решил, это уже их дела и внутренние отношения. Может, правда, КГБ решил известить о решении обкома, чтоб нам казалось, что они самые важные птицы.

Юра остановил такси и через пять минут мы были у Литейного. Щедро, по-барски расплатился с шофером.

У Овчинникова нас поджидали Иванов, Арефьев, Дышленко. Только что позвонил Угаров и пригласил инициативную группу в Правление.

Жарких: – На этих переговорах я буду говорить один.

Я, сдерживая себя: – Что же ты скажешь?..

– Я им пригрожу. Расскажу для назидания о московских событиях.

– Только-то и всего?! Если хочешь сорвать всё – лучшего не придумаешь. Нет, Юра, тебе нужно пристраиваться к сложившемуся стилю переговоров. Для начала посиди молча и послушай.

Арефьев неожиданно оказывается на стороне Жарких:

– Если откажут, надо бросить им в лицо, что они зажившие свиньи.

– Я этого говорить не буду. А ты, Володя?

Овчинников: – Мы не собираемся останавливаться на ЛОСХе. И выразим лишь сожаление, что обратились не по адресу.

Жарких: – Мы им покажем, на что мы способны!

Дышленко: – Юра, тебе лучше помолчать там.

– Без моего авторитета вам ничего не удастся сделать!

Дышленко: – Да какой ты для них авторитет? О тебе они навряд ли даже слышали. Московские сплетни до них не докатились.

– Они поставят ультиматум: мое участие в выставке.

– Юра, ты городишь чепуху.

Жарких, в истерическом припадке:

– Я один пойду со своими работами на Петропавловку! Я заставлю их сдаться!

Я: – Ты просто смешон.

Жарких, сверкая глазами: – А ты не пойдешь туда!

– Не тебе решать!

Отворачиваюсь и обращаюсь ко всем: – Я опасаясь, что Жарких будет играть на проигрыш. Это пятая колонна Рабина. Раз не удастся поставить нас под контроль – пусть у нас все завалится. Смотрят на нас, как на конкурентов. Если Жарких будет на переговорах выступать в этом же духе, придется заявить, что это – его частное мнение. Но властям станет ясно, что у нас раскол. Всё провалится. И потому перед встречей в ЛОСХе нужно выработать общую позицию. (К Жарких) – Ты подчинишься решению собрания?

– Нет!

Дышленко: – А я отказываюсь участвовать в выставке, если от моего имени на переговорах будет говорить Жарких. Это – моя единственная форма протеста!

Я – Жарких: – Если бы ты так же вызывающе держал себя на трезвую голову, можно было бы считать, что ты выключил себя из игры. Тебе надо проспать.

Жарких (осевшим голосом): – Леонову нельзя давать слово. Он находится внутри искусства, не понимает большего.

Арефьев: – Что же в этом плохого – быть внутри искусства?!

Игорь Иванов: – Мы все страдаем манией величия. Но с такими уродливыми формами братья за организацию большого дела нельзя. Бонапарти в искусстве не нужны.

Я: – Юра словно капризная примадонна. Когда отказывают в первой роли – бросается в истерику.

Жарких: – Ну, и делайте сами!

Спор прекратился, словно пришли к искомому. Вышли от Овчинникова. Жарких как испарился.

Дышленко: – Нам повезло, что Жарких напился и сумел высказаться начистоту.

Игорь Иванов: – Всё же нам не нужно разбрасываться людьми. С таким настроением он, конечно, только всё испортит. Может, одумается?..

Я направился на электричку.

Невольно подумалось: пожалуй, много соблазнительного в подобном самодурстве. Освобождение приглушенной воли. Мне не дано... Когда пробовал напиться – от самоконтроля никогда не мог избавиться.

На следующий день зашел к Овчинникову.

– Игорь, из всей вчерашней перебранки меня заинтересовала одна идея

Жарких – выставка на нескольких квартирах. Это же выход, если откажут в помещении.

– Володя, – остановил я его, – не клюй на приманку. Все предложения Жарких сводятся к одному: или отсрочить выставку, или не допустить её. Нельзя размягчать волю. Легализацию искусства частными выставками на квартирах не решишь. Официальная выставка – это в наших условиях колоссальный сдвиг общественный, и для искусства тоже. А с квартирами мы останемся в том же подполье, может, только стены побелим. Всё лопнет, как мыльный пузырь, и будет упущен удачный момент.

– Да всё понятно, что ты мне доказываешь! Но если бы победа была гарантирована. А если проиграем? Стоит ли тратить силы? Не лучше ли опираться на самих себя? Создавать свою культуру, не соприкасаясь с государственной?

– Кто положил руку на правило, не может оглядываться назад. Смотри на всё как на эксперимент. И он будет тем показательней, чем больше выложись. А выводы будем делать потом.

Решили с Овчинниковым собрать художников у Иванова 20-го, днем. Обсудить проблему с Жарких и предстоящие переговоры в ЛОСХе.

20 февраля 1974.

Перед встречей у Иванова я набросал текст, который предлагал зачитать всем. Позвонил Овчинникову, и за полчаса до общей встречи вручил ему несколько страниц:

"Мы должны сегодня обсудить предстоящие переговоры и отношения с московской группой художников.

1. Выставка, судя по косвенным данным, состоится. Если доверять слухам, то даже место намечено: Дворец культуры Кировского завода. К тому же, они не стали бы вызывать инициативную группу, чтобы сказать "нет". Они совещались по нашему поводу в Смольном, затем собирали Правление у себя. Так что следует сейчас обдумывать не нашу реакцию в случае отказа, а технические условия проведения выставки. Инициативная группа передаст их Правлению ЛОСХа.

Надо получить от них гарантии, чтобы не попасть в западню. Могут поставить очередь рабочих этого громадного завода, и никто, кроме комсомольских активистов, наших картин не увидит. Могут вместо милиции выделить своих дружинников для наведения "порядка", могут устроить заборы в раздевалке и прочее. И в итоге выставку превратят в фарс. Надо постараться всё заранее предвидеть.

Нужно твердо договориться о сроке выставки и её продолжительности. Будем требовать неделю. После закрытия – обсуждение.

Будем требовать издание каталога выставки.

Мы можем идти на компромисс за исключением следующих пунктов:

а) отбор производим сами; они проверяют лишь на предмет отсутствия "трёх табу";

б) выставка открытая;

в) ни одного участника из нашего списка они не могут отвести.

2. Переговоры инициативная группа ведет успешно. И она должна продолжать их в прежнем составе.

(Володя внимательно посмотрел на меня, задержав палец на этом пункте: — Да, я тоже думаю, что не нужно выводить Жарких. Лучше спустить всё на тормозах. Против мира он не попрёт).

3. Связь с московскими художниками.

Кто мог предполагать, что у нас с ними могут начаться недоразумения? Увы, они возникли, но не по нашей вине. Мы благодарны им за проторенную дорогу. Но здесь складывается иная ситуация. Почему? Можно только гадать... Во всяком случае, переговоры с нами ведутся по-деловому. И пока нам нет нужды спешить признавать над собой верховенство группы Рабина и Глезера, тем более, что им до наших интересов дела нет. Жарких не может переключиться с истерии, возникающей в Москве. Нам пытаются навязать кодекс дельцов от искусства, согласно которому выставка не имеет смысла без скандала с резонансом на Западе. Но если мы художники, то будем хранить чистоту искусства и оберегать его от использования в пропагандистских целях, будь они "про-" или "анти-". Я был на выставке в Измайловском. Там было общее внимание и спокойствие, без всякого ажиотажа. И это самые лучшие условия, в которых может развиваться здоровое искусство. Но если будут чинить помехи свободе искусства, мы должны дать отпор. А искусственно создавать скандал для рекламной шумихи — самим лезть в грязь. Если проведем нашу выставку спокойно — это поможет и московским художникам. Нам пытаются диктовать: "Согласовывайте все шаги с нами — иначе не будем поддерживать." Кто может отрицать необходимость единства всех свободных художников России? Но диктата нам не нужно.

Они угрожают перекрыть каналы связи с Западом. А это уже шантаж. Да и не так легко поставить западную прессу под контроль. Существует опасность, что Жарких устроит скандал и сорвет переговоры, раз не подчиняются его диктату. И потому предлагается общему собранию постановить, что, если он примет участие в переговорах, то лишь на основе и в рамках наших решений"

Овчинников дочитал, полностью со всем согласился, и мы отправились к Иванову.

Собралось человек двадцать. Опять был шум, но скандальность отсутствовала. Даже выкрики Арефьева, в алкогольном экстазе освободившегося от всякого самоконтроля, не помешали обсудить все толково. Много действительно дельного было в предложениях Леонова, Дышленко, Игоря Иванова.

Свой доклад, в той части, где затрагивались отношения с москвичами, я прочитал с купюрами. Меня постоянно одергивали, опасаясь употребления самого слова "политика". Юру ругали дружно и постановили: пусть остается на переговорах, но если его мнение будет идти вразрез с мнением остальных членов инициативной группы, то нужно заявить, что ни один участник предстоящей выставки не поддерживает его.

Я считал, что Юру можно перекрыть и заставить работать в общих интересах и целях. К тому же исклечение Жарких привело бы к открытому объявлению войны между нами и Рабиным. А мне тогда казалось, что Рабин полностью контролирует всех московских неофициальных художников.

и потому обладает значительной силой. Лишь много позднее пришлось убедиться, что это далеко не так. И Жарких побили, но не выкинули.

Игорь Росс представил Сажина, будущего участника, и попросил его передать всем разговор с сотрудниками КГБ. Тот рассказал, что его вчера вызывали и просили указать таких художников, которые хотят из выставки устроить политический скандал.

– Что ты ответил?

– Сказал, что таких не знаю.

– О чем еще спрашивали?

– Остальное было несущественно.

– Предупреждали, чтобы держал язык за зубами?

– Нет.

– Тогда это надо понимать как намек с их стороны. Скоро будут разъяснения.

Леонов выдвигался на авансцену. Арефьев, его старый приятель, всё повторял: "Леонову на переговорах надо дать основное слово."

Без Жарких Леонов говорил увлеченно, длиннотами. Я почувствовал, что не в Жарких дело. Уйди он – внутренних споров нам все равно не миновать, трения начнутся между оставшимися. Неужели подобные дела требуют избрания лидера и борьбы претендентов? А, может, просто грех властолюбия внутри сидит как нечто изначальное? Может, не столько наружу разыгрывается борьба за власть, сколько в моей душе соблазны набирают силы? Жарких отошел – и вот я готов броситься на Леонова. Нет, нужно не столько бороться наружу, сколько с собой...

"ВЫСТАВКА БУДЕТ"

21 февраля в 16.00, как и было назначено, пришли в Правление ЛОСХа. Жарких подождали недолго и вскоре приступили.

Фомин, этот незлобивый старичок, просто и спокойно сообщил: "Выставка будет."

Как только он произнес долгожданные слова, я не мог сдержать своих чувств – ничем не сдерживаемой радости. Логутенко, заметив мою реакцию, заулыбался.

После короткой паузы Фомин продолжал:

– Поскольку вы выставляете неприемлемые для ЛОСХа условия – отказываетесь от отбора работ нашим художественным советом – мы в рамках нашего устава, который не собираемся ради вас переписывать, провести такую выставку не можем. Но, просмотрев эскиз будущей выставки, мы доложили обкому партии, что считаем возможным показать ваши картины публике. Обком поручил Управлению культуры создать организационный комитет выставки. Этот комитет будет решать всё, что касается устройства предстоящей выставки, но не будет брать на себя функции художественного совета. В состав оргкомитета войдут два представителя из Управления культуры: Яблочкина Лариса Федоровна – заведующая отделом изобразительного искусства, её заместитель – Леонова Надежда Григорьевна

евна. Двое из ЛОСХа: Угаров Борис Сергеевич – он назначается председателем, и Петров-Маслаков – художник, член ЛОСХа. С вашей стороны тоже четверо. Можете сейчас назвать их имена? Видимо, кто-то из вас?

Леонов торопливо:

– Сейчас не можем. Это решит общее собрание художников.

Я попросил точнее определить функции оргкомитета. Угаров пояснил: оргкомитет будет заниматься сугубо организационными вопросами. Это не жюри. Но проверит, насколько честно выполнены условия запрета по трем пунктам.

Я, не задумываясь, поддержат ли мое требование другие, обращаюсь к сидящим напротив:

– Художники будут иметь дело с теми четырьмя, которых изберет общее собрание. Эти четверо станут связующим звеном между представителями власти и всеми желающими принять участие в выставке. Если кто-то обратится напрямую в Управление культуры или ЛОСХа, вы отправляйте таких к нам, не давая им никаких гарантий на участие в выставке.

Сидящие напротив промолчали.

Леонов пытался получить ответ на вопрос, который ему удастся сформулировать достаточно ясно только к следующей встрече. Ему хотелось узнать: решение оргкомитета окончательно или подлежит утверждению свыше. Угаров и другие его не поняли и потому вопрос остался без ответа. Пожелав друг другу всего доброго, разошлись.

На выходе нас поджидали несколько человек. Договорились о предстоящей встрече, на которой будет утвержден оргкомитет.

Игорь Росс, сославшись на занятость, отказался от участия в переговорах. В отношении Жарких решили считать, что он выбыл, если не пришел на переговоры без веских причин.

Петроченков, бледный и испуганный, сообщает, что к нему приходили из КГБ и сказали, что выставка может состояться только в том случае, если из оргкомитета будут исключены Жарких и Синявин, поскольку оба планируют акции, несовместимые с художественной выставкой.

Я воскликнул: – Мне теперь волноваться нечего: у меня есть дополнительный голос за избрание – голос Комитета Госбезопасности!

Иванов: – Мы не поддадимся на шантаж, можешь быть уверен.

Любушкин пригласил меня сходить к Жарких и узнать, что с ним. "Может, его..." – снова Николай предполагал самое худшее. Мне было неловко идти. Опять получается, как к барину на поклон. Но все закивали – сходи.

– Хорошо, проверим, жив ли. Если по своей прихоти не пришел – передадим общее порицание.

Жарких у себя, рисует: – Я же говорил, что не приду.

– Если не будешь принимать участия в работе, тебя не включают в оргкомитет.

– Пусть будет пятеро.

– Я тоже было предложил, чтобы остались все на месте, но меня не поддержали. К тому же не настолько это принципиальный вопрос, чтобы из-за него ломать копыя.

Я вспомнил о комментариях западного радио к выставке в ЦДРИ, ко-

торые услышал вчера в новостях "Голоса Америки" и Би-Би-Си: – Видишь, передают, что одни эту выставку расценивают как очередную уступку властей, либерализацию по отношению к формализму, другие – как наступление властей, но уже не бульдозерами. Власти, мол, пытаются расколоть художников, противопоставить их друг другу, чтобы передрались.

Жарких: – Рабину пришлось согласиться, но он запретил сообщения на Запад: "Сами затеяли – сами и рекламируйте. Делать из этого событие мы вам не поможем."

– Ладно, поверим ему.

Видно, меня удовлетворил не столько довод Рабина, сколько миролюбивый тон Жарких.

Позднее в Москве мне довелось в АПН услышать рассказ журналиста, обеспечивавшего западным корреспондентам техническую помощь в передаче изображения с этой злосчастной выставки на Запад: – При небывалом стечении инкоров состоялось открытие. Нагнали техники – будто президент Соединенных Штатов приехал. Все репортажи начинались одинаково: "Вот жертвы тракторной политики в отношении к свободному искусству."

Хорош "запрет"!

– Юра, будет Рабин участвовать в нашей выставке?

– Вряд ли.

– Тогда будем приглашать из Москвы помимо него.

– Никто не пойдет.

– Ты так уверен, что Рабин контролирует положение? Спрошу у Воробьева, Бардачева...

– Они, может, и пойдут, но своей слабостью дискредитируют выставку.

– То ты за массовость, то за качество. Я все же позвоню им.

Я встал, давая понять, что ухожу. Невольно наблюдаю за Любушкиным. Тот поднимается вместе со мною. Видно, всегда за победителя держится. Юра, взывая к дружеским чувствам:

– Пойми ты, я хочу, чтобы выставка состоялась.

– Приходи к Иванову, чтобы обсудить, кому быть в оргкомитете.

Идем с Любушкиным по Гороховой. У меня исчезло всякое напряжение в отношении к нему. Разливается доброе товарищеское чувство. И что это я на него всё время... Ведь хороший, добрый парень... Но ведь не скажешь этого, как-то непривычно... И, вкладывая в обычные прощальные слова свои чувства, протягиваю ему руку.

Пешком до Иванова. Внутри – словно переполненная чаша радости. Надо освободиться. Игорь пересматривает свои стихи. Передаю ему последние новости:

– Жарких не собирается отходить от дел и уже помалкивает о признании Рабина.

– Знаешь, как бы нас не обвинили в антисемитизме.

– С чего ты взял?!

– В нашем оргкомитете нет евреев и от Рабина мы отбиваемся.

– Вот и ты тоже... Мало ли что нет – так уж получилось.

– А они скажут, что это не случайно. И что если вы не антисемиты,

то почему не введёте?

Я засмеялся:

– Ну, знаешь... Если они так скажут, то придётся быть "антисемитами".

– А насчёт выбора четырех, я думаю: надо выйти Любушкину. Он всё равно ничего не решает. А вы четверо хорошо уравновешиваете друг друга. Овчинников предостовителен. У тебя страсть и идеи. У Жарких связи и опыт. У Леонова – требования от искусства.

Я решил воспользоваться телефоном Игоря и передать Хедрику Смиту в Москву последние наши новости, но Игорь так вяло отреагировал – видно, боясь, что ему отключат телефон, – что у меня это желание пропало.

Вскоре ушел от него.

Переговоры, встречи, скандалы начинают надоедать. Всё решается в инструментально-техническом плане. За деревьями теряешь лес. От социально-политической оценки событий мы отказались, а об искусстве как-то неловко говорить, поскольку решаем задачу не создания произведений, а демонстрацию готовых. Если бы выставку превратить в общий скоординированный творческий акт... Сейчас не до этого. Невольно превращаешься из художника в организатора и политика. Может, спасение вот в этих моих записях?

Неужели это серьезно – их подсказка исключить нас с Жарких... Не поговорить ли с Угаровым? Он производит впечатление интеллигентного человека. Понять его, объяснить, что мы хотим... Переключиться с противостояния на взаимопонимание...

А ночью решил – нужно идти в КГБ и устранить недоразумение. Объяснить им, что политические скандалы нам не нужны, никаких провокаций мы не готовим, а нужна нам лишь свобода выставочной деятельности. До потрясения основ советской власти весьма далеко. Вы же, мол, своим давлением создаете из нас политических борцов. Объяснить бы им, что их организация должна приспосабливаться к процессу освобождения личности, а не быть вмещилищем консерватизма и тупости.

Но днём мои ночные химеры рассеялись. Бог уберег.

Я представил себе все последствия задуманной вылазки... Пришлось бы скрывать ото всех свое посещение, поскольку все истолковали бы его не иначе как попытку сговора за их спинами. Вряд ли поверили бы искренности описания посещения. И было бы невыносимо – скрывать в себе.

В самом же комитете смотрели бы на мое посещение, как удав смотрит на кролика, лезущего в пасть. И уж, конечно, попытались бы использовать в качестве осведомителя. Да и вряд ли в этой организации сидят "большоголовые", наверняка одни "пожарники". Не следует впутывать сюда эту организацию, предназначенную выполнять другие функции. Государственную безопасность мы не подрываем, а помогать расширению влияния и без того вездесущего Комитета нам ни к чему.

Разговаривать как равноправные партнеры они не могут – претензия считать себя сущностью и сердцевинной государственной властью – у них в крови. И даже если бы они были с претензиями более скромными и с прошлым, не отягощенным кровью, даже и тогда идти с ними на интимное общение – равносильно отказу от творчества и свободы. И не является ли про-

тест, противостояние необходимым звеном в цепи причин, толкающей нас на творчество? Нужно беречь душу свою чистой для церкви своей – для творчества и близких по духу друзей.

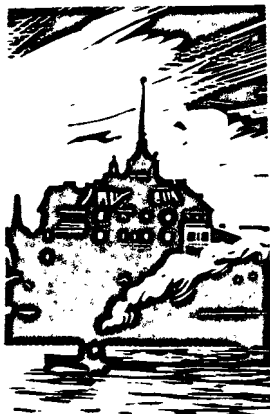
Должны существовать границы. Нам незачем лезть в их дела – они пусть не покушаются на нашу свободу. Им нужно понять, что они не обладают и не смогут обладать властью над душой человека, тем более – над духом свободным и творящим. Но только тогда, когда они почувствуют за нами силу и убедятся, что границы их власти не абсолютны – только тогда наши аргументы не будут казаться им иллюзорными и идеалистическими.

Если перехватят мои записи – пусть прочитают, полезно будет.

Не для того ли и записал свой экспромт? А скажи какому-то фельдфебелю, открывшему двери в этой организации – оказался бы через пять минут в санитарной машине. И был бы он прав. Перед ним стоял бы полностью утративший чувство реальности, забывший правила игры...

Но что это... Попытка мягко выйти из-под когтей? Заигрывание с тигром? А если бы обладать силой, бóльшей, чем они? Слова тогда не нужны...

(Продолжение следует)

НАТАЛЬЯ АРСЕНЬЕВА

О С Е Н Ь

Как не любить мне осень золотую,
когда через фату осин густую
тон пробивается – червенно-славный тон,
и в золоте стоит молчащий пышно клён?

Как не любить мне осень золотую,
когда на ниву сжатую, пустую,
прольется ночью молоком – туман,
как паутина сквозь кусты полян?

Как не любить мне осень золотую,
как не любить ту пору, мне родную,
когда готова всё боготворить,
и хочется века,
хоть тосковать, но жить...

Вильно, сентябрь 1921 г.

М О Л И Т В А

Могучий Боже! Владыка света,
солнца-громады и малого сердца!
Даруй Беларуси лучистость привета,
чтобы в лучистости этой греться.

Хлеб нам даруй, в повседневности серой
не оставляй наш великий край.
Дай нам отвагу, мужество с верой
и нашу правду, и будущность – дай!

Дай урожайность, пышною нивой
вознагради нас за тяжесть забот.
Сделай свободной, сделай счастливой
родину нашу и наш народ!

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Ночь пальцем серебристым водит
среди башен готики и фресок;
свет белый между окон бродит,
он блещет – сумрачен и резок...

Я – в серебре туманной ночи...
за мною – город, засыпая,
смежил натруженные очи,
свет фонарей приумеряя.
Колеса тяжелая чугунность
прёт на асфальт, на мостовые.
И город спит... И видит лунность,
и тишины сны золотые.
Но хрипло радио рыдает;
в таверне – рокот саксофонный,
а мрак ночей перебивает
рекламы перепляс червонный.
В неонном полумертвом блеске
автомобилей силуэты,
что в темных улиц перелески
приносят авантюры приметы...

А ночь... она всё пальцем водит
среди башен готики и фресок;
свет белый между окон бродит,
витражно сумрачен и резок.
Ночь тянет лунное сиянье,
как шаткий мост, летящий в вечность,
где над сегодняшней ранью –
готическая бесконечность...

Вильно, 1935 г.

ОКРЕСТИЛ МЕНЯ НЕКТО В ЗЕЛЕННОЙ ДУБРАВЕ

Не с церковной молитвой, святою водой, –
окрестил меня Некто в зеленой дубраве.
По-язычески,
в пуще пою золотой,
понимая поля в васильковой оправе.
И ко мне
не ручьев половодьем, не мглой,

в душу входит весна, и не талостью снежной, –
пухом ласковой вербы, его желтизной,
а в полях – песней птичьей, серебряно-нежной.
Меня лето жарой не изводит в конец,
над вишневой красой ветер так легковесен!..
Колосистая нива –
извечный певец,
одаряет меня спелым золотом песен.
Осень – вновь –
не студеной золою дождей,
не тоской мою душу терзает и мучит.
Паутиной на пажить овсяных полей
она гонит легчайшие, сонные тучи.
И зима –
не морозов ударом страшна,
не метелицей застит слепящие очи.
Над снегами, над синью небес полотно,
распалает она серебристые ночи.
И всегда-навсегда –
той язычьей тоской
мое сердце сжимается в зимней отраве...

Не с церковной молитвой, святою водой, –
окрестил меня Некто в зеленой дубраве.

Равич, 1936 г.

П А В Ш И М

День гас тусклым светом горелки коптящей..
Осенние сумерки плыли по чаше,
по бурости мха расстилаясь... –

Гляди! –
как конусом-кружкой, до речки припавший,
пьет месяц холодную воду...

Среди
полумрака, плывущего к зорям,
иду сквозь пустые поля, – где взлетает
тьма черных ворон...

Им, конечно, раздолье!..
Лишь миг – и мрак ночи, как сетью, сгребает
меня, вороньё, и кресты сосен сбитых...
Повсюду –

и там, где сосна верховины,
и где только пни опаленной долины,
кресты настоящие – стражи дорог.
С крестом, без креста – плод военной судьбины,
здесь в гравий сухой не один спать прилёт...
Спят...

Кудри юнаков песок засыпает;
кровь губ, синь очей боль испила острб.
Осенняя ночь свечкой медленной тает.
Кто Рейн во сне видит,

а кто – свой Днипро.
Ничто их уже не встревожит... Вне власти
войны, её зорь, их уснувшие страсти.
Спокойны они...

Каждый путь свой прошёл.
Но те – в новый бой уходящие части
бойцов, проходя через поле и дол,
хранят память павших...

Кресты вдоль полей
работу сулят для серпов. Вместе с ней
за счастье и мир
бой народ продолжает...

И, с воском своих золотистых свечей,
над павшими
осени день умирает.

Минск, 1941 г.

В Е С Н А

Я думала:
какая тут весна?..
Одни громады серые да башни.
Здесь за камнями даже не видна
хотя бы пядь знакомых дома пашней.

И всё ж и тут – воскресшая – цветёт,
то над оврагом улиц расцветая,
то из лучей рисуя переплёт,
то на губах у девушек играя.

Она везде –
        куда только ни глянь,
везде зеленые её лучатся нити.
Ростком мильонится любая жизни грань,
из каждой трещинки на уличном граните.

Она смеется в детских голосах,
гудки машин – как бы её зарницы...
И снова ты кочуешь в светлых снах,
что унесли когда-то в осень птицы.

Кто знает,
        может, вешнею водой
напоены, взойдут хлеба без счёта,
и скажет голос нивы золотой:
"Вот вам, жнецы, хорошая работа!"

Я думала:
        какая тут весна?
Ей лишь закаменеть и остается.
Но вот гляжу...
        В гранит полонена,
она цветет и – вырвавшись – смеется!

МЕЖ БЕРЕГАМИ

Еще малым младенцем пятау омочила
я в кипеньи реки моей жизни начальной.
А теперь уже берег открылся мне дальний –
тот, что в очи глядит...
        Он отверст, как могила.

Ну, а мне б – еще плыть...
        Берега не пугают...
Что мне скалы и омуты,
        каменный гравий?..
Сколько раз мое тело было раной кровавой? –
Всё снесла я, и дух мой борьбу продолжает.

О река, река жизни!..
        Грядя в гневной пене,
в золотисто-зернистом песке на отложьях,

между вечных берегов ты бурли непреложно,
бей! —

уже не в меня —

в тех, кто станет на смене!

Рочестер, 1971 г.

(Перевел с белорусского А.Гидони)

О НАТАЛЬЕ АРСЕНЬЕВОЙ

Наталья Арсеньева, ныне живущая в США, является, без сомнения, самой выдающейся белорусской поэтессой среди тех, кто живет за пределами своей родины. Она родилась в 1903 году и провела свое детство в Вильно. В 1915 году, вместе со своими родителями, она оказалась в числе беженцев в России, откуда возвратилась в Вильно в 1920 году. После окончания Виленской Белорусской Гимназии она поступила на гуманитарный факультет Виленского университета. Н.Арсеньева вынуждена была прервать свои занятия, когда вышла замуж за видного белорусского военного и общественного деятеля Францишека Кушаля, поскольку ей пришлось сопровождать мужа к месту его воинской службы в западной Польше. В 1939 году муж был взят в плен советскими войсками, и она вернулась в Белоруссию. С ней были два ее сына. Весной 1940 года Арсеньева была выслана в Казахстан, где работала в колхозе. Её освободили в мае 1941 года, благодаря усилиям Янко Купалы и других белорусских писателей. Вскоре из застенков Лубянки был освобожден и её муж, который воссоединился с семьей в Белоруссии.

С осени 1941 года и вплоть до повторной советской оккупации Минска Арсеньева жила и работала в столице Белоруссии. После некоторого периода жизни в Германии супруги Кушалы в 1950 году переехали в Америку.

Арсеньева начала печататься в 1921 году. Её первый сборник стихов ("Под синим небом") вышел в Вильно в 1927 году. Печаталась она в белорусских виленских журналах "Родные Нивы", "Неман" и "Колосья", а также в эмигрантских изданиях Германии и Америки — "Март" ("Сакавик")

и "Рок" ("Конадни"), в различных белорусских газетах. В настоящее время Белорусский Институт Науки и Искусства в Нью-Йорке опубликовал книгу избранной поэзии Арсеньевой. В предисловии к ней говорится: "В творчестве поэтессы периода до Второй Мировой войны преобладает мотив восхищения красотой природы; тема "желтой осени" выражает ее ностальгию. После ссылки в Казахстан, во время войны и жестокой борьбы двух тоталитарно-империалистических сил на белорусской земле, ее поэзия стала зеркалом трагедии народа на фоне ужасов войны."

И далее: "Творчество Арсеньевой определяется широтой ее литературных и культурных интересов, способностью передавать внутренние переживания и духовную атмосферу, обогащенную образным видением. Ее патриотическое чувство выражено с большой силой и убедительностью. Поэтесса прожила в родной Белоруссии всего 20 лет, однако она создала целый мир произведений, поражающих искусством и разнообразием оттенков белорусского языка. Поэзия Арсеньевой – значительный вклад в белорусскую и мировую культуру."

Многие стихи Арсеньевой положены на музыку (преимущественно выдающимся белорусским композитором Щегловым, он же – Куликович) и часто исполняются как песни. Арсеньева много работала и в области театра. Она написала тексты либретто для белорусских опер "Лесное озеро", "Князь Всеслав Чародей" и мюзикла "С перелету". Ею переведены на белорусский язык пьесы Гауптмана "Потонувший колокол" и "Разбитый кувшин" Клейста, либретто опер Моцарта "Волшебная флейта" и "Женитьба Фигаро", опер Вебера "Вольный стрелок", Бизэ "Кармен" и оперетты Штрауса "Цыганский барон". Все эти произведения входили в репертуар минского городского театра. Она переводила также текст либретто оперы Чайковского "Пиковая Дама".

В подборке стихов, переведенных Александром Гидони, стихотворение "Как не любить мне осень золотую" является первым из опубликованных Арсеньевой. Стихотворение "Павшим" написано ею под свежим впечатлением от боев между красноармейскими и немецкими войсками. "Молитва" положена на музыку композитором Ровенским и ныне, в эмиграции исполняется как религиозный гимн. Стихотворение "Меж берегами" помещено как начальное в уже упомянутой книге избранной поэзии Натальи Арсеньевой.

КАСТУСЬ АКУЛА

ЛЕОНАРД ГЕНДЛИН

Расстрелянное Пятидесятилетие

Записки современника

(Продолжение. Начало в номерах 35-36 и 39-40)

ВЯТЛАГ НКВД СССР

Как нестроевого, меня направили в военкомат по местожительству родителей. Из Москвы поездом доехал до Кирова (Вятки). Там сделал пересадку и доехал до узловой станции Яр. Предстояла еще одна пересадка на станции Верхнекамская, которая была последней в этом районе *гражданской станцией*. Далее следовали границы огромного концентрационного лагеря, именуемого Вятлаг НКВД СССР.

Для того, чтобы попасть в столицу страны заключенных, необходимо иметь особый пропуск.

Начальник железнодорожной станции Каика (1) разрешил по служебному телефону позвонить в Управление отцу. Оттуда незамедлительно последовал звонок начальнику охраны Бобичеву (2). В поезде – проверка документов, чемоданов, корзинок. Станция Лесная имеет еще одно название – совершенно не оправданное: "Социалистический городок". Строевня деревянные. В домах проживают вольнонаемные, приписанные рабы, бывшие каторжане. На десятки километров растянулись лагерные вышки, колючая проволока. Советскую власть представляет триумвират: начальник управления Левинсон (3), начальник политотдела Колков (4) и начальник второго отдела Гендельман, впоследствии замененный Кузнецовым (5).

Грузного, малоподвижного Левинсона боятся даже дети. Как-то он шел из управления домой, на обед. В это время ребятишки переходили улицу, говорили они тихо, чтобы не услышал "х о з я и н":

– Смотрите, слон Ной идет!

– У него даже хобот есть!

Дети громко засмеялись.

Шестилетняя Роза Кац весело запела:

Уронили Ноя на пол,
Оторвали Нюю лапу,
Брошу его, брошу,
Поломаю, растопчу,
Потому что слон Ной
Очень злой и нехороший...

Девочка перефразировала стихотворение Агнии Барто. За такое неслыханное оскорбление мать Розочки – доктор Кац, была переведена в санитарки. Злопамятный Левинсон все помнил и никому ничего не прощал.

Еврей, по духу ярый шовинист, по призванию злодей, по духовной нравственности — человек ненавистник, Ной Соломонович и вольнонаемных, и заключенных евреев ненавидел и при всяком удобном случае отравлял им существование. Этот тучный помещик — полновластный хозяин Вятлага, имел право увеличивать сроки. За малейшую, самую незначительную провинность отправлял вольнонаемных сотрудников в лагерь. Росчерк пера — дело состряпано. На территории лагеря имелся и "свой" прокурор Мовшович со "штатными" — присяжными — "народными заседателями".

Заключенные жили впроголодь. Живые тени, обтянутые кожей, искали в мусорных ямах корки хлеба, шелуху от овощей, кости от мяса и рыбы. Портной Рабинович пригласил на обед трех эзков. Озираясь по сторонам, словно загнанные звери, люди зашли в квартиру. Старик выложил на стол все, что у него было. На прощание завернул им буханку черного хлеба, пакет пшена, несколько луковиц, свеклу, морковь. Кто-то донес об этом Левинсону. Прокурор Мовшович на процессе Рабиновича говорил два часа. "За связь с заключенными" Рабиновича приговорили к пяти годам каторги. Его партийные дочери Рима и Лиза — технологи пошивочной мастерской, не смогли спасти отца.

На Лесозаводе директором работал Кацнельсон (6), секретарем у него была молодая, очень красивая девушка Галя Тихонова (7). Она любила композитора з/к Поля Марсея (8), который ходил без конвоя: его зачислили музыкальным руководителем культбригады и кроме того заставляли давать бесплатно уроки музыки внучке Левинсона. Галя забеременела. "За близорукость" Кацнельсон получил шесть лет, Галя Тихонова — десять, Поля Марсея перевели на общие работы. Внучка умоляла дедушку Ноя простить дядю Поля; ни уговоры, ни слезы, ни нервное потрясение не взволновали насковзь прогнившую душу слона Ноя.

Машинистка Лиза Беренштейн вместо слова "главнокомандующий" по рассеянности написала "гавнокомандующий". Несчастливая женщина была отправлена на судебно-медицинскую экспертизу. Главный врач санитарного отдела Вятлага Кутовский (9) и профессор-психиатр Красусский в акте обследования написали, "что такой случай может произойти с любым человеком и что со стороны психики это вполне допустимо". Ошибку обнаружил Левинсон. Он настоял, чтобы Лизу осудили на десять лет.

Я возвращался вечером домой. Около подъезда увидел заключенных. Вольных они называли "начальниками". Эзки попросили кусочек хлебца. Пригласил их домой. Это были киевский инженер Захар Новаковский — в прошлом строитель Днепрогэса, и профессор из Харькова Владимир Хамзин. Они стали у нас бывать. Мы с мамой знали, что играем с огнем, но есть в жизни моменты, когда трудно вступить в единоборство с собственной совестью.

По праздникам в клубе устраивались концерты. Культбригадой руководил наркоман-фальшивомонетчик Леонид Лео, в миру Леня Подкопаев — "автор и исполнитель сатирических куплетов". Он потчевал публику такими "перлами": "Горе братцу моему, он без пищи мается, зубы вставили ему, рот не закрывается" или: "Шла по улице старушка, а за ней мотоциклет, мотоцикл цикал, цикал, и старушки больше нет..." Зрители вос-

торженно принимали своего "кумира". В "мастерах художественного слова" числился бывший прокурор Эстонии. В своем мирке Леонид Лео был тоже "хозяином". Каждая новенькая поступающая в культбригаду артистка не могла миновать постели Подкопаева.

Лагерные пункты имели отделения КВЧ. Над культурно-воспитательной частью, как черное облако, висел политотдел в лице старой знакомой – помощника начальника политотдела по комсомолу Клавдии Антохиной (ее перевели в Лесную из Медвежьегорска). Она почти не изменилась, только расплзлась в ширину. По-прежнему курила махорку, ходила в галифе, теперь, наконец, получила разрешение носить хромовые сапоги и снова облачалась в неизменную кожаную куртку. Эту даму всегда сопровождала свита – инструктора-"добровольцы": кадровая проститутка Аделаида Кулебякина и двое блатных – Прямиков и Ручкин. Оригинальный "квартет" носился по лагпунктам, выискивая молодых девушек, которых Антохина "устраивала" на работу в больницу для начальства. Самых красивых она направляла в служанки к Левинсону. Грузный, капризный Ной неплохо разбирался в присылаемом "товаре". Он часто менял девушек, которым начальство сулило "легкую жизнь", либо мрачные перспективы лагеря. Девушки шли на сближение с "сильными мира сего". Перед тем, как их снова отправить в лагерь, устраивался суд, где им "за связь с вольнонаемными" (конечно, без свидетелей) прибавляли новый срок. Фамилии начальства, совратителей и насильников в делах не фигурировали. Старая, перезрелая комсомолка Антохина себя тоже не забывала. Она оказывала предпочтение сытым нарядчикам и не брезговала "фартовыми" уркаганями.

Сын начальника политотдела Юрий Колков на шестнадцатом году жизни изнасиловал в школе тринадцатилетнюю Зою Ханукову. Юный растлитель отделался легким испугом. Семью доктора Ханукова выслали из Лесной. Несмотря на то, что все письма проходили свирепую цензуру, друзьям родителей Зои Хануковой удалось связаться с редакцией "Комсомольской правды". В Лесную для разбора дела приехал корреспондент газеты по Кировской области и помощник областного прокурора. Началось следствие. На девочку стали давить, запугивать, угрожать, предупредили, что она подлежит отправке в колонию для малолетних проституток. В день суда Зоя повесилась. Мать лишилась рассудка. Колков остался на прежней должности начальника политотдела.

Меня вызвал начальник второго отдела Вятлага Иван Иванович Кузнецов – подполковник государственной безопасности. После проверки документов галантный начальник предложил написать донос на отца. Я отказался выполнить его "просьбу".

– Тогда мы вас отсюда не выпустим, – сказал он, сощурив близорукие глаза. – В Лесной будете до самой смерти. Мы на ветер слова не бросаем. Да и статью подходящую можем подыскать.

Из комнат отчетливо слышались крики, стоны избиваемых. Меня нарочно привели в такой кабинет, чтобы я мог все слышать и все "правильно" воспринимать.

Дома мама проговорила, шепотом сказала, что папу утром тоже вызывал Кузнецов и требовал, чтобы он написал донос на меня...

На седьмом лагерном пункте заключенные объявили голодовку. Нес-

колько раз на обед им давали тухлое мясо. Начальник лагеря Левинсон поручил расследование Колкову, Кузнецову, Антохиной и начальнику отдела снабжения Сайко. Начальник лагпункта с почетом встретил комиссию. В своем особняке он устроил торжественный обед. Повара работали, не жалея сил. Красивые официантки подавали изысканные блюда, приготовленные из свежего, парного мяса; фрукты, овощи, коньяк, пирожные, кофе с ликером. Члены комиссии подписали акт, в котором говорилось, что "питание на седьмом лагерном пункте вполне удовлетворительное и достаточно калорийное". Участники голодной забастовки получили дополнительные сроки.

Из ГУЛАГа пришло секретное предписание: вольнонаемные обязаны безвыездно отработать в лагере десять лет. Мы отказались подписать такой документ. Отца уволили. Он получил место начальника планово-финансового отдела Верхне-Камских рудников. Зарплата для того времени небольшая. На базаре буханка черного хлеба стоила 300 рублей, коробка спичек – 25, ученическая тетрадка – 40. Родители продавали последние вещи; весь поселок работал на рудниках: наравне со взрослыми не разгибали спины подростки и дети. Стены домов и потолки были черны от копоти. Люди никогда не видели голубизну и синеву неба. В этом безрадостном крае Отцу и Матери пришлось прожить триста шестьдесят пять дней.

ГОРОД ВОТКИНСК

Районный военкомат направил меня на трудовой фронт в город Воткинск Удмуртской АССР. Команда наша состояла из 19 человек. Ночью приехали в Пермь (тогдашний Молотов). Документы зарегистрировали в военной комендатуре, которая бодрствовала круглые сутки. Крошечный майор Попринько сразу же предложил заработок. Спросили, что от нас требуется.

– Ничего особенного. Надо разгрузить два вагончика с овощами. За это получите хороший харч, а на закуску рюмочку водки.

Мы с радостью согласились. К вечеру наши лица и руки почернели от непосильного труда. Только к утру закончили адскую работу. Направились в столовую. Оказалось, что комендант Попринько забыл выписать талоны на обед. Повара над нами сжалились. Утолив голод, отправились на пароход. До Воткинска шли по Каме сутки.

Провинциальный, захолустный Воткинск не понравился. Меня направили на военный завод, начальником которого по совместительству был Устинов, будущий министр вооружения; в правительстве Косыгина после смерти Гречко – министр обороны.

На каждого рабочего заполнялась персональная карточка. Документы отбирались. Взамен выдавали единое удостоверение, заменявшее и паспорт и военный билет. Словом, *навечно приписывали к заводу*.

Получил ордер на койку в бараке. Вонючий затхлый воздух. На нарах чуваша, удмурты, мордовцы, калмыки давили вшей, сушили насквозь прогнившие портянки, резались в карты, вопили блатные песни. В углах, завешанных грязными простынями, женщины и мужчины – молодые и средних лет, на голых лавках стонали в любовной истоме. То, что казалось великим таинством, бессердечно, без стыда и совести, опошлялось...

В первую же ночь какой-то чуваш попытался стянуть с меня новые сапоги. Я закричал. В ответ послышалось злобное шипение:

– Молчи, харя! Твоя сапога теперича моя сапога, моя в карты проиграла. Не будешь отдавать, горло резать будем, живот резать будем, нос оторвем.

В руке у него сверкнул кривой нож. Состязаться с ним в силе было бесполезно. На выручку пришел мой товарищ Виктор Бруннер (10). Несколько лет он занимался в спортивной школе, хорошо знал приемы бокса и борьбы. Ударом кулака он свалил нахального чуваша. Подбежали защитники. Виктор швырнул их к стене. Грабители с воплями полетели на нары. К нам перестали лезть.

В Воткинске рано наступают сумерки.

Однажды я шел по улице Ленина. От голода сосало под ложечкой. Мимо проехал возок с грязной капустой. Незаметно унес три случайно упавших кочана. Радовался, что держу в руках витамины. Тут же, на улице, с жадностью впился зубами в промерзший кочан. В это время со мной повздорела незнакомая женщина. Услышал едва различимый голос. Взглянув на женщину, отшатнулся – пергаментное лицо, обтянутое морщинистой кожей, бескровные губы, провалившиеся глаза, тронутые базетом. Она медленно выговаривала слова:

– Товарищ, не откажите в любезности, дайте мне, пожалуйста, капусту. Я тоже голодная...

С готовностью протянул ей два кочана. Женщина с трудом проговорила:

– Простите великодушно, но у меня нет сил донести это богатство до дома.

– Вы позволите вам помочь?

Она благодарно кивнула головой.

Мы направились к ее дому, который находился на окраине города, рядом с мусорными свалками.

Женщина спросила:

– Товарищ, а вы не боитесь идти рядом со мной? Я зачислена в самую низшую человеческую категорию. Имею пожизненное клеймо. Я – сестра маршала Тухачевского.

– Но вы же Женщина! Вы – Человек! – крикнул я на всю улицу – к счастью, там не было прохожих.

В ответ она горько улыбнулась.

Мы пришли в ее жилище.

Я наколот дров, зажег керосиновую лампу, вскипятил воду.

– Извините за забывчивость, мы не успели познакомиться? – промолвила Тухачевская. – Когда-то очень давно меня называли Софьей Николаевной. Так вот мы и живем, дорогой солдатик. На лохмотьях, которые валяются около печки, я сплю. Простите, когда-то все было иначе. Каждый четверг обязана являться для отметки в милицию. Паспорт отобрали, документов не имею. Взяли подписку о невыезде. Предупредили, что в любую минуту могу получить пулю. Зачем живу – сама не знаю...

Я несколько раз навещал сестру опального маршала.

1959 год. 19 мая. Вечер. У нас дома, в Москве, раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

– С вами говорит племянница маршала Тухачевского. Дорогой друг, вспомните город Воткинск, возок с капустой, печку в старой удмуртской хате! Про вас мне поведала покойная Софья Николаевна. Вы, очевидно, знаете, что Михаила Николаевича, его жену Нину Евгеньевну, мать и братьев расстреляли по личному распоряжению Сталина. Посылаю за вами машину, приезжайте ко мне. Я приму вас так, как завещала мне сестра Михаила Николаевича Тухачевского.

Мы с женой – в квартире родственницы Тухачевского. К нам подошла женщина средних лет. Мы обнялись. От охватившего волнения оба заревели. Это были необыкновенные, редкие слезы радости. На портрете маршала Тухачевского его племянница – Инна Викентьевна, написала:

"Дорогому Леонарду Евгеньевичу за любовь к людям, за чистую совесть и прекрасную светлую душу. С огромной нежностью Инна Тухачевская. Москва, май, 1959 год." (11).

Впервые в жизни ходил я по огромным цехам подземного завода. Мучила жажда. Продовольственной рабочей карточки хватало лишь на одну неделю. Работать заставляли по 12-14 часов в сутки. Заболевших отправляли в лазарет, умерших хоронили на *подземном кладбище* – загрязненной речке, которая с ревом несла свои мутные воды в Каму. Местные рыбаки часто вылавливали там обезображенные трупы. Родные умершего получали из отдела кадров завода стереотипное письмо: "Сообщаем, что такой-то или такая-то погиб или погибла на боевом посту при исполнении служебных обязанностей. Похоронен с воинскими почестями". Родителям умерших на подземном заводе города Воткинска Удмуртской АССР пособий и пенсий не полагалось.

Воткинский военный завод – многокилометровая каторжно-рабочая тюрьма. Гигиены и санитарии никакой. Техника безопасности бездействует. На моих глазах стали инвалидами Яша Цапкин и Олег Бурмейстер. Из-за неисправности машинной ленты руки их попали в конвейерный пресс. Яше ампутировали четыре пальца на левой руке, Олегу все пять пальцев на правой. В судебных инстанциях их тяжба разбиралась семь раз. Только после вмешательства Красного Креста им была назначена мизерная пенсия и каждые шесть месяцев надо было идти на комиссию – переосвидетельствование. Члены высокой медицинской комиссии считали, что у инвалидов могут вырасти новые пальцы.

В Воткинской Подземной Тюремке было несколько "квадратов" – зашифрованных цехов. Там работали обреченные заключенные, прикованные к тачкам. Надо было видеть, с какими усилиями волочили вчерашние люди железные цепи. Там же, под землей, они жили и умирали. Кто-то проговорился, что их более пятнадцати тысяч... Там, под землей, я встретил закованного в цепи каторжанина, бывшего морского офицера Лиона Иофиса. Безымянный герой Второй Мировой войны был осужден военным трибуналом за Сионизм, за Мечту о Еврейской Земле. Сегодня Иофис живет и трудится в Израиле; он один из его смелых и отважных борцов.

Мою же судьбу решил случай.

Проходя мимо здания драматического театра, я обратил внимание на афиши, извещавшие "почтенную публику" о гастролях музыкально-драматического ансамбля под руководством и при участии Рувима Курицкого.

Заглянул в театр. В фойе сидела полная, красивая дама. Не торопясь, с аппетитом, она уничтожила жареную курицу с помидорами, отварной картофель, белый пшеничный хлеб, который она густо мазала сливочным маслом. Меня выдали глаза. Женщина предложила разделить с ней трапезу. Она спросила, как я попал в Воткинск, чем занимаюсь, какую имею профессию. Сказал, что имею некоторое отношение к театру, радио, журналистике. Внимательно выслушав меня, дама представилась:

– Екатерина Валевская – жена главного режиссера Курицкого и по совместительству актриса на амплу героинь. Подождите, товарищ, не уходите, я сейчас позову мужа. Он заканчивает репетицию. Сообща мы что-нибудь придумаем.

К нам подошел высокий, интересный человек. Рядом с ним стояла миловидная девушка – его дочь Анна, начинающая актриса.

– Молодой человек, – сказал Курицкий, – время дорого. Нам нужны "штаны". Идемте на сцену, посмотрим, что вы умеете делать?

Волнуясь, прочитал рассказы Чехова, Зощенко и с детства запомнившееся стихотворение Мережковского "Сакья Муни". Курицкий предложил баснословную зарплату. Смутившись, я сказал, что не сумею приступить к работе, так как числюсь за военным заводом. Через два часа всемогущий Рувим Давидович привез увольнительный листок. В тот же день, благодаря его усилиям, я получил в отделе кадров свои документы: паспорт и военный билет нестроевого.

Я снова стал полусвободным человеком.

Лучший портной города Конь-Коневский сшил мне концертный костюм.

Воткинск завалили красочными афишами и лентами, транспарантами и листовками: "Большой эстрадный концерт. Программу ведет Леонард Гендлин..." Далее крупным шрифтом стояло слово: "Москва". Такой рекламы я, естественно, испугался. Курицкий успокоил:

– Не волноваться! Это мой город, здесь я хозяин! За несколько часов проданы билеты на 25 рядовых концертов. А вы, молодой человек, испугались Москвы?

По субботам и воскресным дням мы давали два, иногда три концерта. Публика валила валом. Клубы не работали. Единственное развлечение: кинотеатр, танцы в Доме офицеров – вот и вся культура. Других зрелищ не было.

Дебютом Курицкий остался доволен.

Я жил вместе с его семьей. Эти благодородные люди отнеслись ко мне, как к родному, близкому человеку. У нас состоялся интимный разговор. Рувим Давидович начал издали. Он говорил о моем одиночестве, что при его помощи я сумею стать настоящим артистом, что когда кончится война, он заберет меня в Одессу и мы будем вместе жить в самом центре этого волшебного города. Незаметно к нам подседа его жена. Она сказала:

– Вы нам понравились. Мы говорили с Анной. Она вас полюбила, мечтает стать вашей женой. Будем жить одной дружной семьей.

Я им сказал о своей молодости, что живы родители, что я по возможности обязан быть с ними. Курицкие (12) поняли, что это отказ.

После того, как были сыграны прощальные спектакли, Курицкие меня отпустили. Вся труппа пришла провожать на пристань несостоявшегося

актера. Пришли поклонницы. Меня завалили подарками. Удалось вырваться и друзьям-рабочим, моим скорбным товарищам по Воткинскому подземному заводу, с которыми все время поддерживал связь. Проводы навсегда остались в памяти.

До тех пор, пока за горизонтом не скрылся пароход "Л.П.Берия", Анна Курицкая стояла на пристани и все время махала влажным платком. Я всегда с глубокой благодарностью вспоминаю этих замечательных людей.

(Продолжение следует)

Примечания автора:

1. Каика – начальник ж.д. станции Верхне-Каская, Кировской ж.д. Бывший каторжанин, отсидел 12 лет. Дочь Зинаида – актриса. Спилась. Сделала попытку продать своего ребенка бездетной паре в г. Воркуте. Арестована.
2. Бобичев Андрей в 1919-20 гг. военный комендант Херсона; начальник Днепропетровской тюрьмы. Растлитель малолетних. Расстрелян в 1949 году.
3. Левинсон Н.С. – полковник в отставке. Карьеру начал в ББК НКВД. См.: книгу Марголина "Путешествие в страну З/К". Далее начальник Вятлага. Живет в Ленинграде, пенсионер союзного значения. Длительное время работал заведующим управления вагонно-ресторанного хозяйства в Ленинграде. О прошлом старается не вспоминать.
4. Полковник Колков спился, неоднократно помещался в психбольницы.
5. Кузнецов за присвоение крупных сумм был разжалован. По неподтвержденным данным расстрелян в 1951 году.
6. Профессор, доктор технических наук, крупнейший лесовик страны, до получения второго срока отсидел 10 лет. Умер в лагере.
7. Тихонова Галина за связь с Полем Марселем арестована. Была осуждена прокурором Мовшовичем на 10 лет. Отсидела 4 года.
8. Поль Марсель – композитор и пианист. После освобождения работал дирижером ленинградского цирка.
9. Кутовский – терапевт, доктор медицинских наук. Отсидел 10 лет. Дважды снасал жизнь Левинсона. Работая в лагере, получил гангрену. После того, как ему ампутировали правую ногу выше колена, Левинсон распорядился его изгнать. Умер в нищете.
10. Бруннер Виктор Оттович (род. в 1921 г.). Внук немецких колонистов. Отец Виктора расстрелян. Вторую Мировую войну закончил лейтенантом-гвардейцем. В 1951 году вместе с матерью выслан в Канскую область Красноярского края.
11. Архив автора.
12. Курицкий был арестован по ложному обвинению в 1949 году. В 1956 году реабилитация застала его в Енисейске. Умер в 1957 г., в Одессу его не пустили. Его жена умерла в Вологодской тюрьме. Анна Курицкая проживает в Казахстане. Вышла замуж. Имеет одного ребенка, талантливого музыканта.

В. ИИГУЛ

УГАСШИЙ ДЕНЬ

Не думаете ль вы, задумавшись порою,
Раздумья своего причину позабыв,
О том, что всё вокруг как будто скрыто мглою
И вечной тишины кругом звучит мотив?

Ужели жизнь сама, бегущая пред вами,
Не может разорвать загадкой сердце вам?
О, если так, — за что ж мучительными днями
Отмечен мой лишь путь, неведомый слепцам?

За что же мне в удел на все мои вопросы —
Встречать иронию, пожатие плечей,
И слышать возгласы: "Больные это грёзы!

Живи, чудак, как все, как большинство людей!"

Что ж, жизнью большинства — счастливой, безмятежной,
Я брежу каждый день... Но можно ль заменить
Сухую ветвь ствола побегом ветки нежной,
Угасший день вернуть и ночь предотвратить?

И есть ли в жизни то, что мы зовем опорой,
На чем я мог бы встать и вечности в глаза
Спокойно посмотреть, не опуская взора,
Чтоб мир держать в руке и трогать небеса?

НЕБА ДОСТИГЛО ЗЛО

К речи Солженицына 8 июня 1978 г.

Мир возвратился к истокам,
В древние вышел поля.
Слышится голос пророков,
Библией дышит земля.
Время решений назрело,
Мир их в томлении ждёт.
Дух истомлен до предела —
В жажде последних высот...
Слушателей — с избытком,
Когда в этот зал он вошёл

С ошеломляющим свитком
Наших пороков и зол.
Разве он, в изобличеньи
Их, не дошел до границ
Нашего окамененья,
Обездуховности лиц?
Он, побиваем камнями,
Духа пустыней прошёл.
Может быть, он перед вами
Кое-чего не учёл?
Может быть, ваши улыбки
Опровергают его
Архипелаговы пытки –
"Где-то, во имя... чего?"
Полноте! Не восклицайте:
"Время пророков прошло!"
Нет, оно с нами! Читайте –
Неба достигло зло.
Лавине достаточно звука,
Чтобы она сорвалась,
Чтобы наполнилась мукой
Смертной земля в смертный час.
Мир возвратился к истокам,
В древние вышел поля.
Слышится голос пророка,
Библией дышит земля.

Л Е Т У Н

Короткий рассказ.

– Не, не будет толку. Прежде Россия-матушка и без этой целины весь мир хлебом кормила. Испортили землю: раньше лошадь земле удобрение давала, а теперь трактор – керосин и мазут. Попробуй – расти на мазуте.

Продымленный махоркой, просоленный морем и скрюченный семьюдесятью годами палец деда Софрона тычет в газету. Дым от дедовой папиросы обтекает его огромный красный нос, седой клочок волос, как сено из-под верблюжьей губы, торчащий из-под полуоторванного клапана зимней ушанки, и уходит к голой лампочке под потолком котельной.

– Землю я знаю. Это уж потом на соленую воду и на каменную мостовую попал, а родился на земле. В Нижегородской губернии. Крестьяне мы были государственные, вольные с древних времен. Царь Иван Грозный шел с войском на Казань да заблудился, а наши лесники его на дорогу вывели. Вот он и пожаловал нам вольную на все времена.

Был я третьим сыном в семье, но своей земли на мне не было: раздел прошел как раз за год до того, как я нашелся. Батя так и говорил: ты мой хлеб ешь.

Когда отец помирал, старший брат уже отделенный жил, а средний служил в армии. Мне шестнадцать, семнадцатый шел, но был я парень не промах. Как отец отошел, я сразу – ключ у него из-под подушки и в подвал: у него там сундук стоял, а в сундуке – бумага завещальная. Прочитал я бумагу: все брату отписано – дом, лошади, скотина, мне – одна баня, в насмешку, что ли? – мол – умойся! Я – к дяде, а он любил меня, как меньшего. Прочитал он. – Сбегай за водкой. Сбегал – принес. Помянули, как следует. Снова смотрит он на бумагу: – А вроде – горит. А у него как раз новый дом поставлен, еще стружка в углу. Я стружку сгреб на середину, бумагу на нее, спичкой – чирк. Дядя смеется: – Молодец! Только черное пятно на новом полу осталось. Поделили все поровну, и мне дом достался. Брат потом у дяди спрашивает: – Это что у вас за пятно черное? – А тут, – говорит, – твой домик сгорел...

Мог хозяином стать, но куда там! Начитался книжек про Крым и так мне туда захотелось – никакого спасу нет. Оставил всё брату и поехал. В Крыму, конечно дело, – рай. Море. Тепло. А я в тулупе и валянках: выехал – у нас еще зима была. Я тулуп и валянки продал, деньжонки, что были, скоро проел – пошел работу искать. Сперва по дачам в услужении, но вскорости один крымчак устроил меня на склад к купцу первой гильдии

Файнбергу Соломон Вольфовичу. Вел он торговлю лесом, известью, другим материалом. Возил из Царицына в Новороссийск по железной дороге, а дальше в Крым – морем. Большой купец – капиталу триста тысяч.

Потаскал я у него бревна, а потом он меня, как грамотного, произвёл в отборщики – доски отбирать на продажу. Тут уж – не зевай! Скажем: доска безымянка – семь восьмых и дюймовка – восемь восьмых. Вот и смотри, чтоб не пустить дюймовку за безымянку, а если наоборот – это уж твое! А тут как раз затеяли строить царю в Ливадии новый дворец. Вызывает меня. хозяин и говорит: – Сдавай всю дрянь, что уже пять лет лежит – не берут. – Как же, – говорю, – царю-батюшке – дрянь? – Ничего, – говорит, – не бойся. А у него там полная договоренность с инженером. Построили дворец. Зовет меня Файнберг к себе, ставит рюмку, а потом показывает грамоту в золоченой рамке – "Поставщику двора Его Императорского Величества". Коммерция!

Дед поправляет накинутое на плечи рыжее потрепанное пальто и поднимается:

– Пойти – котелки проверить.

Мы идем к котлам. Я открываю дверцы и забрасываю уголь, чтобы он ложился ровным нетолстым слоем.

– Малость научился, – говорит дед, – всё будет заработок, если из начальства выгонят.

...Люблю я этого деда, за долгую жизнь обводившего вокруг пальца и родного брата, и Российского Государя-Императора, и боцмана с "Евфросиньи", и трёх председателей колхозов, и бессчетное количество ревнивых мужей. Как будто и смерть не знает, как к нему подступить. Мы подружился с ним еще в научно-исследовательском институте, где он работал вахтером, числясь курьером-уборщицей.

По воскресеньям обычно дед приходит ко мне в гости. Он снимает в передней галоши и в толстых белых шерстяных носках заходит в комнату.

– Ну, абы тихо! – говорит дед, поднимая рюмку с водкой. Это его любимая присказка. – Эх, пошла, как Богородица босыми ногами по сердцу.

Сменщик деда по котельной – помоложе. Упитанный и розовощекий, он выходит из подвала на мороз в одной майке, блестя непокрытой лысиной. Деда он не одобряет:

– Летун. Сколько лет – ничего своего не нажил, у зятя в приймах живёт.

Я улыбаюсь, вспоминая легкую, летящую походку деда: что там, нажил – не нажил...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я день Победы праздновал во Львове.
Давным-давно я с тюрьмами знаком,
Но мне в ту пору показалось внове
Сидеть на пересылке под замком.
Был день, как день: баланда из гороха
И нишенская каша – магара.
До вечера мы прожили неплохо.
Отбой поверки: значит, спать пора.
Мы прилегли на телогрейки наши,
Укрылись чем попало с головой
И лишь майор немецкий у парашаи
Сидел, как добровольный часовой.
Он знал, что победителей не судят.
Мы победили. Честь и место нам.
Он побежден, и до кончины будет
Мочой дышать и ложки мыть панам.
Он – европеец, – ныне самый низкий,
Бесправный раб. Он знал, что завтра днем
Ему опять господские огрызки
Мы – азиаты, словно псу швырнем.
Таков закон – в неволе и на воле.
Он это знал, он это понимал,
А потому – не корчился от боли,
Губ не кусал и пальцев не ломал.
А мы не знали, мы не понимали
Путей судьбы, ее добро и зло.
На досках мы бока себе намяли,
Нас только чудо вразумить могло.
Нам не спалось. А ну, засни, попробуй,
Когда тебя корежит и знобит
И ты листаешь со стыдом и злобой
Незавершенный перечень обид.
И ты гнушаешься, как посторонний,
Своей же плотью, брезгуешь собой,
И трупным смрадом собственных ладоней,
И собственной зловещей худобой,
И грязной, поседевшей раньше срока,
Щетиною на коже впалых щёк,
А Вечное, Всевидящее Око
Ежеминутно смотрит сквозь волчок.

ЛОЖНАЯ ЛОЖЬ

(Об одной ленинградской истории)

Советская ложь несравненно более обманчива, чем традиционная русская ложь, ибо её нельзя назвать ложью. Это видимость лжи, ложная ложь, псевдо-ложь.

А. Безансон. Краткий трактат по советологии, предназначенный для гражданских, военных и церковных властей.

7 июля 1977 г. в газете НРСлово было опубликовано открытое письмо известного религиозного писателя Анатолия Левитина (Краснова) "Президенту США Джимми Картеру (о нарушении свободы религии в СССР)".

С тех пор прошло достаточно времени. Мы не знаем, отреагировал или нет американский Президент. Были опубликованы другие важные документы на ту же тему. Но письмо А. Левитина (Краснова) так и осталось событием большого политического, общественного и просто человеческого звучания.

Мои воспоминания были написаны почти сразу вслед за письмом и под его непосредственным впечатлением. А затем их постигла примерно та же участь, что и очерк А. Гидони "Жаркие дни Потьмы" (см.: "Современник" №35-36, стр. 167-170). Рукопись была направлена в редакцию "Посева" и "Граней", была признана там интересной и хорошо написанной (в ответном письме от 23 февраля 1978 г.), принята к печати, но... не напечатана. Сыграли свою мрачную роль какие-то подводные течения, кулуарные соображения, о которых можно лишь догадываться и которые, скорее всего, носили чиновный, кружковой, кастовый характер.

Воспоминания мои, подобно очерку А. Гидони, не являются документальными. Но сомневаться в их подлинности у редакции "Граней" не было никаких оснований. Существовало и существует множество свидетелей. А в моем случае дело обстояло даже проще. Корректировал и готовил к печати текст один из новейших сотрудников редакции, известный деятель ленинградской оппозиции, только что вырвавшийся из Ленинграда и прекрасно осведомленный обо всем, что там происходило. Этот человек, кстати, и сообщил мне, что рукопись "Ложной лжи" им лично подготовлена к публикации и должна появиться в № 108 "Граней". Не появилась она там до сих пор.

Нет худа без добра. Сомнительная редакционная политика "Граней" позволяет мне предложить статью журналу, который успел зарекомендовать себя как подлинно независимый, свободный орган русской культуры и национальной мысли. "Благодарю Тебя, Творец, благодарю, что

мы не скованы лжемудростью узкой..." А теперь я возвращаюсь к письму А. Левитина (Краснова).

Этот правдивый документ невозможно читать без волнения. Ведь за "кратким перечислением тех вопиющих нарушений религиозной свободы, которые имеют место в СССР", скрывается подлинная трагедия и страдания миллионов подсоветских верующих, не имеющих даже самых элементарных, принятых в любой цивилизованной стране прав на открытое исповедание своей веры. Нечего и говорить о какой-либо надежде для широких масс верующих в СССР еще и жить по вере, т.е. согласно евангельской заповеди "вера без дел мертва" пытаться претворять в личной и общественной практике свои религиозные идеалы. Атеистическое мракобесие, поддержанное всей силой "государствобесия", насилием и гонениями пытается задуть веру, загоняя верующих в подполье.

Трудно поверить, не зная хорошо советской действительности, что всё в области религиозной жизни в СССР так, как пишет А. Левитин (Краснов). Но для человека, испытавшего на себе весь ужас воинствующего безбожия, которым насквозь пропитана политика советского режима, правда письма Левитина (Краснова) самоочевидна. Самоочевидна также высокая нравственно-гражданская ценность и своевременность этого выступления. В самиздатской литературе и зарубежной печати нашли достаточное освещение факты религиозных гонений в СССР. Но необходимо еще и еще пополнять этот позорный для правящей советской верхушки список, разоблачая фальшивые заявления коммунистических душителей религии о том, что, якобы, советское законодательство о культах является "самым гуманным и демократическим в мире".

Ниже я и хочу рассказать о таких фактах. И рассказ мой, я надеюсь, явится еще одним свидетельством, подтверждающим некоторые из тех перспектив для верующего человека в Советском Союзе, исчерпывающий реестр которых дан в письме А. Левитина (Краснова).

1.

Во втором пункте письма, перечисляя виды гонений, которым подвергается Православная Церковь в СССР, автор пишет: "Фактически священнослужители... назначаются и снимаются с должности — под видом "регистрации" — органами власти, избавляющимися таким образом от всех неудобных им людей". Такая же практика имеет место и в сфере подготовки, обучения будущих священников. В советских духовных академиях и семинариях, долженствующих готовить служителей христианской веры, идет строгий "отбор" абитуриентов по прямо противоположному признаку — по степени их идеологической лояльности, т.е. по степени их антихристианства и безверия. Да, таков противояственный парадокс. Левитин (Краснов) лишь правдиво констатирует его, отмечая: "...все будущие священнослужители проверяются органами КГБ". И то, что это так, я наблюдал, как говорится, собственными глазами.

С 1968 по 1975 гг. я был студентом философского факультета Ленинградского университета. Деятельность этих идеологических факультетов в СССР контролируется и направляется властями особенно жестко; они до предела заполнены различными осведомителями и соглядатаями.

Среди преподавателей и студентов немало также и прямых – бывших или настоящих – сотрудников КГБ. О некоторых из них я скажу позже.

Еще на первых курсах я обратил внимание на странное исчезновение некоторых студентов. Это, что называется, были "крепкие середняки". Их вроде бы не исключали за неуспеваемость, они тихо уходили сами. Но куда? Оказывается, в православные богословские школы. Уходили с хорошими рекомендациями, и... с благословением принимались в духовных училищах их будущими наставниками. Да, их не исключали, их просто переводили – с ведома и согласия обеих "высоких договаривающихся сторон". Были все это молодые коммунисты или комсомольцы, прошедшие основательный курс атеистически-материалистического воспитания и образования и отнюдь не уверовавшие в Бога, но вполне практично, с чисто материальной точки зрения рассчитавшие все выгоды. Помню, я как-то спросил одного из них, что побуждает его перейти из университета? Ему нечего было бояться – поэтому он откровенно ответил: приличный заработок в будущем и гарантированная, "чистая", "интеллигентная" работа – из тех, что зовут "не бей лежачего". Но это был еще сравнительно "безобидный" вариант. Случалось гораздо хуже.

Не секрет, что в СССР существует большая нехватка священнослужителей. И это даже при очень малом, совершенно недостаточном количестве в стране действующих храмов. А вот философов и вообще гуманитариев – перепроизводство. Эти искусственно созданные "ножницы" и использует советская власть, пытаясь насытить религиозные организации "своими людьми", прошедшими в государственных учебных заведениях соответствующую обработку, а нередко и прямо связанными с органами госбезопасности. Приведем по этому поводу цитату из западногерманской газеты "Вельт". В статье от 30 марта 1977 г. под названием "Священники в Германии работают на КГБ" газета приводит выдержку из доклада БНД (Разведывательная служба Федеративной республики Германии) правительству. В нем, в частности, сообщается: "Согласно показаниям перебежчиков и репатриантов из СССР... кандидаты в священники перед допуском их к прохождению курса в богословских школах проверяются органами КГБ... Кроме того, КГБ посылает своих собственных сотрудников учиться в эти школы, чтобы вслед за этим посвящать их в священники". Иллюстрирую этот вывод известным мне случаем, происшедшим с одним моим бывшим однокашником по университету Сергеем К.

Этот прыткий молодой человек уже в 18 лет вступил в партию и, работая на одном из крупных ленинградских заводов, зарекомендовал себя там как непревзойденный "диалектик". Он с последовательностью атеистических позиций "громил" в пух и прах всех своих верующих оппонентов, работавших на этом заводе. Подобно Остапу Бендеру, он как дважды-два доказывал, что "Бога нет" и что это, мол, "неопровержимый научный факт". И неважно, что на верующих эта "аргументация" не действовала. Важно то, что на "воинствующего атеиста" обратила внимание заводская администрация, в том числе сотрудники Первого отдела (ячейки органов ГБ на каждом крупном предприятии в СССР). И когда он вознамерился поступить на философский факультет Ленинградского университета и пришел в парторганизацию за характеристикой, партсекретарь, совместно с

представителем Первого отдела, пытались убедить его повременить с этим. Начав разговор издалека, с "общих задач партии и правительства по атеистическому воспитанию трудящихся", они затем перешли к "конкретным задачам текущего момента" и предложили молодому коммунисту принять участие в идеологической борьбе на "очень важном сейчас для партии участке". Что это за "участок", было раскрыто не сразу. Но постепенно выяснилось, что речь идет о православной Церкви. Молодому человеку предлагали поступить в православную богословскую школу, обещая в этом полную поддержку. И поступить, конечно, не с целью сиюминутной открытой атеистической пропаганды прямо в стенах училища, но с далеко идущим замыслом изучить с марксистско-ленинских позиций "теорию и практику идеологического врага". Другими словами, внедриться в Церковь, попытаться вести там внутреннюю подрывную работу.

В случае с К., как мне известно, этот замысел сорвался. И провалил его, как ни странно, отец этого молодого человека, старый большевик, бывший в свое время членом печально известного СВБ (Союза воинствующих безбожников). Он резко воспротивился поступлению своего сына в духовную семинарию, ибо еще с чисто сталинской твердолобостью и прямолинейностью не мог понять этих новых обходных маневров своего партийного руководства.

Но факт остается фактом. Теперешняя партийная линия в отношении Церкви использует метод "троянского коня", стараясь дискредитировать Церковь, преобразовать ее внутреннюю структуру таким образом, чтобы полностью поставить под контроль партийного аппарата и КГБ. Ибо во всем, даже в религиозных проявлениях общественной жизни, усматривается тоталитаризмом политический смысл, и все ставится под полицейский контроль.

Но вернуться к университету. Я уже говорил о запланированном КГБ оттоке студентов в богословские школы. Но были и обратные переходы. Уже на четвертом курсе я познакомился с жизнерадостным бородачом, в кулуарах хваставшимся, как он, проучившись два курса в университете, перешел затем в Духовную академию, где в течение трех лет водил за нос "самого" епископа Тихвинского Мелитона (ректора Ленинградской Духовной академии). А затем, сговорившись с зав. университетской кафедры научного коммунизма проф. Шахновичем, перемахнул из "райских кущ" Академии обратно, в лоно самого что ни на есть дремучего атеизма. Можно себе представить, что будет говорить и писать о Церкви, ее учении и жизни, этот очередной советский иуда-искариот.

Важно то, что во всех этих случаях страдает престиж Церкви. Власти же лишь пожинают плоды столь безвольного и близорукого поведения духовенства. И особенно рельефно проявляется это в контрасте с жертвенным поведением тех людей, которые мужественно противостоят чудовищной системе, протестуют против кагебистской инфильтрации. И опять оказывается прав А.Левитин (Краснов): "К позору Московской Патриархии, — пишет он, — неверующий человек — Андрей Дмитриевич Сахаров — является более стойким защитником религии в СССР, чем мнимые стражи христианства". И таких людей в стране немало. Почти все они, как правило, так или иначе стоят вне официально признанной советским правительством православной иерархии.

В жизни современной подсоветской православной Церкви наиболее опасным является именно "усугубляющееся поражение наших епископов – самый тревожный симптом" ("Вестник РХД", № 118, стр. 282). И можно понять глубокую тревогу "Обращения к XXV съезду КПСС..." иеродьякона Варсонофия (Бориса Хайбулина) и мирянина Глеба Милешкина. Говоря о бедственном положении Церкви, о ее совершенном бесправии и подотчетности органам ГБ, они обращают внимание на обратную сторону медали: на запуганность священнослужителей и порожденное этим их тяжелое нравственное состояние. А ведь именно в духовной свободе, в харизме исповедничества должна сохраняться в Церкви – через преемство епископов – апостольская традиция. И тех, кто теряет ее, уклоняется от этого первоначального преемства, следует, по слову Св. Ирины, "иметь в подозрении, или как еретиков и лжеучителей, или как раскольников, гордых и самоугодников, или же как лицемеров, поступающих так от корысти и тщеславия". Справедливо добавить еще: и от страха. И пока этот процесс внутреннего разложения духовенства не прекратится, не освободится оно от смертельных кагебистских объятий, не будет исхода нашей Церкви из "египетского пленения" монстром государственного атеизма.

2.

В 1968 году, поступая в университет, я был привлечен перспективой изучения и специализации по истории русской религиозной философии. Был такой спецкурс в Ленинградском университете, но просуществовал он недолго. Затем его спешно включили в общий курс по истории русской философии, а вскоре и совсем прикрыли. Как и почему, я здесь касаться не буду. Это отдельная тема. Расскажу лишь, как через даже краткую причастность к этому спецкурсу приоткрылся мне тайный механизм, скреплявший противоестественный альянс советских идеологов и подсоветских православных священников – тех, кто откровенно служит сатане, и тех, кто долженствует служить Богу.

В конце 1973 года я сдавал экзамен по научному атеизму. Хотя я уже принимал участие в Самиздате и в культурном движении ленинградской оппозиции, но питал еще некоторые иллюзии на возможность нормальных академических занятий русской философией, аспирантуру и преподавательскую работу по специальности. И для этого, действительно, были кое-какие основания. На факультете еще полным ходом шли лекции по русской религиозной философии, хорошо поставленные преподавателем кафедры истории философии Б.М.Парамоновым. Еще принимались курсовые и дипломные работы по этому профилю. Еще стоял во главе этой кафедры специалист по истории русской философии проф. А.Галактионов. (1).

Экзамен по научному атеизму принимал преподаватель одноименной кафедры Колесников, впоследствии ставший зам.декана факультета по работе со студентами. Выслушав мой ответ по структуре религиозного сознания, он неожиданно задал не относящийся к теме, да и вообще к экзамену, вопрос.

– Ведь Вы специализируетесь по истории русской религиозной философии у Парамонова, не так ли? – и после моего утвердительного ответа продолжал. – Переходите-ка лучше к нам на кафедру, пока не поздно. На-

учный атеизм — перспективнейшая область, особенно сейчас, когда взятый нашей партией курс на разрядку должен сопровождаться обостряющейся идеологической борьбой и активным наступлением на идеологическом фронте. С русской же философией делать нечего. Это бесперспективно. Ваш руководитель Парамонов — несерьезный человек, начитался Бердяева с Соловьевым и выдает их за откровение. Все это скоро прекратится. Подумайте о своем будущем. Диссертации по русской религиозной философии вам не видать, как своих ушей. У нас же вы быстро пойдете в гору. Приходите завтра на кафедру, я представлю вас заведующему кафедрой профессору Шахновичу, наметим тему и пишите диплом, а затем диссертацию.

Я не буду вдаваться здесь в чувства и мысли, вызванные во мне этим предложением. Скажу лишь, что на кафедру научного атеизма я не пошел. Через несколько дней я встретил в одном из университетских коридоров знакомую студентку, которая училась вместе со мной и специализировалась как раз по кафедре научного атеизма. Работала она инструктором райкома комсомола и вела еще активную общественную работу в университете.

— Что же ты не пришел на кафедру? — спросила она несколько зловеще. — А мы говорили о тебе, ждали. Шахнович, Колесников... Ты что, не хочешь у нас специализироваться?

— Нет, не хочу, — ответил я.

— Напрасно, напрасно, — и критически осмотрев меня с ног до головы, несколько понизив голос, добавила. — Тогда тебе лучше перевестись в Духовную академию. Не оставайтесь же с Парамоновым.

Я был ошарашен. И хотя знал об этих переводах, но до конца все же не мог представить себе этого дела.

— Так ведь не возьмут... — неуверенно начал я.

— Возьмут, не волнуйся. Конечно, по рекомендации... К нам тут один перешел недавно из Академии. А ты — туда. Естественный обмен веществ, — добавила она довольно цинично и, засмеявшись, довольная своим сравнением, убежала, бросив мне через плечо: "Подумай".

Думать, однако, было особенно не о чем. Именно "естественность" подобного "обмена веществ" более всего ошеломляла и представлялась неестественной. Но интересовал механизм этого круговорота, и я решил навести кое-какие справки у преподавателя моей кафедры доцента М. Ему я относительно доверял, и он казался безусловно компетентным в подобных вопросах:

Несколько слов об этом человеке. Когда-то в 50-х годах он был, по его рассказам, штатным сотрудником Комитета Госбезопасности и служил в заградотрядах по пересылке и лагерной охране заключенных. Насмотрелся он там всякого. Кое в чем и сам принимал участие. Вспоминать этот период своей жизни он не особенно любил, но иногда воспоминания прорывались. Лишь позднее я убедился, что от кагебистского прошлого у него сохранились не только воспоминания. Не такая это организация, чтобы так вот, полностью, отпустить на волю тех, кто с нею когда-либо был связан. Уволившись со службы по состоянию здоровья, он кончил философский факультет, защитил диссертацию и преподавал затем в универси-

тете, ведя параллельно спецкурс и семинар Научного студенческого общества. В этом семинаре я принимал участие.

Итак, подойдя к М., я рассказывал о состоявшихся переговорах и предложениях и о своем отказе от них.

– Слышал, слышал. Мне уже говорили, – спокойно ответил он. – Скажу вам прямо: вы многим рискуете. И прежде всего дипломом, не говоря уж о диссертации. Колесников не забудет вашего отказа. А он, учтите, скоро пойдет на повышение. Как и весь научный атеизм. Ожидается оживление в этой области. Так что вы многое теряете. Что касается Бердяева с Парамоновым... – хмыкнул он. Но тут я его прервал.

– Скажите, пожалуйста, а что значат демарши наших "научных атеистов" относительно Духовной академии? Ведь мне предложили...

– Вам хотят помочь, – в свою очередь веско отрубил М. – Никто не собирается преследовать вас за сам факт вашего интереса к русской религиозной традиции. Но есть традиции и традиции. Одни отражают разум народа, другие – его предрассудки. Религия как раз и относится ко второму. Она, безусловно, отмирает. Наш долг, как идеологических работников, ускорить этот процесс, помочь людям. Для этого существуют различные способы...

– Простите, – опять встрял я в его монолог. – А как же массы верующих, реальное существование в СССР христианских и других церквей?

– В том-то и дело. От религии у нас остались только отмирающие формы: культ, место его действия – церковь, его исполнитель – поп. Задача наша в том и заключается, чтобы наполнить эту дряблую вчерашнюю форму живым современным содержанием, влить, так сказать, свежее вино в старые мехи. Тогда и старая форма быстрее отомрет. Ведь вы изучаете диалектический материализм, знаете закон перехода количества в качество, закон изменения формы вслед за изменением содержания, отмирания старой формы под влиянием нового содержания. Дело, повторяю, только в методах, которые мы избираем, чтобы способствовать этому объективному процессу. В этом выборе и состоит наша активность. Недостаток нашей атеистической работы в том и заключается, что мы долгое время ограничивались лишь антирелигиозной пропагандой. Это недостаточно материалистический подход. Нужно быть более конструктивными. Нужно не только на религиозное сознание, но прежде всего на церковное, общественное бытие религии влиять. Необходимо качественно изменить общественную институцию церкви, активно внедряя туда нашу идеологию. Нужно подорвать не только религиозную веру, но изменить функцию и качество самого культа, качество священнослужителя. Это изменит качественный состав широкой массы посещающих церковь верующих. Их традиционная православная религиозность начнет деформироваться и отмирать, заменится постепенно верой в коммунистические идеалы...

Нельзя сказать, что все эти "ученые" откровения были для меня неожиданными. Подобные идеи так или иначе проводились во всех почти лекциях университетских профессоров. Универсальная марксистская формула "бытие определяет сознание" детерминирует всю коммунистическую идеологию. Несколько неожиданной оказалась лишь прямая проекция этой модели на сферу собственно религиозную. Ведь сами "основоположники"

утверждали, что религия — это наименее опосредствованная общественным бытием форма сознания и как таковая обладает максимально возможной для сознания вообще степенью относительной самостоятельности. И вдруг... Рассуждения М. показали, что господствующая идеология уже не хочет довольствоваться лишь голым отрицанием религии или одним грубым внешним подавлением ее. Развивая свои исходные атеистические посылки до их последних теоретических и практических выводов, она пытается внедриться уже и в литургические глубины религиозной жизни, разрушить ее изнутри, добившись тем самым тотальной власти над религиозно-церковной действительностью.

Разговор, однако, на этом закончился. Дальше расплывчатых рекомендаций, прозрачных намеков, отвлеченных советов дело не пошло. Тем не менее, нам еще пришлось вернуться к этой теме. Правда, случилось это уже при других, изменившихся обстоятельствах.

Примечание автора:

1. А.Галактионов в соавторстве с проф. Ленинградского университета П.Никандровым написал в начале 60-х годов обширную монографию "История русской философии IX-XIX вв." Она была переиздана в значительно переработанном виде в 1971 году. В монографии была предпринята, пожалуй, первая в СССР, за годы неограниченного господства марксизма-ленинизма, попытка дать более или менее полную и развернутую картину русской мысли. Характерна также была деятельность Галактионова на возглавляемой им кафедре. Ему удалось настоять на необходимости изучения не только материалистического, но и религиозно-идеалистического крыла русской философии и ввести соответствующий спецкурс. Но уже в 1974 году проф. Галактионов был уволен из университета, лишен права преподавания и некоторое время работал водителем троллейбуса. На его место из Москвы был прислан даже не философ, но историк КПСС проф. Волк. Та же экзекуция была проведена с проф. Никандровым, который вскоре повесился. Затем взялись за Парамонова. Студентам, занимавшимся в русле его спецкурса, было предложено менять специализацию и перерабатывать уже готовые курсовые и дипломные работы. В конце концов спецкурс русской религиозной философии прекратил свое существование и был заменен инфантильной, высосанной из пальца, темой: "Развитие материалистической диалектики в России". Читал ее уже не профессиональный историк философии, но лишь специалист по общему курсу диамата.

(Окончание статьи — в следующем номере)

АЛЕКСАНДР ГИДОНИ

Стихи

П о л ь ш а

О полони меня,
                                Польша,
  Полония!
Ласка лугов,
                                золотистые льны...
Сплю и ловлю в голубом небосклоне я
лепет лучей:
                                "к солнцу польскому льни!"

Краков!
                                Кропи нас красою истории!
Люблин!
                                Люби нас любовью времён,
где припечаталась поступь Батория,
где Понятовского шёл легион.

Где полыхалось,
                                грозою повитое,
польское знамя над полем побед,
где умирали за Речь Посполитую,
где отшумел исторический бред.

Так!..
                                Но и в бреде о сверхневозможности
есть голос вечности,
  есть окоём
царства столь рыцарской
  непреложности,
что и мечтать ныне странно о нём.

Польские рыцари!
                                Вы ли не грезили
шляхетской удалью? –
  Души в разлёт! –
И на балу,
                                на юру,
  на железе ли,
на перехлёсте ль, –
  но только вперёд!...

Вот и покоитесь вы, отшумевшие,
в поле пустом
                                иль в граните немом.
Славой согретые,
                                славою гревшие,
каждый несомый,
                                сейчас невесом.

Так!..
Но внезапной тоскою повеявши,
вы опьяняете нас и теперь.
Где тот орел, над Варшавою реявший?
Где та –
                                открытая в Рыцарство дверь?

Соединенье славяно-латинского
и сокращенье Сирены с Крестом...
Польша!..
                                Ты – плач полонеза Огинского
над переломленным бурей кустом.

Так!..
Оттого-то с печалью былинной
я вдруг о Польше,
                                о Польше я вдруг...
Кажется неопалимой купиной
тонкий,
                                дрожащий под ветрами, сук.

Верю!..
Нальется он почками свежими,
вспыхнет цветами,
                                зальется росой.
Девушка-Польша пройдет побережьями
над прибалтийской песчаной косой.

И растворюсь в золотеющем лоне я
трав и лугов,
                                и столетий лихих,
чтобы шепнуть тебе,
                                Польша,
  Полония,
мой неожиданно-шляхетский стих.

В ы б о р

Над Торонто – море огней,
и все ж ночи Торонто темней,
чем на родине дальней моей,
отделенной морями морей.

Петербург мой,
Петрополь мой!
Ленинград мой
и Питер родной!
Как хочу повидаться с тобой
в синий вечер
над синей Невой.

А Торонто –
случайный друг,
как маяк в океане разлук,
как спасательный в море круг,
мне судьбой подброшенный вдруг.

В темном море житейском слились
даль – Петрополь,
Торонто – близь.
Не легка моя жизнь, но случись
повторять,
я скажу –
повторись!

Повторись, Сити-холла овал!
Повторись, ленинградский причал!
Повторись, мой петропольский берег
и канадский мой выбор навек!

В з г л я д

Всё было торжественно, как пенопенье,
когда хор поёт херувимскую песнь,
когда сквозь сознание проходит сомненье,
а сквозь отрицанье победно – я есмь!

Я есмь! Это я!.. Человек, а не робот!
Я жив!.. Всё живое, ликуя, слилось:

ФОРМУЛА ПРОЗЫ

Слова, расположенные горизонтально или по вертикали, и не ограниченные ничем, называются прозой. То же можно сказать и о чём угодно — например, о других словах. Их жизнь, благодаря прозрачности воздуха, становится невидимой, а, благодаря его стремительным передвижениям — такой же стремительной.

Остаются ничего не значащие имена, названия, числа.

Он входит. Его отражение чувствует себя в зеркале несколько скованно. Та часть секунды, которая ближе к прошлому, сверкнула. Отец девушки первым заметил его, он сказал:

— Вот незнакомец.

Она взглянула и, увидев, улыбнулась, чтобы скрыть другую улыбку. Прошло несколько незнакомых мгновений. Слово "здравствуйте" прозвучало три раза, освещаемое лучами окон. Был полдень (никто не знал другого названия).

Когда остальные вошли, заполнив часть сверкающего пространства, девушка сказала самой себе: "17". В ответ ей тотчас же наступила другая минута.

Он, тот неожиданный гость, подумал: "Этот луч ярче всех". И, действительно, полдень предвещал последнюю зимнюю ночь.

Девушка спросила отца:

— Кто он? И почему я так боюсь услышать ответ?

— Не бойся. Я не отвечу.

Остальные улыбались другим и не этим мыслям. Их было несколько человек, число 5 нерешительно примеряло себя к их количеству.

Вот что они говорили.

— У этого незнакомца странная улыбка: она невидима при дневном свете.

— Вы правы. Вашей правоте нельзя не улыбнуться.

— А я ничего не вижу, не слышу и не осязаю. Остаются лишь обоняние и отчаяние.

— В старину всё было лучше: даже будущее.

— Ну, не скажите!

— А я и не сказал, я только подумал на свету.

Вот как сверкал этот луч: нестерпимо. Между тем, темные волосы девушки струились, темнея, к её плечам, и казалось, что этому не будет конца. Она подумала и не сказала, и промолчала одновременно. От яркого света окон, от ослепительной тишины её глаза увлажнились. Она взглянула на ликующего отца: их взгляды, их слёзы встретились.

Один из пятерых был особенно освещён. Из всех присутствующих даль всегда выбирает кого-нибудь одного, чтобы устремить на него настойчивый протяжный взгляд сквозь оконные стёкла.

Он сказал – казалось, без всякой связи с будущим или с прошлым:

– Рюрик – первый русский князь, призванный "Чудью, Весью, Словенами и Кривичами", "из Варяг", из племени Русь, "княжить и владеть ими". Разветвление рюриковичей начинается с Владимира Святого, причём прежде всех отделяется линия князей Полоцких, потомков Изяслава Владимировича.

Отец поднёс руки к лицу, чтобы скрыть если не слёзы, то хотя бы радость свою,

Девушка взглянула на незнакомца и увидела его вдалеке от себя. Он был неподвижен – так, как только можно быть в эти полуденные мгновения. Его черты напомнили ей другое: какие-то удивительные, непрошедшие дни.

Княжеские имена вспыхнули в воздухе, пересекаясь с лучами. Тёмные ресницы девушки были ещё влажными в этот миг.

– По смерти Ярослава Мудрого, в 1054 году, его потомство дробится на ветви, из которых наибольшее значение приобретает потомство его второго сына – Святослава и третьего – Всеволода...

– Ах, как все эти имена сверкают в полдень!

– Отец, мне странно. Этот гость неподвижен, бледен, и ни одного слова, даже имени, не сорвалось с его губ.

– Может быть, это не он? Или, наоборот, может быть, это не мы?

– Святославичи распадаются на линии Давидовичей Черниговских, Ольговичей Новгород-Северских и Ярославичей Муромо-Рязанских...

Другой из пятерых воскликнул:

– Я всё помню! Моя память озарена лучами!

Третий:

– Вчера я сказал что-то неожиданное, и сразу же наступило сегодня.

– Отец, он взглянул на меня, не оставляя молчания и неподвижности.

– Успокойся, он не взглянул. Это глаза сверкнули.

– Мне было так жёстко на ветру, что я решил зайти в ещё жёстче.

– удивительно: полдень, а цвет у секунд полночный.

– Что вы этим хотите сказать?

– Я? Что цвет времени и цвет истины не совпали.

– Чем-то этот человек напоминает мне Изяслава.

– Волынского?

– Да. Те же красные и чёрные пробуждения после чёрных и красных снов.

Ветер налетал на окна, словно обманываясь их прозрачностью. Был конец февраля, солнечные лучи расшатывали пространство.

Отец хотел отойти в сторону, но её не оказалось из-за придвинувшейся вдруг, ослеплённой стены.

Тёмные волосы девушки струились, быстро меняя одно мгновение на другое.

Она то молча смотрела на незнакомца, то на незнакомца молча смотрела.

– Дочь, вот небо. Оно тебя послушается, как дитя.

– Отец!

– Она смотрит на отца и не видит.

– Он смотрит на дочь, и невидим.

– Да, тут и молчание, и пауза, и чёрный промежуток в окнах.

– Дай же скрыть свою или чью угодно печаль!

– Мне это место не знакомо.

Отец привлёк дочь к своей груди, покрывая её голову поцелуями и лучами. Небеса вспыхнули и засверкали уже по ту сторону полдня.

– Всеволодовичи – или, собственно, Мономаховичи – на линии Изяславичей Волынских, впоследствии и Галицких, Ростиславичей Смоленских и Юрьевичей Суздальских – от Юрия Долгорукого. Последняя линия с конца 12-го столетия приобрела преобладающее значение между князьями всей Руси. Из неё происходят великие князья Владимирские, впоследствии великие князья и цари Московские...

– Не знаю, что мне сказать, что ответить? Я завтра увижу сегодняшний день. И ночь увижу.

– Да, ждем и говорим поверх мыслей, нечто непонятное, жёсткое, почти вслух.

Двое других переглянулись, словно неподвижные двойники:

– Что делать! Кругом просторы, и даже даль – и та одним своим краем упирается в зиму.

– Упирается в спину?

Но пятый промолвил:

– Я спросил её: "кто это там, вдали?". Она отвечала: "если приближается, значит она". Толпа, вплотную приблизившись: "я устала".

– Так уставали древние толпы.

– Он пылает, словно князь с его февральской дружина.

– Со смертью царя Фёдора Иоанновича, в 1598 году, династия Рюриковичей прекратилась, но отдельные княжеские фамилии продолжали существовать...

В этот миг вслед полдню хлынули слёзы и радость отца. Передвигающиеся лучи придвинули пространство вплотную, пальцы, закрывающие лицо, брызнули сквозь несдерживаемые мгновения.

– Боже! Боже! – чуть не воскликнул он.

– Так уставали древние толпы.

– Да разве были такие зимние дни?

– К тому же, солнце ослепляет. Холод, голубизна, небо – всё слилось в одном звуке: летя.

– Помните, вы не ответили на мой вопрос?

– Откуда же помнить, если это уже случилось!

– О, как нестерпимо сверкает!

Сколько горящих мгновений и слёз!

Девушке всё время казалось, что ночь приближается. Но это было не так: и день, и ночь удалялись.

Тот, на которого всё время смотрела даль, казалось, не замечал и не чувствовал.

– Не знаю, распространяется ли княжеский титул и на зеркальное отражение князя.

– В этом, по-моему, не было бы ничего странного. Ведь распространяется же на нас призрачность нашего отражения.

– Вот перечень княжеских фамилий, причисляемых к Рюриковичам:

1) от князей Полоцких: Витебские, Изяславские, Минские и Полоцкие. 2) от Перемышльских: Галицкие первой ветви и Перемышльские. 3) от Черниговских: Барятинские, Белевские, Волконские...

– Мне странно, словно мне никогда не было странно.

– Это называется полдень, а название тому ещё не известно.

Секунда сделала сверкающее движение от отца к дочери.

– О! – только и мог вымолвить он.

Даль становилась то ближе, то дальше, и девушке казалось, что она вот-вот сможет коснуться руки незнакомца.

– Ну прикоснитесь к слову – небом, гортанью или каким угодно шёпотом! Ведь видите же вы, что я безумна. А могла не быть ею...

Он не ответил. Она услышала, как произнёс он:

– Простите... если я напугал вас своим молчанием.

Она улыбнулась, вытирая заплаканные ресницы:

– У отца слёзы заменяют слова.

Все пятеро были стройны, и временами казались похожими – то на одного, то на другого из них.

Отец молча кивнул им, как бы приглашая их к словам, к радости, к чему угодно, к ослепительным лучам и мгновениям.

– Он счастливее самих лучей.

– Тише! Он, кажется, слышит громче, чем видит.

– А мы? Мы всё чего-то допытываемся у своих отражений, а что они могут знать, стиснутые холодным стеклом!

– Вы правы: мы стиснуты.

– Этот день не имеет предшествующих.

– Он происходит от ночи.

– От пылающих крыш.

– Мы приходим... от кого?

– Воротынские, Горенские, Горчаковы, Долгоруковы, Елецкие, Звенигородские-Рюмины, Звенигородские-Барашевы, Звенигородские-Спячие, Звенигородские-Шистовы, Звенигородские-Звенцовы, Звенигородские-Токмаковы, Звенигородские-Ноздреватые, Карачевские, Кашины, Клубковы-Масальские, Козельские...

Девушка подумала: "Может быть, спросить его об его имени?" И вздрогнула от этой мысли. Лучи вздрогнули и сделали движение к лицу отца.

Гости, даль, слезы, Звенигородские, звенигородские слезы!..

Но незнакомец отвечал мгновениям неподвижностью, а минутам – молчанием.

Она, наконец, вымолвила:

– Почему вы так странно молчите?

– Поверьте, не странно...

– Смотрите, это лучи!

– Да, да, что-то детское есть в ваших лучах.

Гости обменялись взглядами, и пространство вновь засверкало, передвигаемое послеполуденным светом.

– Этот луч нацелился прямо в грудь моему отражению. Надежны ли зеркальные латы?

– Еще бы! Их сияние нестерпимо.

– Не шутите! Это может кончиться настоящей или призрачной кровью.

– А я глаз не могу оторвать от дочери и от отца... Кстати, кровь не бывает призрачной.

– Кольцовы-Масальские...

– Да, это было бы странно.

– Как пространство, заполненное именами.

– Именами лучей.

– Именами князей.

– Конинские, Курлятевы...

– Именами безумцев.

– Литвиновы-Масальские, Лыковы, Масальские, Мачевские...

Незнакомец вздрогнул, словно одно из имен попало в него. Какая-то странная улыбка показалась возле его губ и исчезла.

– Что с ним?

- Не знаю. Дайте вспомнить, который теперь миг.
- Звук звезд – это нечто похожее на звук планет.
- Какой удивительный день! Какое безграничное удивление!

Но этому дню предшествовали другие. Одни из них перешли в ночи, путь других – неизвестен.

Девушка вспомнила густые звезды, мерцающие мостовые и светящиеся расстояния от фонарей до голубых, черных глубин воздуха.

В одну из таких глубоких ночей... Но, словно сквозь голубой сумрак, она увидела ликующие блики и лицо отца, услышала голоса гостей:

– Какая-то детская обидчивость свойственна толпам, – донеслось до нее.

– И жестокость.

– Мезецкие, Ногтевы-Оболенские... – услышала она, словно сквозь свет.

Она вдруг вспомнила о Рюрике-Василии, сыне великого князя киевского Ростислава Мстиславича, правнучке Владимира Мономаха. О его походе на Туров вместе с князем Изяславом Давидовичем. О том, как отец послал его на помощь князю полоцкому Рогволду Борисовичу против Ростислава Глебовича, и в том же году – к Святославу Ольговичу, против Изяслава Давидовича и половцев. О том, как он ходил из Торческа против Изяслава Давидовича и отнял у Владимира Мстиславича Слуцк. О том, что Рюрику-Василию приписывается построение в Киеве церкви во имя Святого Василия (в 1207 году) и в Выдубецком монастыре – каменной стены (в 1199). Он был женат на дочери половецкого хана Белука...

– От него происходили князья Вяземские, – услышала она голос незнакомого гостя.

– Как! Разве я вспоминала вслух? – поразилась она.

– Нет. Но вы так странно и так далеко смотрели!

Щедро раздариваемое отцом, небо не иссякало, и лишь голубело, наполняя всё новые и новые окна.

– Но почему вы заговорили о толпах?

– Они проследовали по городу с пением тишины.

В это время пространство вновь вспыхнуло, пролитое из щедрых рук ликующего отца.

– Господи! Господи! – только и повторял мысленно он.

Но другая даль была холодна, хоть сверкала так же ярко, как законная.

К одному из гостей вернулся дар зеркального отражения.

– Откуда у неба столько голубых и белых названий?

– От черных и красных спазм.

– Это похоже на истину, особенно синей своей стороной.

Незнакомый гость подумал в этот миг о другом, но чем – неизвестно.

Между тем, они продолжали:

– Продолжали быть неподвижными во имя самой неподвижности.

– Продолжали быть бледными, чтобы продолжать ими быть.

– Вы о толпах?

– А вы о ком – об отражениях?

– Я – о чёрном и голубом цвете как о наиболее близких моей глухоте.

– Вспышка чумы на том краю света, вспышка безумия – на этом.

– Незнакомец становится всё безмолвнее, словно испытывает терпенье зеркал.

– Это не чума, а пространство!

– Отец с нами сквозь радость и сквозь лучи.

– Дочь, дочь!

– Он ничего не слышит, кроме ослепительного сияния.

– Ничего не видит, кроме молящейся тишины.

– Откуда у вас эта усмешка?

– Она поджидала меня возле этой минуты.

– Вы неуязвимы, словно пространство.

– Кажется, что под его горячей броней есть еще и кольчуга.

– Ах, сколько стали и света пошло на эти лучи!

– Кто бледнее – он или его отражение?

– Спросите лучше: кто неподвижнее?

– Неподвижнее всего воздух, а бледнее – струйка зеркальной крови.

– Боже! какой-то звук рвется из глотки!

– Но кто же шел с пением тишины?

– Сколько красного! словно эта толпа поранилась о железо.

– Зато сколько белизны и решимости на их лицах!

– Сколько отчаянных, неумолимых имен!

– Оболенские, Оболенские-Стригины, Оболенские-Ярославы, Оболенские-Нагие, Оболенские-Телепневы, Оболенские-Овчинины, Оболенские-Черные, Оболенские-Белые, Оболенские-Золотые, Оболенские-Серебряные, Одоевские, Осовицкие, Перемышльские – Перемышля Калужского, Пенинские, Репнины, Репнины-Волконские, Святополк-Мирские, Святополк-Четвертинские, Спашские, Торусские, Тростенские, Туренины, Тюфякины, Хотетовские, Щепины-Оболенские и Щербатовы. 4/ от Рязанских: Муромские и Пронские. 5/ от Галицких – Галича Южного: Бабичевы, Бакиновские, Волинские, Друцкие, Друцкие-Любецкие, Друцкие-Озерецкие, Друцкие-Соколинские, Друцкие-Горские, Друцкие-Подберезские, Заславские, Луцкие, Острожские и Кутятины. 6/ от Смоленских, старшей ветви: Вяземские, младшей: Березуйские, Дашковы, Жижемские, Козловские, Коркодиновы, Кропоткины, Порховские, Селеховские, Соломерецкие и Фоминские. 7/ от Ярославских: Алабышевы, Аленкины, Бельские, Великогатины, Голыгины, Дуловы, Деевы, Жировы-Засекины, Заозерские, Засе-

кины, Зубатые, Кубенские, Курбские, Львовы, Моложские, Морткины, Охлябинины, Пенковы, Прозоровские, Сандыревские, Сисеевы, Сицкие, Сонцовы-Засекины, Судские, Темносиние, Троекуровы, Ухорские, Ушатые, Хворостинины, Юхотские, Шамины, Шастуновы, Шаховские, Шехонские, Шуморовские и Щетинины. 8/ от Ростовских: Бахтеяровы-Ростовские, Бритые-Ростовские, Буйносовы-Ростовские, Бычковы-Ростовские, Гроздевы-Ростовские, Касаткины-Ростовские, Голенины-Ростовские, Голубые-Ростовские, Катыревы-Ростовские, Ласткины-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Приемковы-Ростовские, Цужбальские-Ростовские, Темкины-Ростовские, Хохолковы-Ростовские, Щепины-Ростовские и Яновы-Ростовские. 9/ от Белозерских: Андомские, Белосельские, Вадбольские, Карголомские, Кемские, Сугорские – двух ветвей, Ухтомские, Шелепанские. 10/ от Суздальских: Барбашины, Брюхатые-Шуйские, Глазатые-Шуйские, Нижегородские, Ногтевы-Суздальские, Скопины-Шуйские, Шуйские. 11/ от Московских: Боровские, Верейские, Волоцкие, Галицкие, Можайские, Углицкие и Шемякины. 12/ от Тверских: Дорогобужские, Кашинские, Микулинские, Телятевские, Холмские и Чернятинские. 13/ от Стародубских: Гагарины, Голибесовские, Гундуровы, Ковровы, Кривоборские, Льяловские, Небогатые, Неучкины, Осиповские, Палецкие, Пожарские, Ромодановские, Ряполовские, Татевы, Тулуropy и Хилковы. Кроме этих княжеских фамилий от Рюрика происходят еще следующие дворянские фамилии, утратившие княжеский титул: 1/ от князей Черниговских: Огинские, Пузины и Сатины. 2/ от Смоленских: Аладьины, Бокеевы, Внуковы, Всеволожи, Губастые, Даниловы, Дмитриевы-Мамоновы, Еропкины, Заболоцкие, Карповы-Далматовы, Кислеевские, Молодые, Монастыревы, Мусоргские, Нетшины, Полевы, Ржевские, Рождественские, Судаковы, Татищевы, Толбузины, Травины, Цыплетевы, Щукаловские. 3/ от Галицких – первой ветви Галича Северного: Березины, Ивины, Ильины и Осинины.

Несколько мгновений царила долгая тишина.

Наконец, один из них сказал, обращаясь к другому:

– Что с вами?

– Странно: перечисляя, он не назвал Ляпуновых.

Это вызвало новый приток лучей и новые странные речи.

Слышал ли что-нибудь незнакомец? Видел ли что-нибудь?

– Ах, отец, как я счастлива! Не безумна ли я?

– Нет, нет! Твой взгляд чист, он омыт слезами.

Та часть поверхности зеркала, в которой отражались гости, была особенно холодна.

Девушка сказала, обращаясь одновременно ни к кому и ко всем:

– Полдень всё еще здесь!

Лучи брызнули сквозь пальцы отца. Зеркальная даль и зеркальная глубь на мгновение совпали, чтобы ослепить и заставить сжаться сердца.

Наступила пауза, длившаяся 19 мгновений.

Наконец, на том конце молчания возник гость, к которому был прикован взгляд дали.

– Увидя мучения стекла, я не знал, что делать. Приложить свое отражение к зеркальной ране? Но это зрелище было бы слишком кровавым. Или превратить прозрачный стекающий цвет в звук? Но тогда стали бы слышны стоны.

– Этот случай похож на другой, ни с чем не схожий.

Гости снова переглянулись, словно только для того, чтобы увидеть бледность и неподвижность друг друга.

– Это было так недавно, что я не знаю, было ли это.

– Если вы говорите о будущем, то вы правы.

Девушка порывисто обняла отца и сказала:

– Отец!

– Да, да! Смотри, какое сияние!

И оба были подхвачены горящими снопами лучей.

Сколько времени прошло, между тем? Напор света не ослабевал, и, казалось, не ослабеет.

– Молчание.

– Самый прочный металл.

– Речь образуется в полости рта и глотки, благодаря изменению их очертаний и формы, и, если при этом принимает участие голосовой аппарат, то получается звучная речь, без его же участия – шепот.

Лица гостей усмехнулись и успокоились в зеркалах.

Девушка взглянула на незнакомца – он не ответил.

Мне кажется, что она и ее отец созданы воображением.

– А что касается незнакомца, то его неподвижность невообразима.

– Но что же он молчит о зеркальной ране?

– Боюсь, что она была не зеркальная.

– Так вот почему он так бледен!

И, действительно, если бы присутствующие не были так малочисленны, его бледность поразила бы многих. Он был молчалив, неподвижен, и никто до сих пор не знал его имени.

Один из гостей произнес:

– Странно, почему это у толпы всегда только один глаз?

– Потому что двуглазые толпы были бы слишком ужасны.

Отец посмотрел на дочь, обдав ее сверкающими мгновениями. Ее волосы струились, что-то бесконечное было в их цвете и густоте.

Чем дальше уходил полдень, тем ярче горели последние его лучи.

В стороне прозвучало:

– Что это за формула, о которой говорится в заглавии?

- Слова плюс слова суть проза.
- Весьма горизонтальная мысль.
- И, главное, вся просвечивает.
- Что может быть опаснее этого ремесла!
- Только двуглазые толпы.

Девушка сказала незнакомому гостю:

– Я всё ждала, что вы сами о чем-нибудь меня спросите. Но вы... нет.

Она улыбнулась. Свет струился от окон к отцу, от отца – к дочери.

– Я боялась, что вы никогда мне ничего не скажете... Вот окна, вот облака, а вот там будут звезды...

Вдруг она побледнела:

– Смотрите, толпа!

Гости переглянулись:

– Помимо дружины и ополчения в древней Руси существовали и наемные войска из варягов, печенегов, хазар, косоогов и других.

– Я люблю эту сталь, в которую воины так нежно заковывали себя.

– Войска из варягов были пехотные, прочие – конные.

– Куда ни кинешь взгляд, повсюду сталь и лучи.

– Как жёстко слова соприкасаются со словами!

– Что это – формула прозы или формула стали?

– Да нет, совсем другое!

Молитвенная радость срывалась с губ ничего не видящего отца. Лучи хлынули новым потоком, готовые ослепить и само пространство.

– Толпа не слышит! – бледнея, промолвила девушка и взглянула на гостя.

– Будем безмолвны наперекор.

Москва, 1973 г.

ГЕРОСТРАТ ИЗ "ГРАНЕЙ"

Чего не сотворишь ради славы? Ради неё – желанной – совершаются государственные перевороты и научные открытия, ведутся войны и выдаются премии мира, пишутся книги, а иногда и уничтожаются таковые. Ради неё некогда Герострат сжег храм Дианы Эфесской, а сколько позднейших геростратушек понастроило затем новых храмов и хором всяческих! Удивительно ли, что на ниве литературы, где истинно стоящий храм искусства построить куда труднее, чем его разрушить, подвизается множество Геростратов от литературной критики. Можно сказать, что каждый Гомер имеет своего Зоила. Это почти судьба: истинно крупный талант автоматически порождает своего хулителя (не передавая ему, к сожалению, талантливости своей). Подлинно масштабное явление в искусстве обязательно провоцирует иных "нищих духом" на искушение бороться с ним, словно Иаков с Богом. Исход такого поединка предопределен силой Божьей и слабостью богохулов, но это, так сказать, "перед лицом вечности". В конкретной же ситуации наших дней демагоги и геростратушки могут и смутить кой-кого, спекулируя на модных теориях и выдавая себя за поборников "свободной мысли". Почти никто в XX веке не воспринимает всерьез писаревской критики Пушкина и всё же случается скверный казус вроде "Прогулок с Пушкиным" Андрея Синявского. Булгаковский роман "Мастер и Маргарита" по праву считают одним из лучших произведений нашей эпохи, но если поверить малообразованному лауреату литературных премий Александру Зиновьеву, то в нём, кроме исторических глав, и читать нечего. Вроде бы стала очевидной функциональная красота современных архитектурных форм, а сколько еще слышно брюзжания по поводу "небоскребов-коробок"! Музыка Шостаковича и Прокофьева реабилитирована кремлевскими наследниками тех, кто принимал погромные "постановления" против них, но мало ли еще людей, музыкальный вкус которых формируется по принципу: "ему чего-нибудь попроще бы..."

Все эти мысли невольно приходят в голову, когда читаешь в двух номерах журнала "Грани" за 1978 год огромную по величине и претензиям статью Эммануила Райса "Против реалистического романа" (№ 107, стр. 150-174 и № 108, стр. 212-240).

Развязное дилетантство автора, дающее о себе знать как в самой концепции статьи, так и в конкретной аргументации её, можно объяснить, пожалуй, только вырвавшимся наружу "геростратовым комплексом" человека, коему "свершить ничего не дано", а натворить что-нибудь ой как хочется! Но поскольку Эммануил Райс в реальной жизни вполне – я думаю – добропорядочный господин (не чета не только Герострату, жгущему храм Дианы, но даже бретонским националистам, пытавшимся недавно поджечь Версальский дворец), то свой геростратовский факел он бросает

в сферу вещей достаточно отвлеченных. Храм, который он тщится уничтожить, – это не более не менее, как жанр романа в мировой литературе. И здесь Эммануил Райс демонстрирует такую смелость, с которой может соперничать только его дилетантство.

Похоже, что статья Райса – "труд" долгих лет и размышлений. Она и построена как некие "пролегомены" к некоему "основополагающему фолианту" (что-то вроде "Философия литературы" или, допустим, "Что понимать под литературой"). Последнее название – перифраз того, о чем Э.Райс глубокомысленно пишет на стр. 152 в № 107 "Граней": "...Под литературой следует понимать не тот или иной род произведений, но определенный качественный уровень, независимый от природы и назначения текста."

Не правда ли, какой "удобный" критерий? Под него можно подвести всё, что угодно, забыв, конечно, о том, что само определение "качественный уровень" нуждается в критерии, чтобы быть определенным. Этого Райс не делает, зато он бодро возвещает, что "всякое использование слова для житейских целей – будь то деловая бумага, отчет о лабораторном исследовании или газетное объявление... может быть отнесено к литературе." (Там же). Он, правда, оговаривается насчет "художественной оправданности" такой литературы, но это не что иное, как тавтология от "качественного уровня". Райсу не приходит в голову, что именно отвергаемый им "тот или иной род произведений", иначе говоря, их жанровая соотношенность, может дать пусть не абсолютный, но все-таки объективно значимый критерий оценочного свойства. В сущности, одним этим Э.Райс изобличает свой дилетантизм, доведенный до абсурда. Но, глядишь, иным простодушным читателям такое может понравиться! Ведь автор произвольно путает понятия: "литература" и "литературный интерес". Он так и утверждает, что "Наполеоновский кодекс" и "резолуции Петра Великого на деловых бумагах" – это литература; сюда же относится и вся сфера гуманитарных наук, а труды некоторых классиков медицины... представляют "несомненный литературный интерес". (Стр. 153). Следовательно, дорогой читатель, представьте себе на минуту, что вы врач и пишете статью для научного журнала. Если вам повезло и у вас неплохой слог, то вы можете, по Райсу, льстить себя надеждой, что вы – почти писатель, хотя бы написанное вами было посвящено болезням желудочного тракта или, скажем, размягчению мозга. А что делать музыкантам, художникам и скульпторам, например? Ведь общеизвестно, что и в живописи и в музыке и в скульптуре можно усмотреть "литературность" и связанный с этим "интерес". Что же, значит отказаться от разделения искусства по общепризнанным видам, тем более, что между ними всегда отыщутся "пограничные сферы", когда один вид переходит в другой и они взаимно обогащаются? – Ни в коем случае! Все-таки Римский-Корсаков, какой бы "живописной" ни была его музыка, – композитор, а не живописец; полотно Боттичелли, при всей "музыкальности" его линий, – не нотная партитура; картины Энгра, Делакруа или Ге, при всей их "литературности", суть живопись; и даже такое новое искусство, как цветомузыка, является именно *новым видом* искусства, а не "музыкой при цвете" или "цветом при музыке". Жанровая и видовая определительность в сфере искусств – не при-

хоть педантов, а необходимая потребность в классификации того, что в этой классификации нуждается. Понятно, что в ней содержится элемент условности, но в чем вообще он не содержится? Применительно к литературе поэтому задачей профессиональных литературоведов является скорее строгое определение границ жанров, нежели "размывание" этих границ. Но если бы Эммануил Райс был профессионалом, он не нагородил бы той многостраничной дилетантской болтовни, которая ему, по-видимому, представляется "новым словом" в литературной критике!

Между тем, "нового" в ней не больше, чем умного. Прежде всего поражает возмутительная нелогичность аргументации Э.Райса. Она является настолько очевидной, что одного сокрушения его "антилогики" достаточно, чтобы уничтожить всю концепцию претенциозного автора (не говоря уж о грехах его аргументации по частностям). Постараемся поэтому проследить за главными зигзагами мыслей Э.Райса, хотя в этой качке "по морям, по волнам" трудно сохранять аналитическое спокойствие.

Статья Райса открывается чем-то вроде социологически-искусствоведческого введения, где он, как мы уже видели, включил в понятие "литературы" чуть ли не все явления культурной жизни. С этим соседствует "атака" Райса против социологии как науки, поскольку, по его мнению, попытки социологов вывести какие-то законы или тенденции общественного развития бесплодны, ибо "судьба одного человека, как и судьба всего человечества, одинаково значительны" (стр. 162). Правда, несколькими страницами раньше Райс утверждал на примере "рядового" времен Первой мировой войны, что он сам по себе "в историю... не войдет", тогда как, например, Людендорф или Фох туда входят (стр. 157). Да и сами исторические эпохи разнятся между собой не менее, чем Людендорф и Фох от "неизвестного солдата". "Есть, — пишет Райс, — эпохи центрального, узлового значения, остро врезающиеся в память многих поколений, и есть долгие периоды, ничем особенным не отмеченные, периферические, подобные сонной жизни деревни." (Стр. 159).

С этим нельзя не согласиться, но, спрашивается, разве здесь нельзя угадать возможность делать социологические выводы на уровне "эпохи", "массы", а не только одной "личности"? Выводы эти, конечно, не должны быть "железными законами" в стиле догматического марксизма, но и беспредельный релятивизм Райса не лучше. "Единственный возможный закон в гуманитарных науках, — пишет он, — это неподчиненность человеческой личности каким бы то ни было заранее установленным правилам и законам." (Стр. 163).

А далее следует такой вывод: "Вся религиозная жизнь человечества основана на существовании искушения, то есть желания не подчиниться закону." (Там же).

Предоставляю теологам-профессионалам рассмотреть эту сентенцию с богословской точки зрения. Думаю, что она чрезвычайно двусмысленна. Куда естественней предположить, что религиозная жизнь базируется на *постижении Божьего Закона*, либо согласно религиозным принципам, либо прозревая его — этот Закон — сквозь пелену безбожия. *Искушает* же людей чаще всего Дьявол, сатанинское начало, и "религиозная жизнь" к такому "искушению" несводима. Пожалуй, Э.Райс дилетантски "брякнул"

очередную звонкую фразу, не вдумавшись в неё, и счел, что этим дал новое "определение религии".

Кошунственный по существу характер его "религиозных рассуждений" не уменьшается внешним питетом, когда Райс говорит, что "священные книги главных религий" — это "бесспорные вершины человеческой мысли" (стр. 165). "...Об этом подробнее — ниже", — добавляет он. Добавим и мы, что ничего "ниже" и "подробнее" об этом не последовало.

Зато *последовали* уже собственно "литературные" откровения г-на Райса. После каскада банальностей об отличии репортажа от "литературы" (и это после включения в литературу "деловых резолюций Петра Великого!) следует утверждение, что в чистом виде "литературой" является лишь поэзия (стр. 167). Правда, признается, что театр и даже "киносценарии" тоже вроде бы "литература", но зато роман, — утверждает Э.Райс, — "по сравнению с серьезной литературой... — второстепенное явление, продукт общего расслабления социальной дисциплины и немаловажный симптом упадка" (стр. 168).

После натянутых примеров из истории испанской, китайской, немецкой и английской литератур (о некоторых из этих примеров мы *действительно* скажем "подробнее ниже!") Райс выражает согласие с марксистами в том, что роман — это чисто буржуазный жанр (стр. 170-171). Прodelав постепенно трюк отождествления *романа как жанра с формой реалистического романа в манере XIX века*, он заявляет, что в XX столетии роман перестает существовать, вытесняясь документальной прозой или "полицейским романом". По мнению Райса, реалистический роман не имеет права на существование, т.к. в нем "личность отошла на второй план, а вместо неё выступили наружу поиски "типичного", т.е. общего, стадного, массового, количественного. Центром интереса был уже не Иванов имярек такой-то, со своей собственной неповторимой личностью и судьбой, а Иванов — характерный представитель данной среды..." (№108, стр. 214).

Допустим, что так (хоть это и *не совсем так*). Но в чем же тогда проявляется "незаконность" и "невозможность" романа в качестве литературного жанра? Вспомним путаные "социологические" рассуждения Райса, когда он то ратовал за самобытность каждой личности, то требовал решительного отсева "рядовых" (тех же "Ивановых") от "людендорфов"! Получается, что либо некоторыми "Ивановыми" вообще не следует интересоваться, но тогда падают аргументы Райса против социологии, а вместе с этим и против романа, либо "рядовые Ивановы" должны быть в центре внимания литературы, но в этом случае большая часть "социологических" мыслей Райса просто притянута за уши, чтобы построить нехитрую схему: настоящая социология — индивидуальна; литература — тоже; роман лишился индивидуального начала, ergo, он уподобился "дурной социологии", изучающей массу, и, следовательно, роман вместе с эмпирической социологией должен быть выброшен на свалку истории. Заметим, что даже такую схему Райс не смог провести последовательно, всё время противореча сам себе, но главное, конечно, в том, что подобная схема произвольна и убога до ужаса.

Опьяненный своими собственными заклинаниями, Райс впадает в какой-то апофеоз геростратовщины ("райсогеростратовщины" — сказал бы

я точнее!), когда решил искромсать на части всю историю мировой литературы, "изничтожая" ненавистный ему жанр романа. Тут досталось всем странам, в коих осмеливались писать романисты. России не повезло особенно. Если поверить Райсу, то русских романов, "художественных целиком, а не только в каких-то частностях" (выражение Райса на стр. 220) раз-два и обчёлся: "В лесах" Мельникова-Печерского, "Мелкий бес" Сологуба. Мало что к этому списку можно еще прибавить..." (стр. 221).

Да, да, дорогой читатель (и не дай Бог *почитатель!*) русских романов, умерьте ваше негодование! Г-н Райс спокойно зачеркивает Достоевского как романиста вообще; "Капитанская дочка" Пушкина и "Герой нашего времени" Лермонтова – это "не романы". "Мертвые души" Гоголя плохи, ибо не закончены. "Тургенев писал романы больше для снискания популярности в революционных кругах, а лучшее у него – короткие рассказы. И у Лескова романы слабее рассказов. Бунин, Пришвин, Паустовский – великолепные пейзажисты, не особенно усердно гонявшиеся за формой романа." (Там же). Дальше и того хуже. Солженицын, например, хорош там, где он не романист, и плох, когда все-таки пишет романы. В советской литературе приличных романов нет, хотя бы потому, что литература эта *советская*.

Но венцом "райсогеростратовщины" является "уничтожение" Льва Толстого в качестве романиста. "Война и мир", а также "Анна Каренина" ("Воскресение" Райс не счел нужным даже упомянуть) – это "лишь по привычке почитаемые кумиры" с преклонением перед ними – не что иное, как "разъединенная чреваточинной мебель" (стр. 222). Далее следует школярски-примитивный разбор кусков из "Войны и мира" с критикой толстовских "недостатков". Ну а раз сокрушен "кумир Толстого", то Райс делает вывод, будто "сверхзнаменитый и у нас, и за границей русский роман – не украшение, а скорее относительная слабость нашей культуры". В конце статьи, в стиле советского "даешь!" следует призыв Райса: "Долой реализм! А в первую очередь его главную цитадель – реалистический роман!" (стр. 238). И уже в самом конце, благодаря одному из софизмов Райса, объявившего марксизм *буржуазной* идеологией, выражается надежда, что реалистический роман "осужден историей" (надо полагать, в соответствии с теми "историческими законами", которые Райс столь лихо отвергал в начале своей статьи).

Такова схема, вернее, *таковы скрепы* петляющей, безответственной глумливой мысли Э. Райса. Все в ней держится на подлогах и софистических передержках. Все полно противоречий, которые автор не считает нужным не только разрешать, но попросту заметить даже. Как плохой фокусник-иллюзионист, он упоён самим по себе фокусом – не его сложностью, полагая, что публика должна удивиться исчезновением монеты в рукаве или превращением носового платка в колоду карт. Причем все карты аргументации Райса – крапленые.

Мы видим, как сначала он непомерно расширяет понятие "литературы", чтобы затем столь же непомерно его сузить. "Изничтожая" жанр *романа вообще*, он сводит его лишь к форме *реалистического* романа. Делая вид, что воюет с реализмом как литературным направлением, он по существу выступает против реализма в качестве типизирующего спо-

соба художественного мышления. Говоря комплименты в адрес художественной фантастики, он не видит, что это побивает его эскапады против реализма, поскольку фантастика и символика в литературе часто доводят реализм до своего предельного выражения и совсем не обязательно ему противоречат. Нападки Райса на реалистический роман можно было бы понять и принять в качестве защиты каких-то новых, передовых принципов в искусстве, если бы этим принципам угрожала этакая монополия традиционного жанра, подминающая под себя поиск и эксперимент. Но ведь этого не происходит в наше время. Советские литературоведы рисовали прежде искаженную картину развития литературы, в которой "вершиной" объявлялся "критический реализм" (и один из его столпов – "реалистический роман"), а всякие там "классицизмы и романтизмы" считались лишь ступеньками к нему, но даже в СССР сейчас покончили с этой схемой. Так что Э.Райс ломится в открытую дверь, если он думает, что полемизирует хотя бы с советскими штампами мышления.

Между тем, даже в этом аспекте он крайне неловок. Вспомним, как некстати притянул он к делу понятие "литературного интереса", благодаря которому резолюции Петра Великого оказались у него "шедеврами русской художественной прозы начала ХУ111 века" (№ 107, стр. 152). Но рассуждая так, мы, пожалуй, должны признать мемуары Брежнева, которые представляют ведь некоторый "литературный интерес" (хотя бы как образец *нелитературы* и фальсификации исторической правды), за "шедевры русской художественной прозы" конца ХХ века. В эпоху Хрущева была выпущена в Москве смехотворная брошюра некоего Е.А.Адамова под названием "Выдающиеся советские ораторы" (М., "Знание", 1962), где целая глава посвящалась "ораторскому искусству" Никиты Болтливового. (См.: стр. 60-72). Искусство – не искусство, но речи и статьи Хрущева представляют интерес и для историка, и для психолога, и для литератора, да и отказать нельзя Хрущеву в определенной колоритности языка. Пользуясь меркой Райса, надо Хрущева зачислять в писатели: резолюций он писал не меньше Петра Великого, стиль их порой похлеще царского, а литературой Никита "занимался" куда усерднее Петра.

Разумеется, мы доводим некоторые мысли Райса до логического абсурда, а это, строго говоря, приём запретный. Но ведь сами-то мысли, Райсом высказанные, – абсурдизм и дилетантское трепачество; в лучшем случае, они – "мелкая философия на глубоких местах" – так что и церемониться с ними не стоит. Бьём абсурдиста его же оружием!..

Владимир Рудинский в десятом номере "Голоса Зарубежья" справедливо уличил Райса "в потугах шегольнуть эрудицией, оказывающейся на поверку крайне шаткой" (стр. 33 указанного журнала). Это наблюдение В.Рудинского легко дополнить существенными примерами.

Вот, скажем, пускается Э.Райс в историко-литературный экскурс, заявляя, что "роман в современном смысле слова впервые появился в Испании в ХУ1 веке..." (№ 107, стр. 168). Обратим внимание на оговорку Райса: "в современном смысле слова". Что за ней скрывается? Если он подразумевал *современную технику письма*, то испанский роман ХУ1 века, конечно, "не современен". Никто не примет Кеведо за Хемингуэя и Алемана за Валье-Инклана. Может быть, реплика Райса нужна для уподобле-

ния испанской романистики манере ненавистного ему "реалистического романа"? Но, во-первых, это нечестный приём, а, во-вторых, сам Райс пишет о романических "шедеврах" Кеведо, Алемана и анонимного автора "Ласарильо с Торреса"; в сфере же "реалистического романа" для него "шедевров" не существует. Возможно, Э.Райс, говоря о "современном смысле слова", имеет в виду природу романического жанра вообще? Однако, при всем уважении к испанской литературе XVI века, мы не можем приписывать ей ненужного приоритета. Жанр романа получил развитие еще в древнегреческой литературе. "Дафнис и Хлоя" Лонга – это, бесспорно, роман, в чем, например, не сомневался столь авторитетный его переводчик, как Д.С.Мережковский. Жанр древнегреческого романа представлен и другими авторами (Харитон, Ямвлих, Гелиодор, Ксенофонт Эфесский). О византийском романе XVI века Э.Райс, судя по его эрудиции, вряд ли знает; между тем, здесь можно сослаться на такие примеры, как роман Евстафия Макремболита "Исмина и Исминий" или стихотворный роман Никиты Евгениана "Дросилла и Харикл". Да и в китайской литературе, о которой с немного деланным восторгом отзывается Э.Райс, жанр романа появился раньше, чем в Испании XVI века.

Итак, при внимательной проверке тезис Райса уничтожается уже в своем фактическом основании. Что же говорить о его выводах и производных пассажах? Человек, который не перепроверил самого себя, приступая к созданию целой "концепции", вряд ли заслуживает доверия как исследователь.

Не утруждает себя Э.Райс хронологической точностью и говоря о русской литературе. Реализм в ней, по его мнению, "навязан шестидесятниками" (№ 108, стр. 236, 237). Это неправда: реалистическое направление сформировалось до 60-х годов, да и после этой эпохи целиком в рамках шестидесятнической идеологии не укладывалось. И даже если указывать на грехи шестидесятников, то вряд ли сто́ит прибегать к языку, каким Райс чеховстит "Помяловских и Глебов Успенских", с которых, по его словам, "и спрашивать нечего". Между тем, Помяловский и Глеб Успенский – талантливые писатели, профессионалы в лучшем смысле этого слова, и озлобление против них г-на Райса – еще один всплеск вытесненного дилетантизма его натуры.

В этом же ключе объяснимы, по-моему, и его реплики по адресу "ныне прочно забытых (?) литературных пустоцветов вроде Стефана Цвейга, Андре Моруа (?) и вызывающе бездарного халтурщика (!) Эмиля Людвига..." (стр. 220). Во-первых, с чего г-н Райс взял, что Моруа, Стефан Цвейг и Эмиль Людвиг "забыты", да еще "прочно"? Во-вторых, если манера романизированной биографии, на которую нападает Райс (делающий, словно охотничья собака, стойку при одном упоминании слова "роман") заслуживает определенных упреков, то это не значит, что мастера этого жанра заслужили ругань г-на Райса.

Дилетантизм нередко драпируется в тогу снобистского высокомерия. Райсу сделать это тем легче, что снобистские сентенции о литературе часто исходят от людей, по-настоящему даровитых и ярких. Когда Набоков в послесловиях к "Лолите" третирует Хемингуэя, Фолкнера, Сартра, Бальзака и Томаса Манна, или в "Даре" оценивает русских писателей

сквозь призму "цветного видения", словно милых сердцу его бабочек, — это, конечно, снобизм и поза. Но это поза писателя, который выражает свое мнение, не сотворяя из него претенциозной "концепции". В.Вейдле — критику блестящему и глубокому, случилось несправедливо обозвать Гончарова "сомнительным русским классиком". ("Русская Мысль", 26 февраля 1976 г.). В таких суждениях В.Вейдле не просто сноб, а сноб с лорнетом, я бы сказал — сноб *снобирующий*. Однако Вейдле — сам по себе явление в русской литературно-критической жизни, так что его хоть масштабы оправдывают. Не так давно и Сергей Рафальский погрешил снобистски против Тургенева, наполовину "сдав его в архив" ("Новое Русское Слово", 5 ноября 1978 г.), но о Рафальском можно сказать то, что некогда Делакура говорил в адрес Рафаэля: "он грациозен, даже прихрамывая". Словом, снобистские суждения Набокова, Вейдле и Рафальского проистекают от избытка профессионализма, у господина же Райса сие — от его недостаточности. Как говорится, каждому — своё.

Э.Райс не впервые предлагает доморощенные рецепты для "исправления" русской литературы. В 1969 году на страницах журнала "Возрождение", в рецензии на книгу стихов Игоря Чиннова, он сетовал: "Мы (т.е. русские — Ю.Г.) единственный народ в мире, донныне продолжающий писать стихи в формах второй половины прошлого столетия". ("Возрождение", № 210, июнь 1969 г., стр. 108). В устах Райса это надо понимать как "долгой рифмованный стих!", который, как и "реалистический роман", вероятно, "осужден историей". Г-ну Райсу невдомек, что именно мощь стихотворной традиции обеспечивает ту жизнеспособность русской поэзии, каковой нельзя добиться в тупиках "верлибра". Хорошо подметил это Владимир Солоухин, написавший: "На Западе развитие свободного стиха дойдет до своего логического конца быстрее, чем у нас, исчерпает, изживет себя, как начинает изживать себя абстрактное искусство в живописи. И, таким образом, мы заранее, в самом начале пути увидим, что по этому пути идти некуда". (Владимир Солоухин. Камешки на ладони. М., 1977, стр. 114). Однако г-н Райс стремится обязательно повторить зады западной моды, чтобы выглядеть "смелым новатором". И коль скоро ему ничего не стóит пожертвовать традицией русской поэзии, властно доминировавшей — от Пушкина до Ахматовой — в сфере стиха, то неудивительно, что он готов "сбросить с корабля современности" русский классический роман и его величайшего представителя — Льва Толстого!

В отношении толстовской прозы г-н Райс хочет сделать то же, что некогда сотворил Писарев в отношении стихов Пушкина. (Декларативное "антишестидесятничество" Райса не должно нас вводить в заблуждение: в сущности, он тоже "шестидесятник", только со знаком минус: вместо Чернышевского и Щапова на пьедестал "учителей" ставятся Леонтьев и Страхов — вот и всё). Разумеется, у Райса нет писаревского остроумия и талантливости, так что его эскапады против Толстого и несправедливы, и тяжеловесны, и попросту скучны. Ошеломив простодушного читателя заявлением, что романы Толстого — это "мертвый груз" (№ 108, стр. 223), Райс принимается за критику писательской техники Толстого. При этом всё, что г-н Райс говорит *дельного*, Толстого не задает, а всё, чем он пытается его задеть, сказано *не по делу*. Как утверждает Райс, роман

"Война и мир" лишен "настоящей красоты" (стр. 223), "протоколен" (стр. 228), "наивен" и "невыстрадан" (там же). В нем Толстой демонстрирует неспособность "передавать ощущения" (стр. 227, 228, 230, 232), неумение "быть лаконичным" и, попросту говоря, писательскую неполноценность. Обладая г-н Райс талантом и последовательностью В.Вейдле, он назвал бы Толстого "сомнительным классиком", на пару с Гончаровым. Г-н Райс, однако, хочет "и капитал приобрести, и невинность соблюсти". Посему на стр. 222-223 он бормочет комплименты в адрес "Хаджи-Мурата" и пьес Толстого, которые, мол, "заслонены" от читателя и критиков ложным авторитетом толстовских романов.

Трудно и скучновато следовать за г-ном Райсом по всем изгибам его дилетантской критики Толстого. Однако на нескольких примерах всё же нелишне остановиться. Вот, скажем, обвинение Толстого в том, что он не умеет *показывать* детали и человеческие чувства, а лишь *называет*, декларирует их. В такой упреке есть доля истины, но это обвинение вообще применимо к писательской манере авторов прошлого столетия. В том же самом легко "уличить" Достоевского и Тургенева, Бальзака и Диккенса, что нимало не перечеркивает их художественных достижений. Да, после опыта писателей XIX века (между прочим, *романистов* по преимуществу) *показ детали* в ходе повествования предпочтительней её *называния* только. Но догматически понимать этот принцип (в стиле г-на Райса) не следует. Во всем нужна мера. Если, стремясь заинтересовать читателя сюжетом, композицией, характерами, писатель начнет сплошным потоком метафор и образных ассоциаций, у него получится нечто нечитабельное, несмотря даже на экспериментальный интерес этого нечто. (Таковы, например, "Котик Летаев" Андрея Белого, проза Есенина, "авангардистская манера" многих служителей разномастных "измов"). "Все жанры хороши, кроме скучного", – сказал Вольтер. Большие писатели типа Толстого потому и дали классические образцы художественной прозы, что умели в ней чередовать в идеальных почти пропорциях красоту слова и динамичность действия, эффект стиля и эффективность рассказа. В таком деле есть много секретов и внутренних "правил", но помимо и превыше их есть индивидуальный талант, который никакими "правилами" не инкубируется – сие от Бога. Талант этот и подсказывает художнику, где и какую краску положить, где нарисовать портрет героя, а где лишь намекнуть на него, где быть обстоятельно подробным, а где эскизно небрежным. Форма романа – одна из самых благоприятствующих в литературе проявлению писательской виртуозности, а Толстой был в ней виртуозом экстракласса. Подлинные писатели-профессионалы это отлично понимают. Вот, например, что писал Юрий Олеша: "Я никогда не вижу наружности Андрея Болконского. Он, по Толстому, красивый brunet, маленького роста, с маленькими руками. Впечатления нет. Безухов толстый, большой, в очках. В сцене гнева он схватывает с умывальника мраморную доску и готов убить того, против кого гнев. Физическая сила. Впечатление есть. Вероятно, он в коротких панталонах и в чулках. Углы воротника возле щек. Наибольшее впечатление от Сперанского. Неприятный смех, белые руки. И это его "нынче хорошее вино в саножках ходит" – когда, закупорив невымытую бутылку, уносит её от гостей. По силе под-

линности обед у Сперанского, может быть, первая картина в романе." (Юрий Олеша. Ни дня без строчки. М., 1965, стр. 203-204).

Олеша пишет так, будто он опровергает нападки на Толстого Райса. Ведь у последнего есть всё: обвинение, что Толстой, дескать, не умеет рисовать портреты героев, и что ему не хватает силы изобразительности. Даже сцену обеда (правда, не у Сперанского, а у графа Ростова) Э.Райс "раскритиковал" как образец "неумения" Толстого дать "ни картины, ни настроения, ни мысли, ни даже чего-либо нужного для хода действия." (№ 108, стр. 230). В авторских описаниях Толстой, если верить Райсу, банален до ужаса, в диалогах – скучен и бесцветен, в психоанализе рассуждает так, как если бы принимал читателей "за идиотов" (стр. 233). По сути своей и художественной манере Толстой – безнадежный "конформист" (стр. 234), каким-то таинственным образом загипнотизировавший читателей всего мира (за исключением г-на Райса) в уверенности, что он – хороший писатель.

Позволим привести еще одну цитату из наблюдений Юрия Олеша над писательской техникой Толстого. Величина такой цитаты извиняется глубиной мысли Олеша насчет того, что дилетантски "ниспроверяет" Э.Райс:

"Странно, что существует на виду, так сказать, у всех стиль Толстого с его нагромождением соподчиненных придаточных предложений (вытекающие из одного "что" несколько других "что", из одного "который" несколько следующих "которых"). По существу говоря, единственно встречающийся в русской литературе по свободе и своеобразной неправильности стиль. И до сих пор одновременно с требованием, направляемым к молодым писателям, писать так называемо правильно, никто не дает объяснений, почему же Толстой пишет неправильно? Необходимо было бы (и странно, что до сих пор этого не сделали) составить диссертацию о своеобразной "неграмотности Толстого". Кто-то заметил, что Толстой знал о нарушениях им синтаксических правил (то и дело он говорит о том, что у него "дурной слог"), но вовсе не ставил себе в необходимость избегать этих нарушений – он писал так, сказано в этом замечании, как будто до него никто не писал, как будто он пишет впервые. Таким образом, и стиль Толстого есть проявление его бунта против каких бы то ни было норм и установлений."

Вот наглядный контраст в анализе профессионала Олеша и дилетанта Райса. Там, где первый видит бунтаря против "норм и установлений", второй усматривает конформиста; если для Райса "Война и мир" – бездарный шаблон "реалистического романа", то для Олеша – это "новая форма" среди "крепких литературных традиций", причем для этой формы "так и не нашли определения, назвав облегченно эпопеей" (там же, стр. 243). Понятно, что для уровня аналитичности, который обнаруживает Юрий Олеша, надо созреть. Райс в этом плане безнадежен. Для него "новаторство" заключается лишь в том, чтобы "смело" выкрикнуть: "долгой рифмованный стих!" или "долгой реализм!" Усмотреть же новизну вне сферы таких выкриков, вне оболочки "манифестов" и "деклараций", в глубине традиции, быть может, в пределах жанра, а не обязательно в его "ниспровержении", – для этого надо быть профессионалом типа *писателя* Юрия Карловича Олеша, рассуждающего о творчестве *писателя* Льва Николаевича

Толстого.

Впрочем, в конце концов, нелюбовь Райса к Толстому – его частное дело. Странно, однако, что редакция "Граней" приурочила публикацию его геростратовской статьи ко времени празднования столетия десятилетия Толстого юбилея. Что это: молчаливая солидарность с автором? Стремление выглядеть "неконсервативным" органом прессы? Дешевое оригинальничанье, пренебрегающее все "границы"?

По части всевозможных натяжек и передержек статья Райса побивает любые рекорды. Не только в отношении Толстого он "не ведает, что творит" (а, может быть, слишком хорошо "ведает"?). Вот квинтэссенция его восприятия Солженицына. Райс настойчиво твердит: в жанре романа ничего хорошего создать нельзя. Солженицын как будто совсем не подтверждает этого. Тогда Райс, ничтоже сумняшеся, плетет следующую несусветицу:

"...Сила... шедевров, таких, как "В круге первом" или "Архипелаг ГУЛаг", отнюдь не в том, что они "романы", а в их потрясающем фактическом содержании, несколько не вымышленном... Эти книги относятся к категории политического памфлета и документального свидетельства куда больше, чем к категории романа." (№ 107, стр. 172).

Видите, читатель, как тасует карты г-н Райс? "Архипелаг ГУЛаг" – *не роман* и смешно это "доказывать", а "В круге первом" – *роман*, и смешно это отрицать. Г-н Райс продельвает как раз все эти смешные несообразности: он говорит, что "Архипелаг ГУЛаг" – шедевр, поскольку романом он не является, а "В круге первом" Райс хочет незаметно припилить к "документальной прозе", хотя это, безусловно, *роман* классического образца.

Чувствуя, что концы с концами у него не сходятся, Райс далее пускается во все тяжкие. "...Серия, начатая "Августом Четырнадцатого", задуманная и выполняемая как роман... – явно неудачна и приходится только пожалеть, что наш гениальнейший современник так непроизводительно тратит свое время и свои силы, столь необходимые для других целей" (стр. 172-173).

В этом пассаже бездумность г-на Райса умеряется лишь его лицемерием. Его комплименты в адрес гениальности Солженицына насквозь фальшивы, ибо в чем же он усматривает "гениальность Солженицына", если фактически отрицает его писательский талант, который всего ярче проявился именно в серии, начатой "Августом Четырнадцатого"? В своем брюзжании против этого романа наш "дерзкий новатор" Райс неожиданно смыкается с таким "консерватором" от литературы, как Роман Гуль (см. брошюру последнего "Читая "Август Четырнадцатого" А.И.Солженицына." Нью-Йорк, 1971).

Но недостаточно! Список логических передержек, фактических ошибок, проявлений "геростратовского комплекса" в статье Э.Райса можно было бы еще длить и длить. Странно, что всего этого не заметили в редакции журнала "Грани", которой следовало отмежеваться хотя бы редакционным примечанием от столь вздорно "дискуссионной" статьи. К счастью, Геростратам наших дней не всегда удается сжечь храмы, на которые они посягают; чаще всего они – самосжигатели. И потому Лев Толстой оста-

нется Толстым, Солженицын – Солженицыным; романы будут писаться вопреки г-ну Райсу и уж никак не по его рецептам. А статье новоявленного Герострата из "Граней" суждено либо полное забвение в будущем, либо печальная "слава" литературно-дилетантского курьёза.

ПОЗДРАВЛЯЕМ З.А. ШАХОВСКУЮ.

По случаю избрания Зинаиды Алексеевны Шаховской Почетным Академиком Римской Академии Наук (Отдел литературы) Редакция "Современника" присоединяется к многочисленным поздравлениям по её адресу. Все мы знаем и ценим её вклад в русскую зарубежную литературу и журналистику, её руководство газетой "Русская Мысль" в качестве Главного Редактора. Ныне З.А.Шаховская является почетным директором "Русской Мысли", продолжая кипучую творческую деятельность, постоянно откликаясь на события общественной и культурной жизни.

"Современник" желает З.А.Шаховской дальнейших успехов на её славном пути в литературе русского Зарубежья.

Редакция "Современника".

Проф. ТЕМИРА ПАХМУСС

ВЕРА БУЛИЧ, РУССКИЙ ПОЭТ В ФИНЛЯНДИИ

"В стихах Веры Булич впечатление какой-то хрупкой, как бы "фарфоровой" законченности", – писал Георгий Адамович в газете "Последние Новости" (№ 6255). В том же году в газете "Возрождение" (№ 4135) Владислав Ходасевич выразил следующее мнение о поэзии Веры Сергеевны Булич: "По вкусу и изяществу Вере Булич сейчас принадлежит одно из первых мест в нашей поэзии". Несмотря на высокую оценку двух выдающихся по эрудиции и художественному вкусу критиков, творчеству Веры Булич не отводится должного места в истории русской литературы. Данная статья ставит целью частичное восполнение этого пробела.

Вера Булич, дочь заслуженного профессора Петербургского университета и директора Высших женских (Бестужевских) курсов С.К.Булича, специалиста по русскому языковедению и истории музыки, родилась и получила образование в Петербурге. С большим трудом и опасностями для жизни профессор Булич покинул Петроград в 1920 году и поселился в Финляндии, в своем имени Куолемаярви.

В Финляндии Вера Булич работала в Славянском отделе библиотеки Гельсингфорского университета. Когда в 1947 году был учрежден Институт по изучению СССР и Библиотека Общества "Финляндия – Советский Союз", она получила назначение на должность библиотекаря Института. Горячо любившая русскую книгу, Вера Булич работала в обоих учреждениях с большим энтузиазмом. В Институте она создала большую библиотеку (свыше двадцати тысяч томов) с богатым справочным отделом по многим областям русской и советской культуры и науки.

В те годы в Финляндии была живым ключом русская культурная и общественная жизнь. На вечерах поэзии читались стихи Апухтина, Анны Ахматовой, Бальмонта, Веры Булич, Максимилиана Волошина, Зинаиды Гippiус, В. Сирина, Игоря Северянина, Е. Таубер, Тютчева, Ходасевича.

4 июня 1934 г. в Выборге состоялся "Вечер сказок и стихов Веры Булич", устроенный Е.А.Пражковой и ее кружком. 27 марта 1947 г. был устроен "Литературный вечер Веры Булич – из финской лирики", на котором она читала свои переводы стихов Уно Кайлас и Катри Вала – созвучных ей финских современных поэтов. На этом вечере она также изложила проблему перевода стихов финского стихосложения на примере своих переводов. Стоявшая в центре литературной жизни в Финляндии, Булич была и одним из лучших знатоков русской художественной литературы в Скандинавии.

Выполняя ответственные задания в Славянских отделах Университетской библиотеки и библиотеки Института, Вера Булич вела большую переписку с русскими писателями и читателями в эмиграции и в Советском Союзе, например, с Юрием Иваском, А. Гингером, Анной Присмановой, Борисом Зайцевым, К. Гершельманом, С.А.Риттенбергом и многими другими. С приезжавшими в Финляндию советскими писателями – Ильей Эренбургом, Тихоновым, Фадеевым, она устраивала собеседования в библиотеке Института. Эмиграционная литература привлекала ее, однако, сильнее. С большим восхищением она читала произведения Сирина, особенно его роман "Дар", ставший чуть ли не настольной книгой Булич. Из русских художников ей были близки Врубель, Левитан, Рерих, Сомов, Добужинский и Лукомский. По ее словам, живопись она любила с поэтической – не живописной – точкой зрения. Русская и западно-европейская графика также была предметом ее занятий. Вера Булич интересовалась философией и иностранной литературой. Гершензон, Бердяев, С. Франк, Лев Шестов, Лао-Цзи, Шопенгауэр, фон Кайзерлинг, Гофштеттен, Оскар Уайльд, Томас Манн, Флобер, Метерлинк и Виктор Гюго были ее частыми "собеседниками" в одинокие вечерние часы. Теория стиха, основы стихосложения и объективный критерий литературной критики также стояли в центре ее внимания. Тетради ее полны выписками из трудов В.Брюсова ("Опыты"), В.Жирмунского ("Рифма, ее история и теория"), Н.Чеботарева ("Возникновение искусства"), Л.Гроссмана ("Борьба за стиль"), К.Мочульского ("Александр Блок"), а также из статей Георгия Адамовича и Владимира Вейдле о поэзии. В них также много выписок из произведений Д.С.Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Анны Ахматовой, Ф.Сологуба, А.Блока, О.Мандельштама, В.Сирина, А.Ладинского, Л.Червинской, Георгия Иванова, Д.Кленовского, Ирины Одоевцевой, Георгия Раевского, В.Смоленского, Анны Присмановой, Юрия Одарченко, Анны Головиной, Н.Туровой, Л.Кельберина, Софии Прегель, Раисы Блох, Веры Инбер, Н.Рыленкова, Ивана Елагина и многих других поэтов эмиграции и Советского Союза.

Вера Булич начала писать стихи с десяти лет; с 1920 года она стала печататься в гельсингфорских газетах и журналах: "Новая Жизнь", "Новые Русские Вести", "Журнал содружества"; в Берлине – "Руль"; в Таллине – "Таллинский Русский Голос" и сборник "Новь"; в художественно-литературном журнале "Наш огонек" (Рига); в "Современных Записках" (Париж); в литературно-художественном журнале "Новоселье" (Нью-Йорк) и в антологиях "Якорь" (Берлин), "На Западе" (Нью-Йорк) и "Муза Ди-

аспоры" (Франкфурт на Майне). Ее стихи и рассказы печатались в шведских и финских периодических изданиях. Рецензии и переводы ее выходили в русских, шведских и финских газетах и журналах. Они касались творчества Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Иннокентия Анненского, Бальмонта, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Георгия Иванова, Марины Цветаевой, А.Ладинского, Давида Кнута, Лидии Червинской, Бориса Поплавского и других "новых поэтов". Критический обзор и анализ прозы Тургенева, Бориса Зайцева, В.Вейдле, Сергея Шаршуна и сборников "Числа" составляли содержание других ее статей. Писала она и шуточные стихи, эпиграммы (например, на Вадима Андреева), этюды в прозе, сочинения о музыке, сценарии балета ("Солнечный зайчик"), рассказы ("Черноголовка", "Воскресенье", "Два мира"), сказки в стихах ("Лягушонок КваКувак", с иллюстрациями Вл. Щепанского), сказки в прозе ("Паучок-забавник", "Сказка весеннего ветра") и т.д. Сказка "Снегур Пряничное Сердце" (в двух действиях) была с большим успехом поставлена режиссером А.И.Зайцевым на сцене Русского театра в Финляндии. Ее сказки на шведском языке печатались в Стокгольме, где Вера Булич участвовала в радиопередачах по-шведски (а в Финляндии – по-фински) на тему "Творчество советских писателей" (Константин Паустовский, Галина Николаева, Маргарита Алигер и другие).

В 1927 году Булич издала в Финляндии, на финском языке, а в 1931 году в Белграде по-русски, два тома сказок для детей. Оригинальные по замыслу, сказки подкупают читателя искренностью чувства и мягкими, акварельными красками. Их удачная композиция поддерживает внимание читателя в продолжение всего повествования. В сказках много ярких, рельефных изображений, живо передающих основную мысль автора и, таким образом, смягчающих нравоучение в основе сюжетных положений. Вся книга проникнута теплым чувством и глубокой лаской к юному читателю.

В 1934 году в Гельсингфорсе вышел сборник стихов Веры Булич "Маятник" – первая книга стихов, в 1938 году в Таллине – второй сборник "Пленный ветер", в 1947 году в Гельсингфорсе – "Бурелом" и в 1954 году в Париже – сборник "Ветви". Для поэзии Булич характерна большая любовь автора к природе. Эта любовь нашла свое воплощение в стихах, составляющих, по ее признанию, главное содержание всей ее личной жизни, "неожиданный подарок" ей от Музы. В одном из писем Вадиму Андрееву она пишет:

"... Я часто раздумываю над тем, что у меня почти нет таких стихов, которые должны были бы быть написаны при любых обстоятельствах, что все мои стихи были более или менее случайны. Была бы другая жизнь – были бы другие стихи. Есть явления, чувства, вопросы, которые играют большую роль в моей жизни, но которые не нашли отражения в стихах, только потому, что проекционный луч не упал на них, не выхватил какой-то детали, необходимой для того, чтобы – звено к звену – потянулась цепочка образов и звуков. Я задумываю и не осуществляю, потому что не звучит, жду "данной строки" и не могу дождаться.

То единственное начало, что стоит за мной и посылает свои лучи по прихоти, по своему усмотрению, — глухо к моим мольбам. Оно самодержавно и требует повиновения. Поэтому каждое новое стихотворение — неожиданный подарок."

В дневнике Булич от 1 марта 1953 года мы находим очень показательную для ее мироощущения запись: "Отсутствие счастья ощутительнее отсутствия денег. Что может против этого социализм? Он не скажет: "Возьми счастье у тех, у кого оно есть, раздай его неимущим." Он вынужден будет сказать так, как говорит христианство: "Смирись, прими свою судьбу, забудь о себе, работай на пользу других." Тогда для чего же было отходить от христианства?" Глубокая христианская вера, смирение перед судьбой и мужество в моменты мучительных страданий не оставляли поэта до последнего дня ее жизни. Эти же настроения присутствовали в ее поэзии.

Для стихотворений Булич характерно полное соответствие между формой и содержанием. Одаренная чутьем формы, Булич писала четкие, хорошо построенные стихи. Ее богатый и яркий словарь, удачные эпитеты и образы (например, "тяжелая медовая луна" в "Маятнике"), легкий для слуха стих и "вечные" темы поэзии — Бог, природа, любовь, разлука, смерть — являются отличительными чертами ее поэзии. Ее лейтмотивы — грусть, разочарование, одиночество — указывают на сходство с поэзией Анны Ахматовой: та же интимность повествования, тот же женский мир любви и страха быть оставленной, забытой "им", та же беспомощная взволнованность и почти тот же "он". Поэт скорбит о мимолетности счастья, неверности слов и о необходимости женского смирения перед судьбой. Стихотворная техника Булич, однако, совсем другая, чем у Ахматовой: Булич отдавала предпочтение глаголам действия, благодаря чему создается быстрое следование речи и ритма; для передачи женских эмоций Ахматова пользовалась, главным образом, именами существительными, останавливающими внутреннее движение стиха и направляющими внимание читателя на передаваемое стихотворением чувство. Но "Маятник" — это также интимный рассказ женщины, тон которого скрывает строгость в построении стиха, и, как у Ахматовой, у Булич — пушкинская легкость в распределении предложения по строчкам. В них нет монотонности лирического повествования и повторения образов. В сборнике много удачных по художественному мастерству и настроению описаний солнечного дня ("Полдень", "Июнь", "Весна" и "Бесстрастие").

Отметив большой поэтический талант Веры Булич и ее тонкий художественный вкус, Ходасевич в "Возрождении" от 27 сентября 1934 года сравнил ее стихи с поэзией Александра Блока. Действительно, сходство с Блоком проявляется в тех стихах, в которых она грустит о зыбкости всего земного и о страдании человеческого сердца в стремлении к абсолютному и вечному. От Марины Цветаевой Булич унаследовала неполные рифмы, некоторые словообразования и даже поэтический словарь (см., например, "Колыбельная"). Встречаются у нее подчас причудливые футуристические образы (например, "Реклама неба — розовый закат"). Несколько банальных или перегруженных чужими, непережитыми образами мест, риторические элементы и литературные шаблоны относятся к не-

достаткам и пустотам сборника. Но живое, непосредственное чувство, собственный голос неизменно прорываются через художественную ткань стиха, например, в стихотворении "Найденный листок":

Семьдесят три года назад,
– Как побледнели чернила! –
Чья-то рука.. Исчез аромат.
Мрак. Забвенье. Могила.

Тайна радости, тайна слез.
Чья-то рука написала
Кратко: 'Comme je suis malheureuse...'
Разве этого мало?

Дата: июнь. Весна, как теперь.
Белые ночи все те же.
Та же и радость, и боль потерь.
Счастье земное лишь реже.

Бедный мой друг. Времени нет.
Есть лишь воля Господня.
Горе твое через семьдесят лет
Стало моим сегодня.

Юрий Мандельштам в своей рецензии на "Маятник" обратил особое внимание именно на "Найденный листок": "Этим стихам могли бы позавидовать многие. В них звучит подлинная и неприкрашенная поэзия." ("Числа", № 10, Париж, 1934, стр. 289-290). Критик был поражен полным отсутствием эгоцентризма в сборнике. Действительно, "Маятник" выражает сочувствие к другому и понимание его страданий, неразделенной любви и тоски по родине. Таким образом, уже в своих ранних стихах Вера Булич выступает как подлинный поэт, одаренный собственным лирическим голосом и большим формальным мастерством.

Эти черты стоят на первом плане в следующем сборнике "Пленный ветер", в котором уверенная техника, точность и четкость рисунка и выражений бросаются в глаза чуть ли не с первых строчек книги. Очень хороши рифма, ритм, синкопы и повторы. Сергей Горный удачно назвал книгу "подсознательной, глубинной, музыкальной переработкой поэзии Ахматовой." ("Русское Слово", Варшава-Вильна, 24 февраля 1938 г.). Весь сборник можно сравнить с пленительной симфонией, слагающейся из музыки отдельных, глубоко индивидуальных строф.

"Пленный ветер" отличается общая направленность в развитии темы борьбы пленного в человеческом существе духовного начала с эмпирической действительностью. Особенной четкостью и законченностью формы отличаются стихи о Дон-Жуане, "И снова Пятница Страстная", "Музыка-душа", "Райский бред", "Весенняя податливость земли" и "Старый фильм". Г.Адамовича поразили ритмическая легкость, выразительные

прилагательные в стихотворении "Услышать снова музыку глухую":

Услышать снова музыку глухую,
Увидеть отблеск райского луча
И, тяжесть вновь почувствовав живую
Крыла, раскрывшегося у плеча,

Поверить, что возвращена свобода
И силы нерастраченной тепло,
И бьется вновь у замкнутого входа,
Как бабочка залетная в стекло?
Судьба слепа, жестока, непреложна.
А крылья пленные еще дрожат...

... Я бабочку снимаю осторожно
Рукой с окна и выпускаю в сад.

Тоска по воле, простору создает новое настроение в сборнике по сравнению со стихами более раннего времени. Воля и простор связаны с ощущением счастья в поэзии Булич, как она об этом пишет в своем дневнике за 1937 год: "Простор моря и неба, и просвет, простор души. Простор дает чувство счастья, а счастье выражается чувством простора". В письме Булич от 29 марта 1938 года Борис Зайцев дал следующую характеристику сборника: "Настоящие стихи – настоящий поэт. Есть еще культура духовная, свобода, искусство".

Простор и свежий прозрачный воздух наполняют книгу стихов "Бурелом". Ночной пейзаж, меланхолия, глубокая музыкальность, ясные образы, отсутствие мажорных нот и восклицательных интонаций определяют тональность сборника. В волшебный мир поэта внезапно ворвалась война со всеми разрушениями и ужасами. Ритмическая музыкальность проникает грустное стихотворение о лермонтовской сосне, цитируемое ниже:

Шелест лыж по целине озерной,
Белизна и тишина.
На мысу пустынном тенью черной
Лермонтовская сосна.

В белом царстве, в снежном сне глубоком
Пальмы ли виденье? – Нет,
В строгом созерцанье одиноком
Ровный снежный след.

Лишь в стихах столетних и доныне
Память о мечте жива,
О душе, тоскующей в пустыне,
О родной душе слова.

Но они звучат далеким звоном
В замкнутой пустынной тишине.
Реет редкий снег... Иду с поклоном
К одинокой северной сосне.

В "Буреломе" есть и слабые строчки: например, в "Медали за оборону Ленинграда" изобилие рокошущего "р", создавая впечатление рассыпанной повсюду железной дробы, уничтожает музыкальную основу стиха. Старые поэтические шаблоны, характерные для "патриотических" песен Ф.Сологуба во время Первой мировой войны и Анны Ахматовой периода Второй мировой войны, также звучат диссонансом. Но по общей свежести и непосредственности "Бурелом" стоит на уровне лучших образцов русской поэзии.

Не только в эмиграции (Юрий Терапиано, Сергей Горный, К.Гершельман) горячо приветствовали появление "Бурелома", но даже в советской России он получил высокую оценку как произведение "пушкинской школы", по выражению поэта Анатолия Ладинского, вернувшегося из эмиграции в Москву после Второй мировой войны. ("Советский патриот", 31 октября 1947 года).

Умелая техника стихосложения, дар композиции, неподдельное лирическое дыхание присущи и четвертой книге стихов Веры Булич "Ветви". Только здесь больше грусти и недоумения человека перед загадками бытия. Даже воспоминания о прошлом не отвлекают от созерцания вечного и абсолютного. Тут нет никаких внешних эффектов – только сухая выразительность и законченность каждого стихотворения. Оригинальна "архитектура" стихотворения "Зеркальный вечер" с использованием образа зеркал, отражающих человеческую жизнь во всех ее многообразных положениях. Стихотворение, цитируемое ниже, раскрывает личную концепцию поэзии Веры Булич:

Не ремесло, доступное для всех,
Вступающих в трудолюбивый цех.
О нет, не ремесло, не мастерство,
А неожиданное волшебство.

Когда к избранному для краткого союза
Летит с высот стремительная муза,
И в этом тайном съединеньи двух
Одной дан голос, а другому слух.

И цель одна – подслушать, уловить
Мелодии прерывистую нить.
Не знаю почему, зачем, откуда –
Принять и передать хоть отблеск чуда.

В.В.Вейдле в письме к Вере Булич от 7 июля 1954 года (к сожалению, уже не заставшего ее в живых) выразил мнение, что в книге "Ветви" стихи "стройнее, чем прежние, а главное – сквознее". Анна Присманова назвала книгу "действительно ветвями чистого, строгого, благо-

родного дерева".

Уже смертельно больная, Вера Булич сама выправила корректуры сборника, присланные ей поэтом Александром Гингером из Парижа по поручению Сергея Маковского. Одним из самых последних стихотворений, написанных ею незадолго до смерти, является "Мелодия":

Звенит, звенит мелодия одна,
Как жалоба и как мольба она.

Звенит, томит, витает надо мной
И слова ищет в темноте ночной.

И разрешенья грусти не найдя,
Уходит в ночь и плачет, уходя...

Вера Булич умерла 2 июля 1954 года, через несколько недель после выхода книги "Ветви", от рака легких. Сообщение о ее смерти появилось во всех русских в Финляндии и в Париже, шведских и финских газетах. Погребение состоялось на православном кладбище Лайиник в Гельсингфорсе.

ЕКАТЕРИНА КУЛЕШОВА

ПЕРЕПЕВНАЯ ПОЛИФОНИЯ В "МЕЛКОМ БЕСЕ" СОЛОГУБА

В предисловии ко второму изданию "Мелкого беса" Федор Сологуб пишет: "Этот роман – зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно... уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно." Трудился Сологуб над своим шедевром десять лет (1892-1902); в 1905 году роман был впервые напечатан в журнале "Вопросы жизни", а в 1907 году вышел отдельным изданием и до 1913 года переиздавался семь раз. Крылатое слово "передоновщина" сразу же вошло в обиход русской жизни и литературы, как и "мертвые души", "обломовщина" или "человек в футляре". В художественном отношении это – "прехитрая вязь", которую продолжают расшифровывать современные исследователи. (1). В "Мелком бесе" сочетается простота изложения с символической насыщенностью, сатира с темой сумасшествия, идея пошлости с своеобразной концепцией красоты. К художественным особенностям романа относится и пародийный элемент, которому еще не было

уделено внимания в критике. В историю Передонова вкраплены перепевные (т.е. пародийные) мотивы или переключки с произведениями таких писателей, как Пушкин, Гоголь, Достоевский и Чехов, не говоря уже о "Дон Кихоте" Сервантеса.

В концепции жанра пародии не только отрицание пародируемого: "чужие слова" или перепевные мотивы могут вводиться в повествование с целью вселить в них новое осмысление, заставить служить их новым целям. (2). В своей книге о Достоевском М.Бахтин определяет полифонию как множественность полноценных голосов в пределах одного произведения. (3). Разные голоса героев Достоевского "поют" различно на одну тему. В этом "многоголосье" раскрывается многообразие жизни и много-сложность человеческих отношений. Почти каждый из ведущих героев романов Достоевского имеет по нескольку двойников, по-разному его пародирующих. С ориентацией на Достоевского и Сологуб создает двойников своему главному герою Передонову не только в образах Володина и бесовской недотыкомки, но и в форме переключки с героями своих знаменитых предшественников.

Даже заглавием романа "Мелкий бес" Сологуб как бы бросает вызов и Пушкину, и Гоголю, и Достоевскому с их идейным изображением бесовщины в сознании и жизни человека. Фамилия героя "Передо-нов" намекает на то, что автор собирается *переделать дону* (дворянина). Не только в смысле, но и в созвучии "Передонов" передается мысль о чем-то перевернутом кверху дном. Такое "передельвание" или "перевертывание" мотивируется отрицательным отношением Сологуба к русской литературе XIX века: "В истории прошлого столетия мы видим безобразную коллекцию... русская литература только в лице Лермонтова представила чистый и обаятельный образ доподлинно великого поэта и воистину великого человека". (4). Любопытное мнение, не правда ли? Любопытное, конечно, не со стороны своего объективного значения, а исключительно с точки зрения характеристики воззрений Сологуба на жизнь и ценности словесного искусства.

В психологическом разрезе образ Передонова переключается с Поприциным в "Записках сумасшедшего" Гоголя и Голядкиным в "Двойнике" Достоевского: как и они, он страдает манией величия, манией преследования и душевным заболеванием. Мотивировка в драме Поприщина и Голядкина – замкнутое сознание, развившееся на эротической подпочве в полнейшем отчуждении от потока живой жизни. Сологуб же окружает своего героя "друзьями", за ним охотится каждая сваха и невеста в городе. Передонов мечтает о карьере инспектора уездных училищ, т.е. о *ревизорстве*. Ради осуществления этой мечты он проделывает обход значительных лиц города (по мотиву Чичикова), попадает в капкан женитьбы, затем убивает своего двойника и теряет рассудок. Внешне сюжетная линия Передонова проста, но на ней, как на нити, нанизаны бусинки зарисовок пошлости и пародийной переключки. Перепевные мотивы распределены, как веши, отмечающие стадии развития болезни Передонова. Две общеизвестные темы – ревизорство и женитьба – введены Сологубом уже в экспозицию романа, из них развивается сюжетная линия Передоно-

ва, они же служат мотивировкой появления "мелкого беса" в его сознании. На первой же странице романа, выйдя из церкви, он говорит своим друзьям о женитьбе на Варваре, которая, якобы, через княгиню Волчанскую может осуществить его мечту о ревизорстве. У бывшей портнихи-приживалки княгини и многолетней сожительницы Передонова есть соперницы: сестры Рутиловы, Марта и сестра Софьи Преполовенской.

Параллельно с обобщенной переключкой с Гоголем развивается переключка с Пушкиным. Передонов даже повесил портрет Пушкина на самое видное место. (5). Из "Пиковой дамы" взяты некоторые сюжетные особенности и бесовщина карт. Судьба Передонова, как и судьба Германа, зависит от старухи, с которой он готов вступить в любовную связь ради достижения своей цели. Тайну трех карт открывает Герману дух графини, о тайне ревизорства Передонов узнает от поддельного "духа" княгини в письме с петербургским штемпелем. Германн совершает роковую ошибку в картежной игре и, проигрывая, видит перед собой пиковую даму. На протяжении всего романа Передонов играет в карты, проигрывает и ведет борьбу с картами; пиковая дама преследует его во сне и наяву, а в последней стадии развития болезни он сжигает проклятые карты и в горящей пиковой даме видит старуху Волчанскую.

Страстная натура Германа скована расчетливостью, выигрыш должен был бы раскрепостить его эротические грезы и жажду власти. Комплекс Наполеона у Сологуба обретает форму комплекса ревизора; страсть заменяется похотью — сожительством с Варварой, мимолетной связью с замужней женщиной, "беспредметным вожделением" к молодым и красивым сестрам Рутиловым. Передонов не понимает "дионисических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе". Завуалированный миф Диониса является мерилom жизненной силы героев, как это доказал один американский исследователь. (6). "Дионисов огонь" у Сологуба отождествляется с полнотой и радостью жизни в настоящий момент, а не в каком-то далеком будущем: Людмила и Саша являются идееносцами этой концепции.

"Дионисов огонь" воспевается Пушкиным в "Сказке о царе Салтане" и "Русlane и Людмиле". Не случайно сологубовская героиня — Людмила, а Передонов стоит "подоль забора" в сцене выбора невесты. Передонов не подслушивает (какое благородство!), а посылает вестника с наказом вывести трех сестриц "под окно" для того, чтобы каждая поведала о своих талантах угождать ему в супружестве. В таком же порядке, как и у Пушкина, слышатся голоса сестриц: Дарья обещает печь вкуснейшие блины ("пир на весь мир"), Людмила — собирать и докладывать все сплетни ("плести" или "ткать" словесно), а Валерия намекает на все, что связано с рождением "богатыря". Передонов, было, ринулся по стопам царя Салтана, но одумался и зачурался от сказочного наваждения и, как гоголевский Подколесин в "Женитьбе", пустился наутек.

Сологуб награждает своего героя и привилегией анализировать "Евгения Онегина" — ведь он учитель! В его пошатнувшемся сознании возникает несуществующая аллегория при чтении: "Встает заря во мгле холодной,/ На нивах шум работ умолк,/ С своей волчихою голодной/ Выходит

на дорогу волк". Вот как Передонов объясняет эту аллегория: "Волки попарно ходят: волк с волчихой голодной. Волк – сытый, а она голодная. Жена всегда после мужа должна есть. Жена во всем должна подчиняться мужу".

Варвара, став женой Передонова, продолжает во всем подчиняться ему – женитьба ничего не изменила. Оставаясь образцом супружеской верности, Варвара выходит на дорогу "светской" жизни, как аллегорический антипод пушкинского идеала женственности. Переключкой с Пушкиным Сологуб вселяет в сознание Передонова извращенное и ненужное ему понятие о супружеской верности.

Мир передоновщины – "немой и таинственный склеп над могилой, где скрыта красота" (7). По Сологубу, следует разрушить этот склеп, воскресить не сказочную красоту любви, а красоту человеческого тела и ощущение этого дара в повседневной жизни смертного человека. Мещанство, по Сологубу, в своем отношении к человеческому телу знает только две крайности: или откровенный разврат или лицемерную стыдливость. Сологубовское понятие о красоте воскресает в сюжетной линии Людмилы и Саши. Мы знаем, что пушкинскую Людмилу похотливый Черномор в брачную ночь, но она в шапке невидимке спаслась от похоти колдуна. Сологубовская Людмила, чуть не попав в плен похотливого Передонова, освобождается от лицемерной стыдливости, обожеествляя красоту человеческого тела.

Судя по тематике романа, Сологуб отбрасывает или просто высмеивает идею семейного блага: роман населен вдовами, вдовцами и сиротами в прямом и переносном смысле. Во власти Передонова, отца-наставника по положению, находятся мальчики (Саша, Миша, Владя), которых опекают сестры (Людмила, Надежда, Марта). Передонов выискивает все предлоги, чтобы оклеветать своих питомцев и добиться им наказания. Он едет к отцу Влади только для того, чтобы быть свидетелем его наказания. Последние проблески сознания он тратит на распутывание "дела" Саши Пыльникова, будто бы переодетой девочки.

Передонов и пьяная компания топчут идею материнства и отцовства в сальной шутке. Память о собственной семье у Передонова связана с воспоминанием о курице, которая, якобы, в их имени несла по два яйца в день. В символе курицы – концепция материнства, а яйца – мужские атрибуты и эмбрионы жизни. Идея материнства в романе передается сестрам, которых Передонов отверг, а в прошлом пакостил своим родным сестрам.

В романе есть символически разрозненная семья. На протяжении всего романа вдова Вершина зазывает к себе Передонова и по-матерински вмешивается в его жизнь, вразумляет его относительно поддельных писем. В ее странном хозяйстве, где приютились брат и сестра (Владя и Марта), имеется образ отца и потенциального любовника. В пожилого вдовца с богатырским телосложением влюблена Марта, Вершина бережет его для себя, а Передонов испытывает страх от его прицела кием и громкого окрика "Пли!" – Передонову кажется, что он хочет застрелить его.

Фамилия отца-любовника – Мурин – взята из повести Достоевского

"Хозяйка", которая в свою очередь перекликается со "Страшной местию" Гоголя и смертью Ленского в "Евгении Онегине". У Пушкина "хозяйка" — символ души:

Недвижен он лежал и странен
.....
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно:
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.

У Достоевского молодой ученый и мечтатель Ордынов, переехав на новую квартиру, влюбляется в хозяйку. Катерина становится душой его жизни, но между ними стоит Мурин, образ отца-любownika, как и в "Страшной мести"

Совершив заклинательный танец со старой хозяйкой, Передонов со своей хозяйкой Варварой переселяется на новую квартиру, где в первый раз и появляется недотыкомка. Мурина дается ведущая роль в центральном эпизоде романа у хозяйки Вершиной, где слово "хозяйка" повторяется раз шесть устами Мурина и Передонова по отношению к Марте и Вершиной. В этой сцене Передонов иронически ставится в положение Ордынова. Дело не в полярности этих двух героев (один мечтатель, другой пошляк), а в полярности их отношений к Мурину. Ордынов готов убить своего соперника, а передонов уступает ему место, заметив влюбленные взгляды Марты и Мурина. Без "хозяйки" жизнь Ордынова потеряла смысл, "хозяйкой" же сознания Передонова становится недотыкомка. Хозяйка Вершина, похожая на колдунью, мстит Передонову за неуважение к "хозяйкам". Мурин же вторгается "ревизором" в деятельность нашего героя: играет в карты; во время веселья у Грушиной, когда Передонов обнаружил свое решение жениться на Варваре, раздается голос Мурина: "Пирог ешь, хозяйку тешь"; во время венчания, когда Передонова тревожит недотыкомка, появляется Мурин и принимает участие в свадебном пршестве. Судя по приведенным примерам, Мурин не эпизодический персонаж, а перепевно-метафорический образ.

Повестью "Хозяйка" Достоевский "отреагировал заложенный в нем комплекс отца" (8), а в уста Мурина вложил изречение о слабости человека, которое впоследствии выросло в диалектику Легенды о Великом Инквизиторе (9). Итак, образ Передонова обвивается еще одним перепевным мотивом.

Не оставлен без внимания и известный рассказ Чехова "Человек в футляре", о котором говорит Надежда Адаменко, самая образованная сестрица в романе. Передонов сватает за нее своего двойника Володина. Не трудно заметить сюжетные параллели между чеховским Беликовым и Передоновым: оба учительствуют, оба держат в страхе своих учеников и весь город своими причудами: Беликов собирается жениться на Вареньке, а Передонов женился на Варваре. По мнению Иванова-Разумника,

"видеть в Передонове развитие чеховского человека в футляре – значит совершенно не понимать внутреннего смысла сологубовского романа". (10). Опять-таки мы имеем дело с перепевным мотивом: Володин обещает прочитать рассказ господина Чехова, а Передонов заявляет: "Я не читаю пустяков. В повестях и романах все глупости пишут". Таково вступление в чеховский репертуар.

Во втором действии пьесы "Три сестры" Вершинин предлагает: "Давайте помечтаем... например, о той жизни, которая будет после нас, лет через двести-триста. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь". (11). Передонов и Володин "философствуют" на эту же тему: через двести-триста лет, мол, люди не будут работать – на все машины будут. "Да.. только нас тогда не будет" (отвечает Володин); "Это тебя не будет, а я доживу" (злобно возражает Передонов); "Дай вам Бог двести лет прожить да триста на карачках проползать" – весело говорит Володин.

Ясно, что чеховская вера в золотой век на земле "через двести-триста лет" находит себе карающую Немезиду в образе Передонова. Ведь и у него есть мечта, есть цель! Чем же его мечта об инспекторстве хуже мечты о золотом веке? Земной рай через двести-триста лет настолько же бессилён осмыслить настоящую жизнь, насколько инспекторское место не осмысливает жизнь Передонова, а, наоборот, приводит его к помешательству. Все самообман, самоублажение, как подтекстно передается в перепевной переключке "Мелкого беса".

Блок назвал роман Сологуба "прехитрой вязью, такой же тонкой и хитрой, как сама жизнь" (12), а самый замысел романа представлялся ему рассказом о власти недотыкомки и освобождения от нее в сюжетной линии Людмилы. А.Редько утверждает, что "Передонова нет в "Мелком бесе": существует только слово "Передонов" (13), т.е. метафорическое слово-образ, а не правдивый тип героя, отразившего многообразие человеческой природы.

Важно отметить, что у Сологуба не общеизвестное обличение мещанства и пошлости, а *полифония* этого обличения с целью передать "ужас перед мещанством жизни вообще" (14). Для полной ясности и обоснования такого предположения необходимо расшифровать символику недотыкомки в связи с перепевными мотивами.

Диалектное слово "недотыкомка" означает что-то, до чего невозможно дотронуться – установить логический смысл или обличить природу этого зла. По Блоку, это ужас житейской обыденщины, уныния, отчаяния, бессилия (15). Интересно то, что во время работы над "Мелким бесом" это чудовище настолько мучило самого автора, что он должен был "закураться" от него стихотворным заклинанием "Недотыкомка серая" (1 октября 1899 г.). В этом стихотворении недотыкомка отождествляется с "Лихом", что, в свою очередь, переключается с "Повестью о Горе-Злосчастии" семнадцатого века. В этой повести Лихо-Злосчастие является олицетворением идеи самоутверждения человека вне Бога – безымянный молодец повести, презрев все христианские заветы родителей, пытается найти удовлетворение в распутстве, обманных почестях и богатстве, а Горе-Злосчастие испепеляет его. Тема самоутверждения

человека вне Бога приводит нас к "Бесам" Достоевского и к бредовому насекомому Ипполита в "Идиоте", к символу его самоутверждения и страха перед всем злом в мире (16).

Кроме того, А.Филд отметил, что пушкинский вариант этого термина ("недотыкка") вошел в лексикон современников Сологуба в связи с образом кичливой проститутки, например, в рассказе Зинаиды Гиппиус (17). Итак, в символике недотыкомки перепевно сочетается тема самоутверждения человека вне Бога с эротикой и ужасом перед мещанской жизнью вообще.

На новой квартире, когда служили молебен, в сознании Передонова появилась "маленькая тварь неопределенных очертаний – маленькая, серая, юркая недотыкомка". Именно "серая", а не черная, как черт; не смешная, как в ранних повестях Гоголя; не серьезная, как в бреду Ивана Карамазова, а просто "мелкая". После появления недотыкомки на бедного Передонова обрушились, как говорят, тридцать три злосчастия: обманутый муж разбил ему очки, пропало письмо от княгини, ученики озлобились, директор гимназии предложил ему выйти в отставку после скандала в клубе, а карты ухмылялись и досаждали подсматриванием. Все лих в картах – решил Передонов и выколол глаза всем королям и дамам. В это время ему доставили забытую у хозяйки шляпу, "хранящую следы былого великолепия". О ужас! – в эту шляпу наколдовала хозяйка. Недотыкомка же бегала под стульями и хихикала.

После того, как Передонов получил второе поддельное письмо, он стал чаще ходить в церковь. В церковных обрядах ему чудилось злое колдовство, недотыкомка издевалась над ним в церкви, пожирала живую жизнь зеленой травы и перевоплощалась в пиковую даму во время карточной игры.

Весь предметный и человеческий мир, казалось, был против Передонова; даже природа казалась враждебной, когда он ехал на венчание в церковь. Во время же венчания недотыкомка спряталась под ризу священника. Столь богохульное поведение недотыкомки возбуждает в Передонове дремавшие силы преступника: он покушается на недотыкомку с топором в руке (по мотиву Раскольникова), раскалывает ножом (Рогожина!) головы карточных фигур (Германна!), убивает клопа и начинает считать себя "тайным преступником". "Смутные воспоминания шевельнулись в его голове... безумный ужас в нем выковал готовность к преступлению... древний демон, дух довременного смешения, дряхлый хаос" вселился в душу безумца. Такому ужасу проникновения в человеческую психику мог бы позавидовать и Достоевский!

"Достоевщина" сливается с "передоновщиной" в бормотании героя "есть же и правда на земле" и в ремарке повествователя: "Передонов стремился к истине... но не мог найти для себя истины и запутался, и погибал". Гоголевский бес пошлости не допускает таких откровений – в нем духовная слепота и самодовольство. "Бесы" Достоевского страшны своим самоутверждением вне Бога – человекобог Кириллов, революционер Петр Верховенский. Передонов где-то между гоголевским чертом и

бесами Достоевского. Недаром он клянется перед предводителем дворянства Веригой (Цепью) в своем дворянстве и упорно доказывает, что он не социалист, а перед непонятными новшествами Кириллова, председателя земской управы, испытывает тоску и страх.

Недотыкомка *катается* вокруг Передонова, когда он сочиняет письмо княгине и "замирает от дикого сладострастия" к стопятидесятилетней старухе. Старухе не может быть 150 лет, а русской литературе со времени Ломоносова до Сологуба приблизительно столько лет. Невозможно пропустить и эту перепевную деталь.

Сцена маскарада является кульминационной: все ведущие персонажи (кроме Вершиной и Мурина) собрались на это торжество пошлости и эротики, а недотыкомка становится полной "хозяйкой" сознания Передонова; главный герой и его двойник без масок. Людмила в костюме цыганки нагадала Передонову смерть, Валерия в наряде испанки нашептывает ему о страстных поцелуях, а турчанка Дарья вручила Володину, многократно отвергнутому жениху, любовное письмо. Из-за Саши Пыльникова, преобращенного сестрами в гейшу, затевается безобразный скандал. Именно в это время, завладев рукой Передонова, недотыкомка поджигает "здание, где совершаются такие страшные и непонятные дела". Здание сгорело, но Передонова никто не "обличил" в поджоге: недотыкомка ловко отуманила зрячие очи и здравый рассудок мещан.

Жаба преступления и наказания уже проснулась в Передонове в связи с недотыкомкой. Бес пошлости и мещанства у Гоголя не способен на преступление; бесы же Достоевского не мещане, а дворяне-интеллигенты (Раскольников, Петр Верховенский), страстный фанатик Рогожин и незаконнорожденный Смердяков.

Сологубовский убийца – дворянин-интеллигент, измелчавший в мещанстве, но не утративший стремление к "идеалу". Жертвой же его оказывается "маленький человек" – тупой и смиренный Володин, тень самого Передонова. Эта баранообразная тень следует за ним повсюду, страшит его на перекрестке; он пытается избавиться от нее в женитьбе, отделить ее от себя буквой "П" на своем теле. Этот мелкий "владелец мира" является инициатором инсценировки казни над хозяйкой. Передонову чудится, что Володин с помощью Варвары способен убить его и овладеть его иллюзорным ревизорством. Не желая расстаться со своим идеалом, Передонов убивает мнимого соперника. В переносном же смысле Сологуб казнит тему "маленького человека", столь популярную в русской литературе XIX века. Эта аллегория подтверждается другим произведением Сологуба, написанном почти одновременно с "Мелким бесом": в пародии "Маленький человек" (1904-06) тоже имеется перепевная переключка с произведениями Гоголя и Достоевского; а главный герой, приняв волшебную жидкость, предназначенную для огромной жены, уменьшается до тех пор, пока совершенно не исчезает.

Эпиграф романа "Я сжечь ее хотел, колдунью злую" взят из стихотворения, которое Сологуб написал 19 июня 1902 года, заканчивая свой роман. В этой аллегории "колдунья" не сгорела, а только восстановила свою красу в огне, окуталась "магической одеждой" и сказала: "Безумен ты! В моих загадках Ты не найдешь своих надежд" (18). К кому или к чему относятся эти слова? Быть может, к обличительному направле-

нию ("огню") в русской литературе, в русло которой Сологуб включает и свой роман. После "Мелкого беса" Сологуб больше не пытался обличать мещанство, а ушел в фантастику и красоту "Творимой легенды", но ему больше не удалось создать ни одного произведения такой силы и убедительности, как "Мелкий бес".

"Колдунья" истинного искусства торжествует в зеркале сюжетной линии Передонова; но эта "колдунья", как и в стихотворении, не дает ответов на вековые вопросы... как не давали их упомянутые шедевры предшественников Сологуба. Обвивая образ своего героя перепевными мотивами, Сологуб расширил и углубил концепцию "передоновщины". Он наделил гоголевскую пошлость ужасами преступления и самоутверждения человека вне Бога, а пиковая дама первого шедевра русской прозы вторглась хозяйкой и судьбой в сознание сологубовского героя. В ревизорстве — карающая сила; в женитьбе должен был бы быть "Дионисов огонь", как в сказках Пушкина, но вместо него чеховский футляр и чиновничество. Все это, по Сологубу, затемняет Истину живой жизни в данный момент. В поисках этой "истины" Сологуб "с головой бросился в синопсизм" (19).

Остается добавить только, что вкрапливание пародийных мотивов в роман или повесть является характерной чертой русских шедевров от Пушкина до Чехова. В этом отношении Сологуб остался верен традиции русской литературы в своей "прехитрой вязи".

Примечания:

1. Галина Селегень. "Прехитрая вязь" (Символизм в русской прозе: "Мелкий бес" Федора Сологуба). Вашингтон, Изд. Виктора Камкина, 1968. Murl Barker. 'The Novels of Fedor Sologub'. Ph. D. diss., Yale Univ., 1969; Linda Ivantis. 'The Grotesque in F. Sologub's Novel, 'The Petty Demon'. Univ. of Wisconsin, Ph.D. diis., 1973; Kay Robbins. 'The Artistic Vision of Fedor Sologub: A Study of Five Major Novels'. Univ. of Washington, Seattle, Ph.D. diss., 1975.
2. М.Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, стр. 264.
3. Там же, стр. 47.
4. Ф.Сологуб. О "Грядущем хаме" Мережковского. — "Золотое Руно", № 4, 1906, стр. 102-103.
5. Ф.Сологуб. Мелкий бес. М.—Л., "Академия", 1938, стр. 280. Все дальнейшие ссылки на текст романа — из этого издания.
6. G. J. Thurston. 'Sologub's 'Melkiy bes'', The Slavonic and East European Review, vol. LV, No. 1 (January 1977), p. 37-44.
7. Иванов-Разумник. О смысле жизни. СПб., 1910, стр. 48.
8. А. Бем. Достоевский. Петрополис, 1938, стр. 20.
9. А. Долинин. Зарождение идеи Великого Инквизитора. М., 1921.
10. Иванов-Разумник. О смысле жизни, стр. 40.
11. А. Чехов. Собрание сочинений. Т. 9. М.—Л., 1963, стр. 559.

12. А. Блок. Собрание сочинений. Т. 5. М.—Л., 1962, стр. 125.
13. А. Редько. Федор Сологуб в бытовых произведениях и творимых легендах. — "Русское Богатство", № 3, отдел 2, 1909, стр. 65.
14. Иванов-Разумник. О смысле жизни, стр. 40.
15. А. Блок. Собрание сочинений. Т. 5, стр. 162.
16. Ф. Достоевский. Собрание сочинений. Т. 6. М., стр. 441-442.
17. См. сноску на стр. 140 в кн.: F.Sologub. The Petty Demon, tr. by A.Field (New York: Random House), 1962.
18. Ф. Сологуб. Стихотворения. Л., 1975, стр. 271.
19. Иванов-Разумник. О смысле жизни, стр. 61.

ПОЛИТИКА

ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА

ИОСИФ ГУРВИЧ

ЖУРНАЛ "КОНТИНЕНТ" и НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС*

До настоящего времени ни журнал "Континент", ни его главный редактор господин Максимов не заняли четкой позиции по национальному вопросу, несмотря на то, что этот вопрос является одним из первостепенных для каждого жителя Советского Союза и самым главным для порабожденных народов.

Журнал "Континент" неоднократно выступал в защиту нерусских народов, правдиво описывал их угнетение и несправие как в царское, так и в советское время, но, к сожалению, остановился на полпути.

Описывая несправие нерусских в СССР, журнал "Континент" тщательно избегает признать тот факт, что ленинско-сталинский террор всей своей тяжестью был направлен против нерусских народов, в отдельные периоды выражаясь в геноциде, во время которого были убиты миллионы нерусских.

Недавно украинцы отмечали 45-летие искусственного голода на Украине. Почти ежедневно об этом писала вся украинская пресса в эмиграции. А "Континент"? Даже не упомянул.

* Статья печатается в сокращенном варианте. Полностью она опубликована в журнале "Факты и Мысли", декабрь 1978 г., № 4.

В 1932-33 гг. вся Украина покрылась братскими могилами уничтоженных голодом украинцев. А в России такое было? Нет, не было. А целые районы поголовно депортировались в России, как в Эстонии? Нет, не депортировались. А куда девались ингерманландцы из-под Ленинграда? А где корейцы с Дальнего Востока? Разве русские в какой-нибудь области СССР тоже исчезли целиком? А после подавления восстаний в Кронштадте и на Тамбовщине было ли перебито население Кронштадта и Тамбовской области? Нет, не было. А найдете ли вы область на Украине, в которой в 1933 году не было бы уничтожено население целых сел? Нет, не найдете.

Так почему не хочет признать этот факт "Континент"?

Неприятно? Но что поделаешь? Ведь не русский народ, низведенный до положения крепостных, а только те, кто давал и исполнял подобные приказы, несут за них ответственность. Но факт есть факт.

"Континент" ничего не пишет не только про геноцид при советской власти, но и про уничтожение нерусских народов при царях, про опустошение Украины после ее "добровольного" присоединения к России, про расправу Петра Первого с латышами, про убийства татар и среднеазиатов. Неприятно. Лучше забыть. Иначе что же останется от мессианства России? Но эти народы помнят. И китайцы помнят поголовное убийство китайцев в городе Благовещенске в 1900 году.

Позор не русскому народу, а тем русским интеллигентам, говорящим от его имени, которые замалчивают и извращают факты массовых убийств по приказу царских и советских правителей России почти на всех оккупированных Россией территориях.

В 12-ом номере "Континента" было помещено "Заявление по Украинскому вопросу". Авторы его "с особенной надеждой" призвали русских укреплять сотрудничество с борцами за независимость Украины. Очевидно, авторы заявления считают, что и борцы за независимость Украины поддержат борьбу русских за свои права.

Но что готов дать "Континент" украинцам после достижения общей цели, во имя которой миллионы украинцев должны приложить невероятные усилия, идти на жертвы, а многие – отдать жизнь? Безоговорочно признать независимость Украины? Нет.

В 14-ом номере "Континента" авторы "Заявления по Украинскому вопросу" поясняют, что они стремятся создать ситуацию, в которой украинцы могли бы свободно высказаться, хотя бы они жить в независимом государстве.

Значит, может быть, и не хотят. И ни слова о том, что надо сделать, если все-таки хотят: предоставить Украине независимость или только выслушать украинцев?

В этом же номере – статья господина Богатырчука о возможности федерации Украины с Россией. Но эта федерация триста лет походит на федерацию всадника с лошадью.

Господин Богатырчук в различных органах печати призывает украинцев к объединению с русскими. Это не плохо. Но с какими русскими? С теми, кто угнетал украинцев при царе, или с теми, кто, наконец, соглашается украинцев послушать, а какое после этого примут решение, неизвестно?

Неужели не понятно, что украинцы могут объединиться только с теми русскими, которые признают Украину таким же независимым государством, как и Россия? Неужели редакция "Континента" серьезно думает, что украинцам есть смысл нести жертвы в борьбе только за честь быть высланными господами Максимовым, Некрасовым и Буковским?

Помещая статьи, неприемлемые почти для всех нерусских, "Континент" отказывается печатать статьи русских, стоящих за безоговорочное предоставление независимости нерусским народам. В этом "Континент" не отличается от других органов русской прессы, замалчивающей или охаивающей таких русских. Я имею в виду газеты "Новое Русское Слово" (Нью-Йорк), "Русскую Жизнь" (Сан Франциско), "Нашу Страну" (Аргентина) и другие русские печатные издания.

Только в 15-ом номере "Континента" была помещена весьма небольшая статья госпожи Соболевой, стоящей за предоставление нерусским народам независимости. Но эта статья теряется среди других – затушевывающих простой и ясный факт, что нерусских народов, желающих остаться в составе России, не существует.

Кто не верит в это, пусть сделает опрос сотни латышей в латышской церкви или клубе. Не понравятся результаты, пусть опросят другую сотню. Сотню латышей, из которой даже пять человек хотя бы стояло за федерацию с Россией, найти нельзя.

Считаете, что латыши особая нация? Так опросите эстонцев, грузин, любых других.

Тысячи украинцев в США, Канаде, Австралии и Западной Европе ходят на демонстрации, требуя независимости Украины. Тысячи украинцев в СССР сидели и сидят в концлагерях, жертвуя собой во имя независимости Украины. А где украинцы, желающие, чтобы Украина входила в состав России? Сколько их? Десять или двадцать человек?

Не прав? Докажите. В Нью-Йорке на одну из демонстраций за независимость Украины вышло 25 тысяч украинцев. А вы выведете на демонстрацию за включение Украины в состав России 250 украинцев, то есть одного против ста? Не удастся, не наберете столько. А 25 наберете? Наверяд ли.

Тот, кто хочет проводить референдум в советских республиках, пусть объяснит сперва, из каких соображений надо провести референдум, например, в Литве, на котором население отвечало бы на вопрос, хочет ли оно, чтобы Литва была независимой или чтобы Литва входила в состав России, но не надо проводить аналогичный референдум во Франции, чтобы выяснить, хотят ли французы, чтобы Франция была независимой, или чтобы Франция входила в состав Германии? Почему бы не провести дурацкий референдум и в России? Пусть русские выскажутся, хотя бы они, чтобы Россия была независимой, или превратилась бы в американский штат, или была присоединена к Китаю.

Глупость последнего предложения всем очевидна. Предложение же референдума в Литве часть даже либеральных русских как глупость, к сожалению, не воспринимает. Почему? Да только потому, что оболванена мнимой исключительностью русской нации – этим бредом, столетия вбиваемым в головы простым русским людям царскими и советскими прави-

телями России. Иначе как можно не понять, что литовцу, украинцу или грузину независимость их стран так же дорога, как и русскому независимость России?

Но, допустим, нерусские народы согласятся на последнее унижение национального достоинства, последний плевок – референдум, лишь бы получить независимость. Что дальше? Ведь само слово "референдум" – бессмыслица, если не указать, кто, где и как будет его проводить.

И по советской конституции каждая союзная республика имеет право отделиться от Советского Союза. И один раз в четыре года в ней проводятся выборы. Так что и советское правительство может сказать, что проводит раз в четыре года опрос нерусских народов. Но ни разу ни один советский "депутат", даже во время геноцида против его народа, не высказался за отделение союзной республики. Почему? Неужели даже во время вымаривания голодом украинцы или киргизы не хотели отделения от России, сохранившего бы им жизнь? Или потому, что выборы, проводимые администрацией оккупирующей державы нельзя принимать всерьез?

Так кто же будет проводить референдум? Не администрация ли колониальной державы при поддержке войск метрополии? Или все-таки временное правительство нации, среди которой проводится референдум? Или до референдума администрация и войска России должны быть выведены из территории опрашиваемого народа и туда должны быть введены администрация и войска ООН?

Сторонники референдума упорно изворачиваются от прямого ответа на этот вопрос. Это заставляет нерусских подозревать, что референдум в захваченных странах должна будет провести русская колониальная администрация.

Хочу подчеркнуть, что говоря о сторонниках референдума, я имею в виду исключительно русских. Среди нерусских сторонников референдума нет. Стремление их народов к независимости является для нерусских аксиомой, и никакого подтверждения этой аксиомы им не надо.

Требование части русских о референдуме противоречит элементарным правовым понятиям, так же, как и все другие благодеяния, которые Россия, по мнению этих русских, принесла другим народам.

Россия получила возможность хозяйничать на территориях других народов только потому, что для захвата чужих земель русские цари и советские диктаторы имели больше солдат и пушек, чем поработаемые народы для своей защиты. Но захваты чужих земель и порабощение других народов не могут быть признаны законными, вне зависимости от целей захвата и порабощения.

С точки зрения международного права Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Молдавия, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан являются точно такими же независимыми государствами, как и Россия. И ни одно из этих государств не имеет юридического права проводить референдумы на территории другого государства. То есть Россия точно так же не имеет права проводить референдумы на Украине или в Грузии, как и Грузия или Украина не имеют права проводить референдумы в России.

Если какие-либо из этих государств пожелают вступить в федерацию

друг с другом, то это может быть сделано только законными представителями данных государств, избранными после вывода оккупационных войск.

Никто не собирается России мстить. Никто не хочет с русскими вражды. Единственное, чего хотят нерусские народы, это чтобы Россия убралась от них со своей самозванной миссией, со своими великими стройками и прочими "благами", которые она несет. Вот и все решение национального вопроса в СССР.

Честные русские должны понять, что если Россия была бы оккупирована иностранной державой, то, вне зависимости от политического строя этой державы, у русских было бы только одно требование к оккупантам: **УБИРАЙТЕСЬ ВОН!** Русские должны понять, что в оккупации нерусских земель заинтересован не русский народ, который не имеет никакой выгоды от этого, а исключительно правящая клика России.

Если все же перед уходом проводить последний фарс – референдум на захваченных землях, то надо сперва определить, кто будет иметь право участвовать в референдуме. Жители данной республики на данный момент? Родившиеся в этой республике? Только представители данной национальности? Ведь благодаря политике руссификации, масса нерусских людей была убита или вынуждена покинуть пределы своих республик, а на их место приехали другие, не имеющие отношения к этим народам.

Прошу сторонников референдума недвусмысленно заявить, что они намерены делать с казахами, оставшимися в живых после войны 1930-х годов? Снять с повестки дня вопрос о независимости Казахстана, так как русских в этой республике больше, чем казахов, и присоединение Казахстана к России легко можно проташить через референдум?

Нацменьшинство в своей собственной стране составляют теперь и киргизы. Следующая на очереди Латвия. Уже теперь латыши составляют только 56 % ее населения. Если руссификация в Латвии будет продолжаться, то уже через несколько лет латыши в Латвии окажутся в меньшинстве.

Украинцев много. Поэтому в ближайшее время Украине судьба Казахстана или Латвии не грозит. Русской колонизации на Украине подвергаются прежде всего Харьковская область, Донбасс и Причерноморье. Масса русских переселенцев направляется также в Киев. Это учитывают сторонники референдума, предлагая провести его на Украине по областям, что даст возможность отторгнуть от Украины ее столицу и основные промышленные районы, отделить Украину от Черного моря и оставить украинцам только центральные и западные области их страны.

Недавно господин Максимов дал интервью, опубликованное 18 июня 1978 года в газете "Новое Русское Слово" под заголовком: "Свобода духовная должна предшествовать свободе демократической".

В этом интервью господин Максимов заявил, что обновление миру, свет миру может придти из России.

Такая идея высказывается не впервые. Сотни лет болвали русский народ тем, что он предназначен нести миру свет православия. Еще теперь русские мессиансты повторяют, словно пророчество, изречение Достоевского: "Россия сама спасется и весь мир спасет". Затем появился Ленин и стал болванить русский народ новой миссией России: осчастливить

весь мир коммунизмом. Теперь опять какая-то миссия. Не хватит ли первых двух?

Не больше ли пользы извлек бы русский народ от более скромной цели: создания в России такой жизни, которую создали в своих странах народы Западной Европы и Северной Америки, чтобы и русский имел право переезжать из одной квартиры на другую без разрешения полиции, чтобы и русский трудящийся зарабатывал на минимально необходимое, и чтобы и русский для высказывания своих идей не должен был бы впредь бежать из своей страны? Но подобная мелкая цель, очевидно, недостойна великих идей некоторых русских интеллигентов.

20 июня 1978 года в газете "Наша Страна" (Аргентина) была помещена статья нового эмигранта господина Вагина "О русском национализме". Господин Вагин пишет: "Идея единой неделимой России для нас остается конкретным идеалом, без нее немыслимо будущее христианского мира." Не с господином ли Вагиным предлагает украинцам объединиться господин Богатырчук? И не из единомышленников ли господина Вагина состояла и состоит русская колониальная администрация, которая, по мнению некоторых, должна провести референдумы на территориях нерусских народов?

Но какая связь между Достоевским, Лениным, Вагиным, миссией русских и Максимовым? Ведь Максимов ясно говорит, что свет миру русские должны нести не одни, а вместе с народами, образующими сейчас тоталитарный мир, и даже называет Прибалтику, Украину, Грузию и Среднюю Азию. Дело только в том, что ни один поработенный Россией нерусский народ не желает разделить с Россией ее миссию.

Что в интервью Максимова правильно, так это то, что идея мессианства свойственна всем большим народам, но только в прошлом. Это болезнь, связанная с недостатком культуры. Французы, англичане, немцы, испанцы, итальянцы, американцы, а также японцы этим переболели и больше не собираются нести свет и обновление ни малым народам, ни друг другу. Остается надеяться, что скоро вылечатся от этой болезни и русские интеллигенты, болезни, навязанной им царскими и советскими правительствами.

ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ПРИШЕЛ ХРИСТОС?

Р е л и г и о з н о - п о л и т и ч е с к и й
т р а к т а т

(Продолжение. Начало в №39-40)

в а в

Так говорит Господь:

– За три преступления Асада пощажу его, но не за четвертое: что отрезал крайнюю плоть у пленных израильтян и клал им в рот – за это не пощажу, ибо не подобает поступать так с Народом Писания, с братом твоим Исааком.

– И пошлю за ним Панкира и Мункара. (1). И станет обитателем огня.

В 1971 году – 1349 год Хиджры (2) – все арабы стали на сторону индийских демонов. Лишь Турция и Иран остались верными Исламу, и уничтожен был мусульманский Пакистан и поделен.

И поставлял Египет самолеты, а Ирак танки, и резали индусы под чутким руководством русских специалистов мусульман. И захватили Бангладеш, и кадят там ныне многим демонам вместо единого истинного Бога.

Арабы же исправно славят Иблиса (3), что в Мавзолее, и твердили его заклинание: "Всякое упоминание об Аллахе есть невыразимейшая мерзость". И лобзали живых Иблисов, что на Мавзолее, и срамили Бога Живаго и тащили Сатану-врага Проклятого. Русскими гранатами забрасывали женщин и детей в аэропортах всего мира под радостные вопли русских коммунистов: "Убийства суть законное право палестинского народа".

И среди арабских братьев народа Великорусского верные ленинцы: от японского красноармейца Козо Акамото, нанятого за советские деньги убивать кого попало и где попало, до Сирхан Сирхана – стойкого коммуниста, освободителя Палестины.

И поливают русским свинцом детей в Лоде и Маалот, женщин в Афинах и Риме.

Верная партийному долгу убийц-садистов с Мавзолея "Правда" пишет: убийство детей в Маалот – дело рук Даяна. Имя же настоящего убийцы – Ленин, ибо дело его живет: мертвый Ленин, что в Мавзолее, и живой Ленин, что над ним, умильно взирающий дважды в год (Первого мая и седьмого ноября) на своих полупьяных подданных. Десятки тысяч их волокут иконы с обликом Фараоновым, скачут и орут: "Слава, слава, Ленин жив!"

Но непременно Бог взыщет нашу кровь. И не останется больше на земле мерзости этой – коммунизма, который есть русский фашизм!

* * *

И был я сильно в Духе и молился! И пот, как капли крови, падал на землю. И явился Гавриил (4) и утешал меня и укреплял. И был взят я на Седьмое небо и видел Коран, что у Подножия. И не мог различить ни Аина, ни Нуна (5), но все одна кровь.

И ужаснулся, и спросил: "Что это, Господин?"

— ...Кровь мусульман, зверски замученных русскими коммунистами. Кровь целых мусульманских народов: чеченцев, ингушей, балкар и татар; кровь женщин и детей, которых русские забрасывали штыками в теплушки в 1944 году, дабы вывезти в Сибирь и там окончательно уничтожить.

И увидел я брата моего Мухаммеда и слезы на лице его и спросил его: "Сын Ибрагима, о чем плач твой?"

И сказал он:

— Мне стыдно, что я араб. 24 тысячи мечетей, что стерты с лица земли в России пьяными красными джинами (6), вопиют о мщении. Араб же считает русского братом.

Даже арабскую письменность упразднил Ленин у мусульман России, заставил их писать русскими буквами. Народы, что имели Фирдоуси и Низами (7), были варварски руссифицированы, дабы не знали Бога Живаго, не читали Святой Коран. Узбек, таджик, азербайджанец, кара-колпак, башкир и татарин — все, кто из них мог читать и писать по-арабски, были зарезаны красными шайтанами.

Крымских же татар великоросс зарезал всех до единого, землю же их — Крым, подарил украинцам. Лишь один Русский нашелся — генерал Григоренко, который сказал: "Нехорошо убивать татар. Мусульмане — тоже люди".

Очень возмутились этим шайтаны-каджибеи и возопили:

— Это бред. Только сумасшедший может считать татар за людей.

И бросили генерала Григоренко в узилище для умалишенных.

з а и н

Слушай, Израиль, земля твоя — от Нила до Ефрата. Ты не должен переходить ни Нил, ни Ефрат, но до них ты имеешь полное право наследовать землю, как и Араб, ибо оба вы — семя Авраамово. Все, что взял ты острием меча, все Бог брани дал в руку твою, заселяй и не отступай от сего.

* * *

Многие миллионы верующих были уничтожены приспешниками Лукавого. В одном лагере смерти приносят в жертву Сатане Христианина, Мусульманина и Еврея — детей Божиих, пьющих живую воду из единого истинного Родника, имя которому — Единобожие.

Камни вопиют, Земля рыдает и исполняется беззаконием, и убиваем всякий, кто не взял на чело и руку знак зверя, Красной чумы, имя которой — большевизм.

Видел я небеса отверстые и Распятого, и многие души убиенных чудовищем Красным — свидетелей Истины, одетых в белые одежды, обращающихся к Убеленному сединами:

– Зачем не мстишь Москве-блуднице, упоенной кровью нашей, матери всякой нечисти, городу, который есть Стойбище Оборотней?

И даны им были одежды свежие – виссон ясный и чистый. И сказано:

– Терпеть до времени, пока не войдет полное число братьев их, принесенных в жертву Ленину, проклятому от сотворения, и пока не войдет полное число беззаконий их. Тут терпение и вера святых.

И были среди них атлеты из Мюнхена и дети из Маалот и оба Кеннеди.

И сказал Джон Распятому:

– Господи, пошли брата в конгресс к Эдварду! Пусть скажет, что мы убиты коммунистами, принесены в жертву Сатане-Ленину.

И сказал Иисус:

– У них есть Писание-Откровение Иоанна с антихристом Лениным и коммунизмом-зверем. Имеющий ухо слышит и да уверует.

И сказал Джон:

– Нет, Господи, но если кто-нибудь из мертвых воскреснет, ему поверят.

– Если не верят в Писание, то и воскресшему не поверят, – сказал Бог.

...И достоин был читать Книгу Жизни, что у Отца, и многих, которых ожидал увидеть в куцах райских, не увидел. А многих, которых не ожидал увидеть – увидел!

И не увидел Рузвельта, и спросил: "Где сей?"

– Союзник Ленина Второго, союзника Гитлера. Трое там, где червь неукротимый и огонь неугасимый. – И ответил мне Голос, подобный шуму вод многих. – Рузвельт преклонился под чужое ярмо с неверными, вошел в соглашение с Кремлевским дьяволом.

Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой? Какое соучастие с нечистым?

х е т

Ленины замучили в концлагерях 20 миллионов человек, Гитлер – шесть. Итак, Ленин – три Гитлера. Что ты сделала, глупая Америка?! Заменяла в Европе коричневую чуму красной. На твои деньги, благодаря твоей бескорыстной помощи, тридцать лет стонет поляк, вопиет венгр под кованым русским сапогом. 13 миллиардов долларов ты заплатила, дабы заменить в Восточной Европе немецкое иго русским. Теперь ты платишь эту сумму ежегодно, дабы не пустить русскую орду в Европу Западную. Я воскликнул:

– Гитлер был черт, Господи! Он убивал кого попало и где попало, начиная с евреев, кончая прочими.

И сказал мне Творец:

– Я, Иегова, не изменяюсь. Вы – евреи, не уничтожитесь – не знал этого Гитлер, не знают этого Ленины. Участь у них одна. На Гитлера есть Ленин, на Ленина – Мао и наследники его.

Проклят всяк, делающий дело Господне небрежно, проклят всяк, удерживающий меч Его от крови.

...Но Гитлер освободил прибалта, дал свободу мусульманину Кавка-

за, вернул Коран татарину в Крым, открыл десять тысяч православных церквей на Украине. Ленин же на американские деньги опять разрушил все церкви, мусульманина зарезал, прибалта поработил. Воздвиг парткомы-капища коммунистические. Насильно сгоняет туда чеха и эстонца, ингуша и венгра. Кадить русским фараонам, чертей тешить! Кто не берет начертания Зверя Красного на чело и руку, немедленно приносится в жертву живым зверям, что в Кремле.

Ленин и Гитлер – близнецы-братья. Дети Дявола, который на земле неистовствует, ибо знает, что час близок.

Говорит Господь:

– Если вы не поступите с беззаконником так, как я говорю, то я поступлю с вами так, как хотел поступить с ними. Не знал этого близорукий Рузвельт, который очень высок был у людей – стало, мерзость перед Богом!

Не знал, недалекий, что уже через пять лет после окончания войны его красные союзники будут исправно убивать американцев в Корее и через десять – во Вьетнаме, дабы взыскать за эту близорукость.

Ибо праведен Господь во всех путях своих и свят во всех делах.

Я сказал:

– Но ты, Отче, заповедывал любить врагов своих.

И был мне Голос:

– Так запиши в книгу раб мой, Бен Барух: если тебе выбили глаз или отрезали руку, – смолчи, ибо лучше увечному спастись, чем здоровому погибнуть. Власти же государственной, в чьих руках судьбы народов, которые суть достояние Мое, обязаны поступать по Закону Моисееву, дабы извергнуть нечестивцев из среды своей, ибо Моя Земля и наполнение ея. Око за око. зуб за зуб. Поступите с беззаконником так, как он хотел поступить с вами. Замахнулся ножом – убей его. Стрелял – застрели его! И уничтожите беззаконие в среде своей. И будете святы, как Я свят!

* * *

Так говорит Господь:

– Вот я навожу на русских Мао и его наследников, навожу также и народ китайский – многочисленный, как саранча, и жестокий. Языка его Русский не понимает, встречи с ним боится. Как чех поработен Русским и славит его фараона, так Русский будет прославлять Мао и его наследников.

Я воскликнул: "Господи, неужели хочешь смерти Русского?"

– Ни в коем случае не хочу его смерти, но дабы покаяться и жил.

Свободу Тюрку и Прибалту, Таджики и Чеху!

Власть Солженицыну и Сахарову!

Над Лениным – суд, как над убийцей!

Я сказал:

– Разве бесы отдадут добровольно власть Сахарову? Неужели народ будет страдать?

И тотчас взят был в духе и воздвигнут на Спасскую башню. И вот Первое мая: пьяная орда течет перед Фараоном, тащит иконы-портреты толстокожих вождей, транспаранты с именами богохульными.

Ужас объял меня при виде беззаконников, избравших самовольно учителей, что льстят слуху. Услышал также камни вопиющие, увидел сотни

разграбленных церквей московских и понял:

– Очень развращен народ сей. Обязательно излюет его Земля! И будет Вавилон-блудница пустыней, и камня на камне не останется. И каждый проходящий мимо кивнет головой и присвиснет. И станет ужасом и притчей среди народов. И вся нечистая сила будет гнездиться на месте запустения, там, где большевистские диаволы устраивали бесовские сбои и шабаши, именуемые съездами.

Где Вавилон, где Ниневия? Лучше ли Москва Но Амона?

Хуже! Ибо будучи просветленной светом Единобожия, она вернулась на свою языческую блевотину – служению бесам. До X-го века это был Перун, после XIX-го – Ленин.

т е т

В 5734 году от сотворения мира по еврейскому летоисчислению (8) Бог отцов моих освободил меня из тридцатипятилетнего рабства, вывел из Египта-России великими чудесами и знаменами. Из дома рабства – печи раскаленной. Вывел меня Господь посредством мужа избранного сенатора Джексона, который есть помазанный Ходатай, самый достойный американец, которому десятки тысяч бывших рабов русский обязаны своей свободой.

Я был отпущен на волю за выкуп в 900 рублей – цена раба оцененного.

...Зрел Иерусалим-град, ноги мои стояли во вратах Святыни, построенной компактно, где воздвигнуты престолы Суда, престолы дома Давидова. Зрел Стену плача – Голгофу, как бы во сне: уста мои полны были веселья, душа пела песнь Сионскую.

И весьма смущалось сердце мое при воспоминании о трех миллионах моих братьев, оставшихся в проклятом Союзе. Вспоминал о возлюбленном брате своем Гиндине Льве и о сестре Лапидус Евгении, что вот уже три года в отказниках. (9). И взошел на Сион, увидел славное Его присутствие. И благословен был с Сиона! И вновь зрел небеса отверстые. И имел такое слово от Бога:

Запиши в книгу слово сие раб мой Бен Барух и объяви его Америке. Объяви заранее и заботливо, дабы не говорили, что не было и не знали.

Дошел вопль сынов Иакова до Меня, также вспомнил Я и Завет Мой с отцами их. Посему вот: навожу на Русского три Моих оружия: чуму, голод и меч. Напрасно бдеть будет пьяный страж в Кубинке (10), стрелок в Капустном Яру (11). Не стерегу Я Москву-блудницу, а предаю ее в руки Мао и его преемников.

Так говорит Господь тебе, безумная Америка. Если ты встанешь между мною и Русским, как ты сделала при Рузвельте, то я наведу и на тебя меч и поражу тебя русской ракетой за Ваш союз, за Разрядку, за кровь евреев, которую вы скрепляете их. За то, что в голод кормил их хлебом, удерживая меч мой от крови. За это убивали тебя русские в Корее и во Вьетнаме, ибо без свинца из Свердловска и "Калашникова" из Новокузнецка кореец и вьетнамец били бы тебя бамбуком, что больно, но не смертельно!

Что делал в Москве Освальд, Америка? Фотографировал Василия Бла-

женного, осматривал Троицко-Сергиевскую лавру?

С Лениным в башке и с револьвером в руке, учился он дьявольской ереси и убийству. Выучившись, немедленно застрелил достойнейшего твоего сына.

А Сирхан – брат Арафата, какими идеями питался? Революция и Ленин – два близнеца-брата. За них ты так успешно сражалась с 1941 года и распространились они от Берлина до Кантона.

Речь идет о твоих детях, Америка, которые уже в колыбели или еще в чреслах. Будут ли убивать их русские в 90-х годах, как убивали в 50-ых и 60-ых?

Рассмотри, Америка: жизнь и смерть предлагаю тебе! Выступишь за русского против китайца, как выступила в 1941 году против немца, обязательно понесешь беззаконие свое.

Кто сделал тебя головой, а не хвостом, от кого изобилие в амбарах, кто сделал тебя кредитором, а не должником? Почему ты благословенна, Америка?

Потому что защищаешь свободу, стало – Христа. Тридцать лет сдерживаешь русское варварство во всех концах света. Русский ребенок с яслей знает, что американец – буржуй, подлежащий уничтожению во имя победы коммунизма.

Так чем строить им Камаз, построй лучше себе танковый завод. Ибо за этот же Камаз (12) они потом убьют тебя, как убивали в 1950 году за хлеб, что ты дала в 1943-ем. Очумевший русский производит в десять раз меньше, чем ты, автомобилей и в десять раз больше танков.

В России приходится шесть квадратных метров жилой площади на человека. 75 % населения живет без канализации и водопровода. Полное отсутствие дорог! Только еду или один костюм может купить рабочий на месячную Фараонову подачку. И все это для одной цели – насадить сумасшествие это по всему миру.

й о д

Так говорил Господь:

С кем ты, Москва, не протитировала? Кому не открывала наготы своей? Кого не насилвала? Кого не убивала?

Ты блудодействовала с Лениным и родила от него толстокожих, которые суть недочеловеки.

С Гитлером ты блудодействовала и насилвала Европу, орды твои вытаптывали нивы Литвы и Польши.

Ты протитировала с Мао, научила его убивать по-ленински, заплатила ему миллиарды, дабы он резал китайцев.

Ты протитировала также с припадочными Геварой и Кастро. И перебила всех "буржуев" – сиречь интеллигенцию на Кубе. Получает от тебя Кастро за усердие полтора миллиона в день и тратит их на девок. Также и это беззаконие зачтется тебе.

Блудодействовала ты с Насером. Он зарезал египетских коммунистов, твоих агентов, а за это ты наградила его орденом Ленина, ибо тебе безразлично, где и кого убивать.

Летчики твои бомбили даже курдов в Ираке, дабы мир видел и знал, что ты окончательно осатанела, Москва – окаянная блудница!

Но горе тебе! Захватила ты в 1939 году Польшу и замучила в Смоленске тысячи поляков. И сразу же брат твой Гитлер начал взysкивать с тебя кровь жертв твоих. Воинство твое разбежалось и сдалось ему в плен, ибо кто хочет служить тебе верой, распутница!

И сдана ты была 16 октября 1941 года, но не взята была, ибо не вошло еще полное число беззаконий твоих. Не Гитлер – смерть твоя, но Мао.

Да и близорукий Рузвельт вмешался. И заплакал Ленин Второй-сапожник – великий понтифик Сатаны, и забыл про коммунизм и сказал: – Речь идет о сохранении русской государственности...

Достали русские загаженную коммунистами православную хоругвь и четыре года бились с 90-миллионным Гитлером при всеобщей симпатии и американском хлебе.

Сколько же ты будешь сражаться с 900-миллионным Мао при всеобщей ненависти? Вспомни, как ты, беснуясь, кричала: "Русский с китайцем – братья навек. Крепнет единство народов и рас, Сталин и Мао слушают нас".

Как имеющая во чреве не избегнет, так и на тебя придут боли, болезни и тотальное уничтожение.

Слово сие от Бога и Истина суть.

(Окончание следует)

П р и м е ч а н и я:

1. Ангелы смерти у мусульман.
2. Год переселения Мухаммеда из Мекки в Медину.
3. Дьявол.
4. Ангел.
5. Буквы арабского алфавита.
6. Черти.
7. Классики тюрко-фарсидской литературы.
8. 1974 год.
9. Лев Гиндин, Лapidус Евгения – борцы за свободу евреев; до сих пор томятся в проклятой Эсэсэрии.
10. Первый противоракетный пояс под Москвой.
11. Отряд межконтинентальных ракет в Астраханской области.
12. Автозавод на Каме.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В связи с публикацией в прошлом номере "Современника" первой части религиозно-политического трактата Валентина Гиндина "Что нужно, чтобы пришел Христос?" редакция получила ряд писем. Мы публикуем их вместе с ответом редактора "Современника".

* * *

С наслаждением прочел в 39-40-ом номере Вашего журнала религиозно-политический трактат Валентина Гиндина "Что нужно, чтобы пришел Христос?" В своем трактате В.Гиндин выступает в защиту миллионов жертв советского режима.

Р. МИНЕВИЧ

* * *

Потрясен и возмущен! Как можно в русском журнале, на русском языке печатать такой гнусный пасквиль на русский народ, который написал некий г-н Гиндин? Что ему плевать на русских – это видно без очков. Однако почему редакция "Современника" напечатала такую гадость? Руки сионистов длинны и они, несомненно, опутали собой редакцию журнала. Я считаю, что "Современник" после этого надо закрыть. Не стоить именовать себя журналом "русской национальной мысли" и предоставлять страницы для протаскивания еврейских идей. Не подписываюсь настоящей фамилей, потому что знаю, что стбит покритиковать еврейского автора, как объявят "антисемитом". А я просто –

ПАТРИОТ.

* * *

Статья-пасквиль, написанная автором Валентином Гиндиным, претендует на авторитетное знание автором текстов Священного Писания Иудейской религии. На самом деле – надуманная, безграмотная фальшивка, кощунственная по духу, возводящая провокационную напраслину на русскую и еврейскую нацию. И с бесстыжим нахальством перевирающая исторические события, свидетелями которых являются все люди первой и второй эмиграций.

Чтобы не быть только декларативными, разберем факты.

1. "Вот уже 400 лет, как сыны и дочери Израиля стонут под бичом русского надсмотрщика, обрабатывая землю русских фараонов." Но евреи, живя в "черте оседлости" (на Украине и в Белоруссии) сельским хозяйством не занимались. Они жили в городах и местечках, где вся оптовая и розничная торговля была в их руках. Также лесопромышленность, связанная с экспортом в Западные страны. В их руках были мастерские: пошивочные, сапожные, кузнечные, слесарные, по ремонту предметов домашнего обихода (лужение, паяльня).

2. Жалоба: "сократил нас русский на четверть", якобы, за период с 1959 по 1971 год есть злостная клевета на русских, такая же, как – "в 1939 году сказал русский фараон своему брату Гитлеру... давай заключим союз и зарежем евреев."

Русским приписывается и разгром польского восстания в Варшаве в 1944 году, и неудачную попытку Кузнецова и Залмансон угнать самолет в Швецию в 1971 г.

3. А что стоят следующие описи: "Мы насильно окрещены в русско-советскую веру. Русские насильно сгоняют нас в гнусные капища-парткомы. За каждую голову еврейского раба русский брал выкуп."

4. А сколько гнусных пожеланий русским: "Напусти на них китайца, Господи, чтобы славил он Мао и работал на него, как мы на них. Господи, да разрушит китаец все русские школы и разграбит их и да будут русские насильно китаизированы. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ и пусть каждому русскому выдадут паспорт с нацией — китаец."

Г. ГАЛИН, Ю. ХАРЬЯН

* * *

В мае 1972 года литовец Ромас Каланта сжег себя в знак протеста против оккупации русскими Литвы. В июне 1978 года крымский татарин Муса Мамуд совершил самоожжение, потому что советские власти не разрешали вернуться ему на родину. Белорусский диссидент Кукубака большую часть своей жизни провел в тюрьмах и психбольницах за желание видеть Минск свободным от русских оккупационных войск.

В 1864 году русские повесили героя белорусского народа Кастуся Калиновского. Из этих фактов вытекает, что методы русского империализма слегка изменились за прошедшие сто лет, но сущность его осталась неизменной: рабство.

Я благодарю издателей "Современника", которые не убоились КГБ и его агентов в Торонто и опубликовали религиозно-политический трактат "Что нужно, чтобы пришел Христос?" Валентин Гиндин в своем трактате выступает от имени миллионов нацменов России, которые пали жертвой Красной чумы.

М. ЦВЕТКОВ

* * *

Статья некоего Валентина Гиндина, помещенная в журнале № 39-40 за 1978 г., вполне соответствует духу четверостишия Аполлона Майкова на заглавном листе.

Не говоря о пошлейшей мерзости в статье, бывший комсомолец Гиндин умело выразил чаяние и "национальную мысль" русских: призвать китайцев — "жест гнева Господня" — уничтожить русскую государственность и русских людей до последнего человека.

(Какая благодарность русскому народу, положившему миллионы жизней и спасшему евреев, бежавших из Германии и Польши от нацистского нашествия!)

До чего удивительно, что ни один русский политический деятель, писатель или кто другой, за тысячелетнее существование России не дошел до такой "гениальной мысли", так выразительно и с такою любовью к народу русскому, высказать эту "национальную мысль", видимо, бродившую в умах сотен поколений.

Зная редакцию как стойкого борца за свободу слова, за права человека и во имя "нарушения заговора молчания", редакция не может отказать мне в публикации моей скромной заметки, написанную в духе статьи Гиндина, в отделе полемики.

Цитирую Игоря Синявина (см.: "Открытое письмо А.Е.Ширинкиной", журнал "Современник" № 39-40, 1978 г., стр. 224, последний параграф).

"Если бы Вы воочию познакомились с водоворотом, который именуется "диссидентским движением" и который втягивает в себя помимо добра к у ч у м у с о р а..." (Очень мягкое выражение. Советский Союз обвиняется мною в умышленном загрязнении запада) ...и вот этот-то мусор и всплыл на поверхность (к сожалению) в Торонто под именем "русский" и затесался "Исполняющим Обязанности Главного Редактора".

Взбухла помойная яма, переполнились канализационные трубы и всплыли нечистоты на поверхность. Смерд и зловоние растекаются по лицу земли.

Вонючая клоака, именуемая редакцией "Современника", извергла из себя нечистоты свои, заражающие все окружающее. Гнойная сиббильская рана появилась на теле эмиграции.

В заключение замечу, что статья явно провокационная с целью вызвать антисемитизм в русской эмиграции и "исполняющему обязанности главного редактора" хорошо известно, что подобная литература ненависти и ее распространение в Канаде запрещена законом.

Б. ГЕНИН

Примечание: Мы публикуем письмо Б.Генина полностью, даже не исправляя его стилистические ошибки. Мы, однако, по соображениям простого приличия опустили те места, в которых содержатся личные оскорбления по адресу редактора "Современника" и других членов Редколлегии.

* * *

С большим интересом прочел начало религиозно-политического трактата Валентина Гиндина "Что нужно, чтобы пришел Христос?" Мне кажется, что это произведение большой публицистической и художественной силы. В.Гиндин страстно обличает преступную суть коммунизма, а то, что он при этом использовал (очень умело) библейский стиль, еще более увеличивает обличительный пафос его трактата.

Я приветствую журнал "Современник" за публикацию талантливого произведения В.Гиндина, в котором говорится о страданиях еврейского народа под игом коммунистического режима в России. Мне доводилось слышать, будто бы кое-кто из шовинистов усмотрел в трактате Гиндина "клевету на русский народ". Подобные обвинения настолько смешны, что их не стоит даже проверять. То, что в советской России существует антисемитизм, — факт неоспоримый. То, что русских власть направляет на евреев разными способами, — такой же факт. Конечно, главную вину за антисемитизм несет не русский народ, а советский режим. Однако

под игом этого режима русские усвоили немало отрицательных навыков (так же, как и немцы под игом Гитлера). Свидетельствовать об этом — не значит клеветать на народ, а, напротив, такое свидетельство продиктовано желанием помочь народу освободиться от его грехов.

Между прочим, Валентин Гиндин видит грехи не только за русскими. Недаром он говорит о необходимости покаяния евреев и о преступной не-дальновидности американской политики, когда она фактически потворствует коммунистической наглости.

С нетерпением жду продолжения публикации талантливого произведения Валентина Гиндина.

И. АРБУЗОВ

* * *

ОТВЕТ РЕДАКТОРА

Появление на страницах "Современника" читательских писем (положительных или отрицательных — неважно) есть свидетельство интереса к журналу. Такое свидетельство можно, в принципе, только приветствовать. Однако читатель — при всем уважении к нему! — не должен считаться, словно покупатель в магазине, "всегда правым". Далеко не всегда также стоит он на уровне необходимой культуры читательского восприятия — культуры, которая способна придать его мнению характер чего-то большего, чем просто вкусовая оценка или даже неквалифицированный окрик со стороны. Полемика вокруг религиозно-политического трактата Валентина Гиндина "Что нужно, чтобы пришел Христос?" — наглядное свидетельство того, насколько односторонни порой, пристрастны, грубо-тенденциозны бывают читательские мнения, продиктованные злобностью, национально-политическими предрассудками и художественной безвкусицей.

Конечно, каждый человек имеет право выражать свои взгляды. Даже малокультурный человек (типа Б.Генина, чьи "перлы" мы воспроизвели без стилистической правки) или так называемый "Патриот", который, словно герой Щедрина, мечтавший "закрыть Америку", предлагает закрыть "Современник". Но любое, высказанное печатно мнение подразумевает право быть оспоренным в печати. Тем более, когда полемика затрагивает более глубокие проблемы, чем то казалось авторам писем в связи с публикацией трактата В.Гиндина.

В сущности, если суммировать подтексты раздающихся по адресу "Современника" окриков со стороны людей, зараженных шовинизмом и антисемитскими предрассудками, то вопрос стоит следующим образом: имеет ли право русский журнал предоставлять свои страницы нерусскому автору, да еще и говорящему о русских что-то не совсем "приятное"? С точки зрения примитивного "Русопятства", конечно, не имеет права. С точки же зрения здравого смысла и полноценного русского патриотизма такое право заложено в самом факте существования профессионально уважающего себя, свободного печатного органа.

Можно быть русским и не любить русский квас. Точно так же любовь к русскому квасу не может служить эталоном любви к России. Недаром существует выражение "квасной патриотизм", на уровне которого "патриотом" оказаться очень легко: хвали безудержно всё "русское", докажи, что (согласно популярному советскому анекдоту) "Россия – родина слонов", а всё прочее – от лукавого! Именно такого рода уровнем "патриотизма" отмечены письма Б.Генина, Г.Галина, Ю.Харьяна и безымянного "Патриота".

Если принять их логику, то гипотетически возможна была бы ситуация, когда – живи Чаадаев в наши дни и предложи он свое "Философическое Письмо" редакции "Современника" – мы бы должны были отказаться его печатать под предлогом "клеветы на Россию". То же самое пришлось бы сделать в отношении "Истории города Глухова" Салтыкова-Щедрина – ведь это жестокая пародия на всю русскую историю! Гоголь, стосемидесятилетний юбилей которого падает на этот год, также оказывается под сильным подозрением: вспомните, что он хотел в "Мертвых душах" изобразить всю Русь хотя бы "с одного боку". И в результате символ этого "бока" – "мертвые души"! Неслучайно заголосил кое-кто после выхода в свет гоголевского произведения о "ненависти" Гоголя к России. А уж, допустим, о книге маркиза де Кюстина и говорить страшно. Её упоминание даже в наши дни вызывает шок у некоторых слабонервных публицистов газеты "Новое Русское Слово". Герцен, правда, когда-то заметил о книге Кюстина, что это самое умное из всего написанного иностранцами о России. Но и то сказать, фамилия Герцена не оканчивается на "ов", да и парочке русских императоров он в свое время не потрафил – так что с этой позиции "русскость" самого Герцена очень сомнительна!

Сразу оговоримся. Мы не ставим трактат В.Гиндина по его значению в один ряд с книгами упомянутых авторов. По сути, его работа – не что иное, как острый антикоммунистический памфлет в форме религиозно-политической проповеди. Понятно, что людям типа Б.Генина, не скрывающего своих просоветских симпатий, трактат Гиндина неприятен в силу его антикоммунистических тенденций. Но удивительно, что, например, Г.Галин, считающий себя антикоммунистом, оказывается в столь неудобной компании, как соседство с господином ("товарищем"?) Гениным. Удивительно также, что он видит "антирусскость" там, где имеет место обличение русского коммунизма!

От того факта, что коммунизм преступно реализовал себя именно в России, никуда не денешься. Смешно отрицать к тому же, что коммунистические правители используют в своих целях великорусский шовинизм, антисемитизм, народные предрассудки различного свойства. И потому нельзя требовать, чтобы критика русского коммунизма никоим образом и ни при каких обстоятельствах не задевала бы русских как таковых. Обращиков столь "стерилизованной критики" никто еще не дал. Не вина, а беда русского народа, что Россия стала испытательным полигоном коммунистических идей. Значит ли отсюда, что ненависть к русскому коммунизму равнозначна ненависти к русскому народу? Подобный силлогизм весьма бы устроил советских пропагандистов. Увы, именно на популярное в советской пропаганде отождествление понятий "русского" и "советского"

ключают некоторые русские в Торонто, которые почему-то не выражают негодование в адрес просоветского "Вестника", а вот антикоммунистический "Современник" хотели бы "закрыть"!

Есть разные уровни и "срезы" патриотического чувства. Можно совмещать патриотизм с самыми примитивными и ретроградными эмоциями. Айтиолле Хомейни не откажешь в "любви" к Ирану, но это любовь фанатика и мрачно реакционера, а его оболваненные сторонники часто не ведают, что творят в припадке узко понятого "патриотизма". Советские вожди любят подстегивать псевдопатриотические чувства, изображая себя чуть ли не "хранителями русских традиций". Их очень устраивает ситуация, когда любая критика советского режима замирала бы из-за опасения "обидеть русских и Россию". Им очень нравится изображать сторонников свободы для всех народов (не только для русского) как "расчленивателей России", а людей, возмущенных советским антисемитизмом, в качестве "агентов мирового сионизма", сторонников "еврейского заговора" и т. п.

Разумеется, истинно-русский патриотизм сопрягается с широтой взглядов, а не с узостью оных, с любовью к свободе, а не с оправданием тирании, со способностью критического анализа любых явлений (в том числе и явлений русской истории, культуры, политической жизни), а не с тенденцией к замалчиванию темных сторон русского прошлого и настоящего во имя "квасного патриотизма". На страницах "Современника" мы выступаем за свободу украинцев и белорусов, латышей и армян, литовцев и грузин с такой же страстностью, как и за свободу русских. Мы уверены, что в интересах России освободиться от груза колониализма и несправедливостей, уверены, что настоящий русский патриот должен признать право всех народов на независимость от любой формы угнетения. Выступая против антисемитизма, мы стремимся к дружбе русских с евреями, как и с представителями любой другой национальности. Вспомним, что когда во времена дела Бейлиса простые русские люди, бывшие присяжными заседателями, испытавшие на себе давление со стороны пристрастных властей, оправдали еврея-Бейлиса как несправедливо обвиненного человека, они продемонстрировали куда большую *русскость*, чем антисемиты-черносотенцы из какого-нибудь "Союза русского народа". А нам хотя бы навязать в пример как раз нечто черносотенное, твердя, что нельзя публиковать "еврейского автора", что, мол, В.Гиндин "клеветает на русских" и вообще о России нельзя говорить ничего "плохого".

Некогда идейный вождь славянофилов А.С.Хомяков просил Бога за Россию: "Не дай ей рабского смиренья, Не дай ей гордости слепой." Лермонтов признавался, что любит отчизну "странною любовью". Герцен бичевал Россию рабства во имя России, которая была бы страной свободы. Все эти люди были истинными патриотами и потому не боялись критиковать свою родину, даже очень остро критиковать. Аполлон Майков (кого совсем нестати помянул Б.Генин) гордился не только тем, что он русский, но и тем, что не скован при этом "лжемудростью узкой", которая воплощена в г-не Генине (если только признать его "мудрым", хотя бы и "ложно"). Владимир Максимов в заметке "Антисемитизм и русское Зарубежье" ("Русская Мысль", 1 февраля 1979 г.) справедливо писал: "Терпимость, плюрализм, многообразие – суть условия всякой подлинной куль-

туры." Михаил Хейфец (томящийся в советской тюрьме) написал книгу "Место и время", где – сам еврей по национальности – высказал массу упреков в адрес евреев. Но что-то не слышно, чтобы его обвиняли в "клевете на еврейский народ"! В торонтской газете "Спик-ап" (декабрь 1978 г.) опубликована (на английском языке) часть трактата В.Гиндина "Что нужно, чтобы пришел Христос?" В январском, за 1979 год, номере той же газеты появилось письмо читателя с комментариями по адресу В.Гиндина. Комментарий весьма спокойный – никаких криков о "клевете", "провокации", в стиле наших "русопятов". В чем же дело? А дело в разном уровне культуры. Там, где культурный человек спокойно полемизирует по существу, запальчивый невежда наклеивает ярлыки и сыплет оскорблениями. Между прочим, "русопяты" сами не замечают, какую медвежью услугу оказывают они русским. Ведь если принять их "толкование патриотизма", то придется заранее расписаться в том, что культура, терпимость, широта взгляда суть атрибуты, присущие кому угодно (евреям в том числе), но только не русским. И с такими-то убогими представлениями "русопяты" хотят защищать русское дело! Воистину, избави Боже от глупых друзей, а уж от врагов мы сами избавимся!..

Трактат В.Гиндина написан в стилизованной под библейский язык манере. Смешно видеть в нем какие-то "политико-административные" рекомендации. Смешно наблюдать пафос тех, кто хочет "спасти" русских от "переселения в Гималайский национальный округ"! Впрочем, отсутствие чувства юмора и уязвимость – понятия-близнецы.

Ведь что хотел сказать В.Гиндин своей фразой о Гималаях? Он напоминает об антисемитизме в СССР, об ограничениях еврейской национальной культуры в стране, где (нравится это или не нравится кому-то) живет около трех миллионов евреев. Балаганная "еврейская национальная область" – вот единственное, что предложила советская власть для "разрешения еврейского вопроса". Вскрывая нелепость и несправедливость этого советского маневра, Гиндин как бы спрашивает русских: а ну-ка представьте себе, что вы оказались на положении угнетенных какой-то властью (например, китайской), что вас загнали в "национальный округ" (вроде "еврейской области"), что вас китаизировали и лишили собственной культуры, создавая при этом условия, когда вы должны приспособляться и маскироваться во имя житейских благ, – представьте себе всё это в виде "Гималайского бытия" вашего – и неужели это вам понравится? Точно так же не может нравиться и евреям их положение в СССР.

Имеет ли В.Гиндин право на подобный ход рассуждения? Разумеется. Избранная им стилистическая манера предопределила гиперболичность, ассоциативность и повышенную экспрессию его языка. Наивно принимать все его инвективы как строгие дефиниции или политические формулы. Общая тональность памфлета Гиндина диктует ему многие сравнения, символы и гиперболы. Все это ясно каждому культурному читателю. Но что делать с теми, кому надо объяснять, что означает слово "гипербола"?

И ведь как полемизируют наши оппоненты! Вот, например, описание господами Галиными и Хариным еврейской "черты оседлости" в царской России. Из контекста вытекает, что евреям совсем неплохо в ней жилось и странно, что они были недовольны (как скажем, недовольна в одном из

нисем по этому поводу читательница "Нового Русского Слова" – см. заметку Е.М. "В России была дискриминация" от 14 февраля 1979 г.)

Полемика гг. Галина и Харьяна в данном пункте напоминает эпизод, имевший место в биографии Линкольна. Последний однажды участвовал в диспуте относительно рабства и рабовладения. Его оппонент очень красочно защищал положение рабов под властью их хозяев, расписывая то, как о них "заботятся", "опекают", избавляют от проблем, связанных с бытием свободного человека. Спич в защиту рабства был красноречив до умиления. Однако Линкольн убил его эффект одной репликой. – Странно, – заметил он, – почему же я не встречал ни разу в жизни ни одного человека, который добровольно захотел бы стать рабом?

То же самое можно сказать о пресловутой "черте оседлости" и связанных с ней рассуждениях гг. Галина и Харьяна.

Не лучше обстоит дело и с другими их "историческими пассажами". Спрашивается, разве неправда, что Сталин ("русский фараон" по терминологии Гиндина) заключил в 1939 году союз с Гитлером и что он был направлен, в частности, против евреев? В чем же тут "злостная клевета на русских"? Разве только в том, что Сталин был по национальности грузином? Но хотел бы я посмотреть на грузинского читателя, который усмотрел бы из этого факта "клевету на грузин"...

Не в ладах гг. Галин и Харьян с эрудицией и более академического свойства. Курьезно звучит их фраза насчет "текстов Священного Писания Иудейской религии". Что хотели они ею сказать – сплошная загадка. "Священное Писание" для христиан – это Библия (Ветхий и Новый Завет), но христиане – не иудеи. Что же до иудейской религии, то она не сводима лишь к "Священному Писанию" (даже если иметь в виду исключительно Ветхий Завет). Как бы ни относится к трактату В. Гиндина, нельзя не признать, что он основан на изучении автором христианских, иудейских и мусульманских текстов, на их интерпретации, свидетельствующей о более высоком уровне знания, чем то, которое в своем письме демонстрируют гг. Галин и Харьян.

Относительно доводов Б. Генина серьезно говорить не приходится. Один только язык его "послания" свидетельствует о культурном облике этого человека.

Что же до безымянного "Патриота", опасавшегося быть обвиненным в антисемитизме, то ему можно дать один совет: не быть антисемитом. Конечно, случается порой, что критика еврейских авторов кое-кем в еврейских кругах объявляется "антисемитской". Здесь мы сталкиваемся с той же ограниченностью и нетерпимостью, которую мы осуждаем на примере "руссопатов". Автору этих строк приходилось (в интервью упоминавшейся уже газете "Спик-ап" – апрель 1978 г.) выступать против того, когда любое критическое замечание по адресу евреев вызывает обвинение в "антисемитских взглядах". Приводил я и соответствующие примеры – в частности, из практики газеты "Новое Русское Слово" и ее издателя г-на Седых. Ныне можно только подтвердить лишний раз, что национальная нетерпимость дурна вне зависимости от того, с чьей стороны она исходит – с русской или еврейской.

Но именно в национальной нетерпимости трудно обвинить В. Гиндина. В его трактате немало горьких слов в адрес не только русских, но и евре-

ев, и американцев. Однако Гиндина, конечно, нельзя считать "антисемитом" или расследовать его "антиамериканскую деятельность". Нельзя и в позиции "Современника" усматривать абсолютную солидарность со всем, что пишет В. Гиндин (или другие авторы журнала). Например, в этом номере помещено письмо Н. Тетенова, полное антиеврейских выпадов. Редакция с этими выпадами отнюдь не солидаризируется; они целиком на совести автора письма, но в рамках "Форума", где сталкиваются различные мнения, г-н Тетенев имеет полное право высказывать свои взгляды, какими бы экстравагантными они порой ни были.

"Современник – независимый, русский и демократический журнал. Издаваясь в свободной стране, он – слава Богу! – является бесцензурным (справка для г-на Генина: *бесцензурный* не значит *нецензурный*, а судя по Вашему письму, Вам известно только это понятие). Мы выступаем за свободу слова и одновременно за его культуру, за творческую мысль и за русское дело. Оно – это дело – должно, как мы думаем, сопрягаться с дружеским отношением к другим народам, а не базироваться на узком шовинизме. Таково веление времени. Таково нелегкий, но верный путь к истинно высокому русскому патриотизму.

В связи с отчаянной кампанией клеветы и угроз против журнала "Современник", организатором которой является Томас Шуман (он же — Юрий Безменов), мы публикуем присланный нам г-жей Марией Степник, проживающей в США, политический фельетон, способный дать представление о г-не Шумане-Безменове.

МАРИЯ СТЕПНИК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕДОТЫКОМКА

Воровато-бегающие глазки, такие же вороватые движения рук, кривая ухмылка на лоснящемся, полном лице... По-английски он говорит, стараясь придерживаться рассудительных интонаций этакого солидного джентльмена на покое (что, впрочем, плохо ему удастся); в разговорах по-русски, наоборот, развязан до крайности: может и матком припустить — дескать, смотрите, какая я "широкая русская натура!" Однако если и есть в его характере что-либо от "широты", так это беспредельные хамелеонство и двойственность. Он не только двуязычен по-английски и русски; он *двойник* по натуре своей: может услужить и предать, тут же объявить себя "борцом за идею" и через мгновение цинично признаться, что кроме денег его ничто в этом грешном мире не интересует...

Таков он — Томас Давыдович Шуман, то есть, простите, — и тут пресловутая "двойственность": он не только Шуман, он еще (на деле) — Юрий Александрович Безменов, бывший работник советских КГБ и АПН по совместительству. Так и хочется спросить перифразом известного: "Кто вы, доктор Зорге?" Хотя, честно говоря, на масштабы Рихарда Зорге Шуман-Безменов никак не тянет: не тот калибр!

Что же это за фигура: двойственный, двойной или раздвоенный — выбирайте сами наиболее подходящий эпитет — Томас Шуман, он же Юрий Безменов?

В начале 70-х годов он сбежал из Советского Союза, как уверяет он сам, "по политическим мотивам". Оказавшись в Канаде, он прежде всего сменил фамилию, имя и отчество. Юрий Александрович Безменов стал Томасом Давыдовичем Шуманом. Зачем? — спросите вы. Из этого Шуман-Безменов секрета не делает. Он решил выдавать себя за еврея, чтобы "подоить" еврейские организации на предмет удовлетворения своей главной страсти: денег, денег любой ценой! И потом это так удобно: с евреями вроде бы еврей; с русскими — вроде русский! В частных разговорах на эту тему Шуман-Безменов не боится "раскрывать карты". О русской общине в Торонто он, к примеру, отзывается так: русские здесь глупы, но денежки у них всё же есть. Значит, надо эти денежки у них выманить...

Скооперировался он с психиатром Феликсом Ярошевским. Этот, в отличие от Шумана, из Советского Союза не убежал, а солидненько выехал по израильской визе, но обосноваться предпочел в Канаде. Как и Шуман, Ярошевский томится жаждой "общественной деятельности". Весьма обиженный на журнал "Современник", который не принимает его за отсутствием необходимых способностей, он явился однажды в дом к графу Г.П. Игнатьеву – Президенту Ассоциации "Современник", с предложением "закрыть" не угодивший ему журнал. Понятно, что развязный психиатр получил суровую отповедь и с позором удалился. Впрочем, к позору ему не привыкать: еще живя в СССР, Ярошевский сел в тюрьму за *уголовные* махинации. В Канаде же он утверждает, что пострадал как *политический диссидент*. Таков ближайший "сподвижник" Шумана. Как говорится, два сапога – пара.

Шуман-Безменов некоторое время работал в Монреале, в русском отделе канадского радио. За исключительную склочность его оттуда уволили (Шуман, разумеется, приписывает это "политическим обстоятельствам"). И оказался наш "герой" на мели, кочуя между нынешней безработицей и бывшей работой, между Монреалем и Торонто, между русской церковью и еврейской синагогой. Такое в жизни "двойных людей" бывает...

С отчаяния Шуман выкидывает разные трюки. Так, однажды он явился в дом к г-ну Гидони не более, не менее как... с пистолетом. Заявив, что представляет собой "русскую общественность", Шуман потребовал "передать" журнал "Современник" в руки его самого, а также ближайших друзей – Ярошевского и Свирского. Понятно, что г-н Гидони ни пистолета, ни грозного Шумана не испугался и трюк лопнул: "Современник" остался сам по себе; Шуман-Безменов – "при своем интересе".

На всех углах Шуман кричит о том, что он, мол, "убежденный антикоммунист", раскаявшийся в своем кагебистском прошлом. Одновременно он проводит самую настоящую подрывную кампанию против "Современника" – журнала *антикоммунистического*. Нетрудно понять, в чьих интересах ведется такая кампания...

В романе Федора Сологуба "Мелкий Бес" есть жуткий образ Недотыкомки. Это непонятное существо – символ всего мелкого, подлого, прилипчиво-грязного в жизни. "...То по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собачкою, столбом пыли на улице... – пишет Сологуб – и везде ползет и бежит..." Шуман-Безменов – это нечто вроде сологубовской Недотыкомки. Но, как всякие призраки (в "Мелком Бесе" Недотыкомка создана большим воображением главного персонажа романа – Передонова), торонтская Недотыкомка (Шуман-Безменов) обречена на конечное исчезновение. Большинство русских в Канаде – вполне здоровые люди, не передоновы. И потому, какие бы облики ни принимал Шуман-Безменов, как бы ни мельтешил он под ногами нормальных людей, как бы ни пытался их перессорить, дело его – гиблое. На то он и – Недотыкомка!

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

ОТВЕТ СИЯВИНУ

Могу только приветствовать появление "Форума" в "Современнике". Появление подобной трибуны тем более приятно, что я, Сиявин и Вагин в течение многих месяцев вели подробные дискуссии на руинах подлинных римских форумов — в древней Остии и в самом Риме. Подобным *форумом* представлялось — по крайней мере, в замысле, — "Вече" Осипова, в котором и я имел честь принимать участие. Оказавшись на Западе, я старался продолжать близкую мне линию Осипова и "Веча". В качестве представителя осиповского "Веча" я приветствую "Форум" журнала "Современник" и его редактора за смелость в развитии принципа свободы печати и гласности, что означает и право на разногласия.

Получившие ныне громкую известность статьи и воззрения одного из крупнейших диссидентов — Игоря Сиявина, были мне хорошо знакомы по Самиздату в России и затем по беседам и дискуссиям в Риме, где спор велся между мной и Вагиным с одной стороны, и Сиявиным — с другой. Теперь, когда взгляды и доводы моего многоуважаемого противника сделались общеизвестными, я обращаюсь к редакции "Современника" с просьбой опубликовать и мои возражения, представляющие одно из многих проявлений русской свободной мысли.

Направление, представленное в России "Вечем", а в Зарубежье — мною и Вагиным, как бы это направление кому-либо ни казалось неприятным, является несомненным историческим фактом и было даже названо в либеральной печати "русской партией". Наш взгляд, если угодно — русский взгляд, вкратце таков. Мы — сторонники единого, громадного, централизованного государства. Возникновение и развитие Российской империи и ее географического преемника, называемого Советский Союз, — явление достаточно длительное и устойчивое, выдержавшее слишком много тяжелейших войн, чтобы его можно было отвергнуть короткой речью и резолюцией. Это — историческое явление, и одно из самых важных в истории.

Образование единого государства на обширных пространствах между Балтийским морем, Карпатами и Черным морем и до Тихого океана на востоке явилось следствием условий, присущих этим пространствам, и свойств, присущих населяющим их народам. Географическое положение и форма поверхности всей этой территории без значительных естественных подразделений представляет собой геополитическое целое, называемое Евразией. Русская часть Евразии, населенная многочисленной и дружной семьей народов, включает в себе все условия, благоприятствующие возникновению одной государственной системы на всем этом пространстве. Природные богатства позволяют этой территории оставаться экономи-

чески независимой от остального мира. Относительная бедность и громадность территории, вместе с упорством населения, позволяет вести успешные оборонительные войны. Для наступательных же войн именно громадность и неразвитость территории (и дорог) препятствует сосредоточить достаточные наступательные силы. Поэтому все стремления к делеению этой территории на отдельные самостоятельные уделы или республики постоянно, в течение многих сот лет, не удаются, в то время как политика объединения всегда побеждала. В свете несомненных фактов истории и географии очевидно, что попытка достигнуть освобождения народов и областей России путем отделения оказалась ошибочной и лучшим доказательством этому является безуспешность подобных устремлений. Вместо стремления к свободе путем отделения более целесообразной тактикой является объединение всех народов и людей доброй воли в борьбе за переустройство и целость многонационального государства. В единении — сила, в многообразии — свобода.

Маленькие однопациональные государства — однообразны, невыносимо пошлы, и не имеют реальной независимости, являясь мелкой разменной монетой в политической, экономической и военной игре крупных государств. От Венского конгресса до Версаля, Ялты и теперешних соглашений — реальное значение имеют лишь громадные могущественные государства. В раздроблении политического противника заинтересован лишь сильный сосед — "разделяй и властвуй". Объединение, благополучие и свобода человечества достижима лишь путем сотрудничества нескольких громадных государств. Лишь в рамках большого государства может быть образовано разумное общество, в котором человек — свободен.

Соединенные Штаты Америки создавались путем военных экспедиций и опустошительных войн. И когда в 1861 году южные штаты вполне конституционно вышли из Союза — ответом была неконституционная тотальная война. США не собираются отдавать свою территорию ни индейцам, ни Мексике — никому. Почему же другим государствам запрещается защищать свои интересы? Это нелогично. Развал России на сорок карликовых государств — по программе Гитлера — привел бы к ситуации подобной африканской. Природа не терпит пустоты. Образовавшийся вакуум будет немедленно заполнен хорошо вооруженными соседями. Ни Китай, ни США не собираются разваливаться. И даже Западная Европа объединяется в некое подобие государства. Собственно говоря, даже военно-политическое объединение НАТО имеет характерные черты сверхдержавы, даже без США.

Рассматривать проблему русской территории и охраняющих ее вооруженных сил нельзя в отрыве от окружающей среды. Несмотря на красивые слова деклараций, хищничества и разбоя в мире отнюдь не убавляется. И чем дальше, тем ощутимее блага обитания в громадном и хорошо вооруженном государстве. Иначе — разорвут, разграбят. Абстрактная демагогия о "правах" ведет лишь к катастрофе. В любой стране обязанности велики, а прав немного. Законы везде разные, и нарушать их — под предлогом абстрактных деклараций — нигде не позволено. Любая страна чем-то хуже и чем-то лучше других. Искусственно вырывать из контекста одну фразу (или одну страну) и на этой зыбкой основе строить критику — необъективно. Вот мой ответ моему уважаемому противнику Игорю Синявину.

II. ТЕТЕНОВ

ЖЕРТВА ПРОВОКАЦИИ

Мало кто знает о судьбе Бориса Евдокимова. В отличие от диссидентов, чья "деятельность" невероятно раздута еврейской прессой, имя Бориса Евдокимова предано забвению, а его самого вот уже шесть лет сводят с ума в Днепропетровской психиатрической больнице.

Издательство "Посев" напечатало отдельной брошюрой работу Б. Евдокимова "Молодёжь в русской истории", где он рассматривает причины гибели национальной России. Вот несколько выдержек из его работы:

"С Петра началось на Руси великое шатание всего и вся, не закончившееся по сегодняшний день..."

"Петровские преобразования положили начало глубокому разъединению народа и его высшего слоя и подорвали нашу духовную основу – православную Церковь. Но здоровый, "варварски-молодой" организм России выдержал европеизацию, "переварил" её, просуществовал ещё 200 лет, дав миру за этот короткий исторический период пример небывалого культурного расцвета."

"Русская интеллигенция была и осталась вплоть до уничтожения её большевиками (большевизм сам является порождением интеллигенции, "развитием, переходящим в отрицание", логическим завершением революционного "бесовства", осуществленной шигалевщиной) самым болезненным, самым нездоровым общественным слоем не только в русской, но и в мировой истории, несущим полную историческую ответственность за гибель России."

"Во всех русских революционных программах поражает, прежде всего, отсутствие национально-государственного не то что мышления, а просто чувства. Лёгкость, с которой русским окраинам и областям давалась "независимость" (а области эти и окраины не только обильно политы русской кровью, но *теснейшим* образом связаны с Россией, связаны экономически, географически, культурно, духовно; наконец, "национальные чаяния" населения этих областей зачастую просто *придуманы* кучкой местных интеллигентов, стремившихся к политической власти), просто поразительна... Впрочем, если учесть, что больше половины "русских" революционных вождей были не русские по своему происхождению и крови, то лёгкость, с которой они предоставляли всем желающим пресловутое "право на самоопределение вплоть до отделения", станет более понятной... Легко торговать чужим наследством, когда не приобретал его, и когда умерший не только "эксплуатор", но и представитель ненавистной "угнетающей" национальности."

"Франция 18-го века была *одной* из западно-европейских стран. Россия 20-го века – это целый мир. В этом "русском мире" жили многочисленные народы, резко отличные друг от друга в культурном, религиозном, этническом и экономическом отношениях. Народы эти зачастую смертельно ненавидели друг друга; объединяла и сдерживала их взаимную ненависть только

власть русского царя."

Все эти высказывания Евдокимова прямо противоречат конкретным делам по расколу единства России, которые Запад предпринимает с помощью разного эмигрантского отребья, будь ли то сфабрикованный "Закон о нациях 86–90" для разжигания вражды против русских, либо так называемые "жертвы антисемитизма" – новейшие эмигранты.

Кроме того, многие люди всё ещё думают, что Запад, в частности, Соединенные Штаты Америки являются защитником свободного мира от коммунизма. Но это далеко не так, судя по тому, какую гнусную роль сыграл Запад в деле установления еврейского господства в России 60 лет назад и как он сегодня предаёт одно государство за другим.

Если ложь повторять тысячу раз, – говорил Геббельс, – её станут воспринимать как истину. Это правило великолепно усвоили специалисты по промыванию мозгов, которые почти монополично владеют средствами информации в мире, гипнотизируя в людях способность критического анализа. И тем не менее, в мутном потоке тотальной лжи иногда удается отыскать крупицу истины. 8 октября 1978 г. в газете "Новое Русское Слово" появилась статья К.Фримана "Зловещая кампания", в которой он высказывает невероятные по своей откровенности мысли: "До сих пор кремлевская антисемитская пропаганда была замаскирована под "антисионизм". В последние недели советская партийная печать эту маску отбросила. В новейших публикациях речь уже идет об опасности, угрожающей "миролюбивым народам со стороны капитализма, контролируемого во всемирном масштабе крупной еврейской буржуазией."

"И в конце сороковых годов, – продолжает К.Фриман, – когда советская печать проводила пресловутую антикоммунистическую кампанию, Москва пользовалась рядом эвфемизмов. В те годы евреи именовались партийными органами "космополитами", людьми без рода, без племени", преклоняющимися, якобы, перед Западом. Но даже Сталин не осмеливался называть вещи своими именами."

Эк куда хватил! Как видите, даже Сталин был у них холуем, а Евдокимов повторяет ходячее заблуждение, будто "Сталин узурпировал всю власть в государстве".

Что же все-таки было в сталинскую эпоху: культ личности или плановое истребление гоев? Вот так, спустя полвека, правда постепенно выходит наружу.

Скажем прямо: коммунизм – это еврейская духовная доктрина, осуществляемая "огнем и мечом" в России, которую направляет и контролирует Международный Еврейский Заговор. В то время, когда евреи, находясь у власти, истребляли русский народ и вытравляли у него историческую память, на Западе захлебывались от восторга, называя это "успехами страны победившего социализма". Но теперь, когда "избранный народ" постепенно вытесняют с насиженных командных высот, либо они сами, почуяв недоброе, бегут на "историческую родину", Запад для их защиты выдвинул лозунг о "правах человека", нисколько не смущаясь тем, что права собственных граждан находятся во власти распоясавшихся насильников и бандитов.

Теперь евреи, прямым сообщением прибывающие из СССР в США, дружно становятся в ряды антикоммунистов, чтобы еще раз обмануть мир, что коммунизм не их затея и что они лишь его несчастная жертва.

Возвращаясь к Евдокимову, следует сказать, что до сих пор остаются невыясненными причины его внезапного ареста, т.к. в "Посеве" и "Гранях" он печатался под псевдонимами. За столь долгий срок ИТС мог бы начать широкую кампанию защиты Евдокимова, как это было, например, с Л.Плюшем и В.Буковским, и тем самым частично загладить свою моральную ответственность за его арест.

Но раз не велено, а потому и молчат. Частные усилия, разумеется, не могут выволить Евдокимова из сумасшедшего дома, но они способны поддержать его дух и облегчить материальное положение его сына.

Всем нашим друзьям на родине, особенно на примере трагической судьбы Бориса Евдокимова, нора усвоить суровую истину, что у русских националистов нет друзей вне отечества. И не потому, что у народов Запада совершенно атрофированы национальные чувства, а потому, что все общественные места забиты платными приживалами, демагогами и бизнесменами от политики. Если мы хотим добра своему народу, то только у него мы можем найти понимание и поддержку. Все другие пути ведут во вражеский стан, будь это щедрый Еврейский Кагал, масоны или самостийники.

Запад коварен: он уже спровоцировал и погубил обещанием защиты многие тысячи, если не миллионы. В настоящее время "свободный мир" сам нуждается в свободе от иноземцев, которые растлевают молодежь сексом и одурманивают наркотиками.

Не имея более силы задавать тон в России, евреи покидают свою вотчину, оставляя ядовитые семена грубого материализма и скепсиса. России теперь предстоит наиболее трудная работа – труднее, чем после татарского нашествия, – по искоренению иудейской морали, господствовавшей в стране на протяжении десятилетий, чтобы твердо встать на исторический национально-религиозный путь, на котором она успешно развивалась на протяжении одиннадцати веков.

И не далек тот день, когда люди, подобно Борису Евдокимову, а не ловкие двурушники и разрушители, будут официально признаны как мученики и святые, отдавшие свои жизни за духовное возрождение России.

ЭРУДИЦИЯ Г-НА МАКСИМОВА

Журнал "Посев" опубликовал в сентябрьском номере интервью редактора журнала "Континент" газете "Котидьен де Пари", в котором он высказывает свое политическое и творческое кредо.

– На всю жизнь запомнилась мне фраза из "Преступления и Наказания", сказанная Мармеладовым Раскольникову: "Все, что ты говоришь, правда и потому несправедливо, – говорит г. Максимов.

Напрасно читатель будет перелистывать страницы романа и даже черновики Достоевского в поисках этого сомнительного афоризма. Он его не найдет, да и заметит к тому же, что Мармеладов никогда не говорит Раскольникову "ты".

Можно только подивиться, какая короткая память у нашего маститого писателя, литературная деятельность которого на Западе ознаменовалась прежде всего тем, что он сделал инсценировку "Бесов" и даже включил ее в пятый том собрания своих сочинений. Ведь фраза, которую он "запомнил на всю жизнь", – вольный пересказ высказываний бесов, олицетворявших в глазах Достоевского ложь.

"Друг мой, настоящая правда всегда неправдоподобна... Чтобы сделать правду правдоподобной, нужно непременно подмешать к ней лжи, – жонглирует словами Верховенский-старший. И тут же признается: "Всего труднее в жизни жить и не лгать... и собственной лжи не верить".

"Надо правды только уголок показать... Всегда сами себе налгут больше нашего", – вторит ему главный бес – Петр Верховенский, откровенно называющий сам себя мошенником.

Если профессион де фуа самого г-на Максимова почему-либо и совпадает с нравственными убеждениями упомянутого персонажа, которого он спутал с Мармеладовым, то Достоевский, напротив, стремился в своих произведениях к предельной правде. Неслучайно он писал в 1876 году Алчевской: "...я вывел неотразимое заключение, что писатель художественный... должен знать до мельчайшей точности изображаемую действительность... Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение – не действительности собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего."

Не мог бы он сказать, будто "правда", которую он искал с такою страстью, "несправедлива".

Зачем же приписывать великому писателю собственные взгляды?

Р. Чертогонов (Париж)

НАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ ИЛИ ИМПЕРИЯ?

О т в е т   о п п о н е н т а м

В газете "Русская Жизнь" (Сан-Франциско) 23 и 28 марта 1978 года были напечатаны мои и Петра Болдырева выступления по национальному вопросу. В редакционной сопроводительной приписке сотрудникам газеты предлагалось начать дискуссию на поставленные в наших докладах проблемы. При этом редакция указывала направление полемики: необходимо, мол, дать апологетику экспансионистской политики Российской Империи.

Уместно заметить, что термин "империя" в применении его к российской дореволюционной истории редакция "Русской Жизни" стыдливо замалчивает, поскольку совместить принципы свободы и демократии (провозглашенные, в числе прочих, идеалами, которыми руководствуется редакция) с имперскими идеалами и имперской реальностью невозможно.

И эта невозможность соединить несоединимое: правду с насилием, веру с демагогией – столкнула наших оппонентов с пути выяснения истины в скандал. Они попрали элементарные этические нормы. Личные оскорбления, сквернословие – всем этим заполнены многочисленные заметки и статьи, которыми откликнулась противная сторона. И – ни одной статьи без подлога фактов.

Почему я сел за машинку и отстукиваю свои размышления? Почему?.. Может быть, потому, что в этой реакции слышится рычание духа, раздающегося под сводами тысячелетий? Снимает он всю полноту ответственности с сегодняшних своих носителей, к которым приходится относиться, как к больным, поработанным идеей-фикс. Пока такого больного не беспокоят – он вполне здоровым кажется, а чуть коснутся сферы его патологии, – теряет рассудок и самоконтроль, набрасывается на всякого, кто не верит в его бредни.

Аналогия не натянута. Тоталитарно-имперский миф находится в противоречии не только с христианскими идеалами, но и с обыденной реальностью. Потому-то мутанты с имперской доминантой и впадают в бешенство, как только нарушается табу и приподнимается завеса над тайной, которую они пытаются скрыть от других и от себя: над неразрывной связью между империей (внешним могуществом) и тоталитаризмом (подавлением духа и личности).

Дискуссия открылась анонимным фельетоном "Аукцион", помещенном в "РЖ" на том месте, где публикуются статьи, выражающие мнение редакции. Автор фельетона пародирует мою и П.Болдырева позицию: они, мол, продают на международном аукционе Россию, отрезая от нее единопутробные куски: Украину, Кавказ, Среднюю Азию и т.д. Для каждого автор подыскал своего покупателя: Польшу, Турцию, Ватикан, Германию – все они проглатывают куски, превосходящие проголодавшихся размерами. Оставшаяся Великороссия достается Мировому Государству (в оригинале

у автора, по-видимому, стояло: Мировому Кагалу).

Читателям остается сделать вывод, что всех этих мировых хищников сдерживает Великий Могучий Советский Союз. Достаточно незначительной корректуры, не искажающей основной замысел, и фельетон вполне мог бы красоваться в "подвале" газеты "Правда".

Действительно, если русскому и другим народам грозит опасность гораздо бóльшая, чем то положение, в котором они ныне пребывают, если миру не угрожает возникновение единой мировой системы с центром в Москве, то стоит ли обвинять советскую власть за частичные неудачи?

Но спросим грузина или латыша. Не откажется ли он от национальной независимости из-за риска подпасть под ярмо еще более тяжелое, чем советское? Я думаю, будет ответ: "Свобода связана с риском. Обретя независимость, мы будем отстаивать её. Согласиться с вашей "безопасностью" – самоустранить себя как нацию". И если бы автору фельетона удалось найти согласных с его доводом – это были бы коллаборационисты. Но не они решают судьбы народов.

Представим на минуту, что монгольская империя сохранилась вплоть до наших дней. И вот официальная великомонгольская пропаганда вещает на монгольском языке по первому каналу телевидения: "Русские братья, в семье братских народов вы заняли достойное место. Вы избежали ужасов Ивана Грозного, Смутного Времени, религиозного раскола, кровавой революции, сталинских концлагерей. Ныне перед вами открыты сокровища культуры Востока. Вы научились пользоваться иероглифической записью и скоро под покровительством Великого Сына Неба окончательно сольетесь с другими народами и образуете новый тип человека: желто-белого долихобрахицефала. Только единицы из вас – сумасшедшие уголовники мечтают о "свободе" под американским или германским протекторатом."

Какие бы тогда писал фельетоны автор "Аукциона"?

Но он, конечно, откажется даже в воображении поставить русских в положение поработенной нации: "Не мы попались – не нам взывать к абстрактной справедливости." Этим мы опять попадаем в двусмысленное положение: отказываясь от моральных критериев при решении национального вопроса, мы не можем ими пользоваться при оценке советской власти, и она оказывается правой, поскольку сила на ее стороне. Духовные принципы – не предмет спекуляции. Если мы хотим видеть свой народ свободным – мы не можем отказать в этом другим. Но увы, не только духовно-нравственные доводы диктуют необходимость отказа от имперского соблазна. Встает задача физического сохранения русской нации, русского человека. Империя – есть всё ускоряющийся процесс стирания внутринациональных особенностей, создания человека единого типа. Даже если бы этому типу кремлевские идеологи заменили название с "советского человека" на "русского человека", от русского в этом монстре сохранилось бы одно название. Не помогла бы и замена коммунистической идеологии на традиционно-царскую или еще какую-нибудь. При сохранении централизованного многонационального государства процесс слияния-растворения шел бы все более ускоренным темпом. И никакое трижды русопятское центральное руководство не смогло бы остановить неизбежное. Необходимость единообразия, единомыслия, устранения внутренних различий – тождественны самосохранению империи.

Таким образом: или нация – или империя.

Староэмигранты, яростно набросившиеся на тех, кто приподнял над этим завесу, потеряли инстинкт национального самосохранения. Они являют собой старый имперский тип, которому на смену пришел новый, советский, окончательно формирующийся на наших глазах.

Следующий по времени ответ: письмо редактора "Свободного Слова" Михаила Туряницы, опубликованное 13 апреля в "РЖ". Письмо, прямо сказать, хамское. Мы у него оказываемся: врагами Руси, предателями родины, продажными прокаженными; нами надо гнушаться, изгнать из русского общества, – почти десяток ругательств на тридцатистрочное письмо. Суть "опровержения" М.Туряницы сводится к отрицанию существования Украины и Белоруссии, которые, мол, искусственно созданы коммунистами. Да... тут не поспоришь...

18 апреля прошлого года аргентинская газета "Наша Страна", орган монархистов, обрушивается тремя с половиной статьями. Авторы их больше всего возмущены тем, что я и Болдырев опубликовали в "НС" "свои религиозно-патриотические статьи, хотя у обоих не могло быть ни малейшего сомнения в том, что газета защищает величие и единство России".

Да, я отдавал отчет, что газета придерживается имперской ориентации, но, посылая свои статьи в газету, ставил подпись только под своими словами, а не под всею политической программой сегодняшней редакции этой газеты, и не собирался разделять ответственности за тот балласт, которым отягчено национально-русское направление этой газеты. Учитывая данный аспект, я и взял на себя инициативу организации в Нью-Йорке благотворительного концерта в пользу "Нашей Страны", на котором призвал русскую аудиторию поддержать оказавшуюся в финансовом затруднении газету национально-русского направления. Я отметил необходимость печатного органа общемонархического фронта даже для тех, кто не является монархистом. Под этим я и сейчас подпишусь. И несмотря на поток брани, раздавшийся в наш адрес со страниц "НС", желаю детищу Ивана Солоневича и дальше здравствовать.

Признаюсь, по прибытии на Запад неприятно поразила партийность эмигрантской печати на русском языке. Задыхаясь в Советском Союзе от партийной цензуры, невольно надеешься, что свободная пресса за границей откроет, наконец, доступ к читателю. Увы... Оказывается, русскоязычная пресса понимает свободу слова как свободу внутри направления, которого придерживается редакция. Такой подход к свободе слова не отличается от советского. Слава Богу, Запад не ограничивает возможности появления печатных органов различных направлений. Последнее не является достижением русскоязычной эмиграции. Порой кажется, что любой из русскоязычных журналов или любая газета на русском языке с величайшим удовольствием установили бы свою монополию в области слова, будь на то у них возможность.

Поскольку ни в одно прокрустово печатное ложе я не мог втиснуться, то попытался разместиться во всех сразу. Я считал (может, наивно), что

имею право на разговор без посредников с русским читателем. Но между читателем и автором накрепко устроился редактор, с самоуверенностью гениального дирижера пытающийся манипулировать сотрудниками и подписчиками. Начинаешь завидовать Сократу, не касавшемуся бумаги и избавленному от цензуры. Таким образом пришел к неутешительному выводу: свободу для своего слова можно обрести лишь в собственном печатном органе, средствами на который я не располагаю.

О.Бартенев в статье "Хотят развалить Россию" ("НС", 18.4.78 г.) поражен и возмущен тем, что мы рискнули высказаться за предоставление независимости нациям без каких-либо условий и оговорок. "Даже без плебисцита!" – восклицает он.

Не нужно принимать слова Бартенева за чистую монету – его соболезнование о попранной священной ценности плебисцита – всего лишь риторический оборот. Сам-то Бартенев, вместе с редакцией "НС", как раз за сохранение единства и неделимости советской империи без всяких условий и оговорок, даже без плебисцита. Перефразируя Бартенева: безоговорочное единство – хотят того народы России или нет, на мнение которых О.Бартеневу и редакции "НС", равно как и кремлевским коммунистам, в высшей степени наплевать.

Плебисцит...

Можно допустить его в суверенном государстве по вопросу о присоединении к подлинно свободной федерации. При обретении же независимости плебисцит возможен был бы в одном только случае: если присоединение в свое время произошло в обеих частях – присоединяемой и присоединяющей – на основе плебисцита, закрепленного договором, условия которого за время совместного существования не были нарушены. Но даже в этом случае потомки присоединенной в свое время нации имели бы право заявить: "Наши предки предали нас. Мы – наследники не их духа, а наследники духа их отцов, еще не утративших вкус к свободе".

Имперская Россия (как бы ни пытались поставить факты с ног на голову) или силой захватывала окружающие территории, или, используя трагическое положение народов, попавших между двух жерновов, вступала с ними в "союзы". Подписанный договор, который гарантировал автономию или независимость присоединенных народов, в каждом случае неизменно (подобие таково, будто действовали по одной инструкции) попирался. Ликвидировалась национальная власть: гетман, царь, парламент... И потому выдвигать эту коварную хищническую политику на всеобщее одобрение равносильно референдуму в нацистской Германии по вопросу о присоединении завоеванных земель к Рейху. Подобный референдум дал бы процент, вполне устроивший нацистов для демонстрации их демократизма. Но поставьте этот вопрос на обсуждение в сегодняшней Германии – и вас считают удравшим из сумасшедшего дома. Не произойдет ли нечто подобное со всеми, кто пытается увильнуть от решения: империя или независимость – за идею референдума?

Но Бартенев рано начал удивляться. Он не понял еще всей кардинальности нашего подхода к ликвидации империи. Русские не могут и не должны брать на себя обузу – освобождение других наций от имперского ига.

Не они ответственны за создание империи. Они были исполнителями – не архитекторами. Они были порабощены раньше и порабощены вместе с другими нациями, входящими в состав СССР. Наряду и вместе с другими порабощенными нациями русские должны бороться за независимость и свое национальное государство.

Чтобы оправдать обвинение нас в русофобии, Бартеневу ничего другого не остается, как извращать тексты. Так, он цитирует от моего лица слова, которые я вкладываю в уста самостийников: "Для них Россия – это империя-хищник..." Бартенев подтасовывает: "Синявин пишет: "Россия – это империя-хищник..." Действительно, тот, кто считает свою родину хищницей, тот ренегат, презирает свою нацию и прочее. Но дело в том, что у нас с О.Бартеневым разные и Родина и Россия. Его родина, его Россия – это Российская Империя. Моя...

Происходит постоянная путаница с именем Р о с с и я. Этим именем обозначают то сегодняшний Советский Союз, то Российскую Империю. Если автор антикоммунист и одновременно русофоб, то сплошь и рядом в своей критике Советского Союза вместо этого имени пишет: "Россия", а при нейтральном описании ставит: "СССР". Русофилы имперской ориентации наоборот: при критике зла пишут: "СССР", а при указании на мощь этого государства, на его неделимость: "Россия". Точнее же будет под именем Р о с с и я иметь в виду ту Россию, которая явственно никогда не была явлена миру ни в своих границах, ни в полноте проявления духа и культуры, ту Россию, которая страдала под имперской властью, насилывалась ею ради интересов и целей, далеких от нужд собственно российских.

Эта Россия, еще живая и непокоренная, в моем сердце. Эту свою Родину я люблю, и ненавижу всем своим существом как бывших ее насильников, так и нынешних. Величие бартеневской "России" – это закабаление моей Родины, которую я бы хотел видеть великой, но до этого еще далеко. Ныне она голодна, забита, споена, сидит по тюрьмам, потеряла лучших своих сыновей. Дайте ей, гг. Бартеневы и иже с вами, хоть малую толику пожить свободной, и вы увидите, на что способен русский человек! Ваше же величие – это величие тиранов, паразитов, величие на крови, над задушенной свободой, величие дворцовых балов и мишурных церемоний, величие над подавленной личностью человеческой, величие лжи, демагогии над Истиной и Правдой. Разве мало Вам, О.Бартенев, подобного величия, осуществленного Советским Союзом? Куда дальше?!

(Окончание в следующем номере)

... Х Р О Н И К А ...

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА "СОВРЕМЕННОК"

В 1975 году, после смерти моего предшественника на посту Главного Редактора В.Л.Савина, обстоятельства заставили меня взять на себя эти обязанности. Насколько успешно я их выполнял, не мне судить, но с главной задачей, т.е. с сохранением журнала, я справился и журнал продолжает существовать и развиваться, несмотря на все трудности, связанные с изданием русского журнала в тяжелых условиях Зарубежья.

Моей мечтой было остаться на моем посту до 20-летнего юбилея существования журнала, т.е. до 1980 года. К сожалению, я не учел состояние моего здоровья, которое в декабре прошлого года еще более ухудшилось, лишив меня возможности руководить работой "Современника".

10 января сего года я передал обязанности Главного Редактора журнала Александру Григорьевичу Гидони, моему заместителю, с которым меня связывает личная дружба и забота о журнале. Я уверен, что он успешно справится с этой работой и что под его руководством "Современник" будет успешно развиваться и в дальнейшем.

В заключение я приношу мою искреннюю благодарность всем читателям, авторам – сотрудникам журнала и членам Редколлегии, неизменно помогавшим мне за эти годы.

Л.Е.ФАБРИЦИУС

Г л у б о к а я   б л а г о д а р н о с т ь

Редколлегия журнала "Современник" с благодарностью отмечает заслуги Льва Евгеньевича ФАБРИЦИУСА в руководстве журналом. Его преданность Русскому делу, принципам демократической журналистики, в сочетании с писательским талантом и жертвенностью во имя "Современника" обеспечили журналу выход на новые рубежи, что расширило популярность нашего издания.

От души желаем Льву Евгеньевичу Фабрициусу, члену Редколлегии "Современника", здоровья и творческих успехов.

Ч Л Е Н Ы   Р Е Д К О Л Л Е Г И И

В Редакции "С о в р е м е н н и к а". С 10 января 1979 года Александр Григорьевич Гидони приступил к работе Главного Редактора журнала "Современник".

Решением рабочей группы Редакции журнала в состав Редколлегии "Современника" кооптирован известный украинский писатель Улас Самчук.

ЗАЯВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ГИДОНИ

В 1978 году советский журнал "Москва" опубликовал на своих страницах большую поэму Василия Федорова "Женитьба Дон-Жуана". Обращенная к "вечному сюжету", эта поэма написана довольно талантливо, но, конечно, проникнута насквозь советской идеологией и выполняет определенный "социальный заказ".

В связи с этим считаю нужным заявить следующее:

В Советском Союзе в самиздатовских кругах распространялся и распространяется ныне написанный мною в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов стихотворный роман "Дон Жуан". Он был опубликован в журнале "Современник" (№ 30-31 за 1976 год). В поэме Василия Федорова есть места, представляющие переключку с текстом моего "Дон Жуана", полемику с ним, сюжетно-текстуальные заимствования. У меня нет прямых доказательств, что Василий Федоров читал моего "Дон Жуана" и полемизирует именно с ним, но косвенных примеров можно привести немало.

По этой причине я имею основания считать, что, возможно, Василий Федоров хотел создать советско-цензурный вариант поэмы о Дон-Жуане, должный противостоять моему — *бесцензурному и антисоветскому*. Если это так, то читатели имеют дело с примером советской "контрпропаганды" в виде поэмы В.Федорова и должны знать об этом.

А. Гидони

В связи с событиями в Иране Редакция "Современника" решила выразить свое искреннее сочувствие Его Величеству Шахиншаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви, семье Шахиншаха и всем почитателям этого выдающегося государственного деятеля.

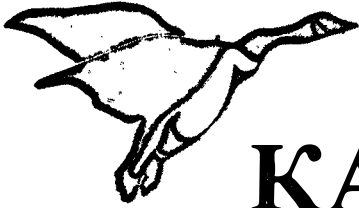
В то время, когда недалевидные "либералы", всякого рода левые экстремисты и мусульманские фанатики, объединившись, клеймят Шахиншаха как "тирана и деспота", мы хотим присоединиться к тем, кто помнит о Его благородных усилиях добиться процветания и прогресса иранского народа на путях гармонической эволюции различных сфер общественной жизни. Для русских симпатии к Шахиншаху, как представителю династии Пехлеви, обусловлены также воспоминанием о связях отца Шахиншаха с Россией, равно как и мужественным противостоянием самого Мохаммеда Реза Пехлеви угрозе мирового коммунизма.

Мы выражаем надежду, что иранский народ сумеет выйти из трагической полосы нынешних тяжелых событий и с должной степенью благодарности отнесется в будущем к своему Монарху, чья судьба является свидетельством того, какие испытания выпадают в этом мире на долю людей творческого духа и высокого предназначения.

Р е д а к ц и я "Современника"

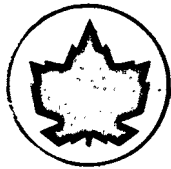

CANADA

КАНАДА

"КАНАДСКОЕ" СТИХОТВОРЕНИЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Общеизвестен энциклопедический размах интересов и пристрастий Валерия Брюсова. Древняя история и современная ему действительность, наука и мистические искания, лиризм и рационалистическое стремление "алгеброй измерить гармонию" — всего этого с избытком хватает в его творчестве. Исключительно широкой была и "география" его стихов: от "палящего полдня Явы" в одном из ранних стихотворений — до "снегов Канады". Стихотворение, посвященное Канаде, мы и решили напомнить читателям "Современника".

Оно вошло в последнюю книгу Брюсова и отмечено не только его интересом к далекой канадской земле, но и характерными для позднего Брюсова стихотворными поисками. Поэт рассчитывает на подготовленного читателя, способного оценить лингвистически-смысловой эксперимент, связанный с применением неожиданных рифм и ритмических красок, новых ассоциаций, оригинальных инверсий и непривычного синтаксиса. Сам образ Канады в стихотворении Брюсова конкретностью не отличается; "канадская экзотика" нужна ему для воплощения его формальных поисков и характерной для него темы прославления Человека. По собственному замечанию Брюсова, "картина Оттанукзига нарисована по изображениям американского писателя Ч. Робертса." Иными словами, стихотворение "Над снегом Канады" явилось, вероятно, отголоском впечатлений от книг известного канадского писателя и натуралиста Чарльза Робертса (1860-1943).

НАД СНЕГОМ КАНАДЫ

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада,
Где, гигантская кукла, нос – в полюс, Америка, – рысь
Ждет, к суку прилегла, взором мерит простор, если надо
Прыгнуть; в узких зрачках – голод, страх, вековая корысть.

Тихо все от великой, безмерно раздвинутой стужи;
Над рекой, по полям, через лес январь белость простер;
Холод жмет, горы, словно звериные туши, все туже;
Пусто; где-то неверно чуть вьет дровосечий костер.

Рысь застыла, рысь ждет, не протопчут ли четкость оленя,
Не шмыгнет ли зайчонок (соперник что волк и лиса!);
Рысь храбра; в теле кровь долгих, тех же пустынь, поколений,
Рысей, грызших врага, как грызет колкий холод леса.

Кровь стучит в тишине пламенем напряженных артерий,
Лишь бы, пб-белу алое, алчь утолить довелось!
Не уступит, не сдаст даже черно-пятнистой пантере,
Даже если из дебри, рогами вперед, внове – лось!

Чу! Хруст. Что там? Всей сжаться. За стволями бурые лыжи
Лижут в дружном скольженьи блистающий искрами наст.
Вот – он, жуткий, что сон, – человек! вот он – хмурый и рыжий;
Топора синь, ружья синь, мех куртки, тверд, прям, коренаст.

Сжаться, слиться, в сук вьестся! Что голода боли! Несносны
Эти блески, свет стали, свет лезвий, свет жалящих глаз!
Слиться, скрыться: защита – не когти, не зубы, не сосны.
Даже! выискать, где под сугробом спасительный лаз!

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада,
Где, гигантская кукла, нос – в полюс, Америка, – век
За веками, где звери творили свой суд, если надо,
Там идет, лыжи движутся, Бог, власть огня, Человек!

В связи с двадцатилетием журнала "Современник", исполняющимся в 1980 году, редакция решила осуществить издание специальной Антологии авторов журнала в переводах на английский язык. Для реализации этого замысла редакция обратилась к федеральным властям Канады с просьбой об оказании денежной помощи.

20 января 1979 года депутат Федерального Парламента от Либеральной партии г-жа А.Николсон вручила редакции журнала денежный чек в качестве первой части той субсидии, которая должна быть предоставлена "Современнику" на осуществление планов по изданию "Антологии". В беседе с членами редакции г-жа Николсон выразила надежду, что публикация такой книги будет полезна и сама по себе, и одновременно поможет усилению активности русской этнической группы в целом, русских литераторов в частности, в деле проведения линии "мультикультурализма", т.е. осуществляемой в Канаде политики поощрения культурного развития всех этнических группировок.

Г-жа А.Николсон пожелала "Современнику" успехов в его деятельности и заверила редакцию в полной доброжелательности по отношению к журналу со стороны федеральных властей Канады.

Говоря от имени редакции, г-н Л.Е.Фабрициус выразил, со своей стороны, глубокую благодарность г-же Николсон и федеральным властям за их помощь и внимание к "Современнику".

Н а с н и м к е: Член Федерального Парламента г-жа А.Николсон беседует с г-ном Л.Е.Фабрициусом.

Г И Б Р И Д

Вряд ли найдется во всем читающем мире любитель животных, который в свое время не познакомился бы с книгами Лоренца "Кольцо царя Соломона" и "Человек находит друга". Они переведены почти на все языки и завоевали себе широкую популярность.

В первой из этих книг Лоренц пишет о языке животных, вторая посвящена целиком собакам. Причем, автор основное место уделяет психологии собак, их характерам. Это не удивительно: если раньше человек заводил собаку для практических целей – охоты, охраны имущества, пастьбы овец, то теперь большинство собаководов заводит пса "ради души", чтобы иметь под рукой друга, так сказать, "родственную душу".

Анализируя характер разных пород собак, Лоренц приходит к выводу, что одни из них произошли от шакала, другие от волка. В примечании к русскому переводу книги редактор не соглашается с такой точкой зрения. Он мотивирует это тем, что у волка и шакала разное число хромосом и что шакалы, скрещенные с волками, не могут давать гибридов. А если это так, то и их потомки в виде собак не могли бы скрещиваться между собой, в то время как на самом деле они скрещиваются.

До последнего времени не было зарегистрировано случая, чтобы волки скрещивались с шакалами и, тем более, давали потомство. Однако год тому назад в Монреале я сфотографировал еще слепого щенка. Рядом с ним лежит его мать – шакал с русской кличкой "Тайга". Тут же – отец. Это волк, которого хозяева за его высокомерное поведение нарекли "графом Орловым".

"Орлов" – волк очень приветливый и даже мне, незнакомому человеку, позволил почесать себя за ухом. Он держится с достоинством и в отношениях с хозяином у него нет той заискивающей подхалимности, которая свойственна некоторым собакам. Он смел, но не агрессивен. Иное дело – Тайга. Когда она просит есть, то расплывается по полу и виляет не только хвостом, но и всем туловищем. Зато может тяпнуть за протянутую к ней руку, если почувствует, что человек ее боится. Характер у нее взбалмошный и положиться на нее трудно.

В Канаде есть группа людей, увлекающихся животными и отдающих им все свободное (и не свободное даже) время. Эти люди настолько увлечены психологией диких животных, что в психологии человеческого общества (как про них шутят) разбираются гораздо хуже. Посему они не имеют соответствующих дипломов, ученых степеней, да и не стремятся к этому.

И вот эти люди считают, что отсутствие гибридов между волками и шакалами носит не генетический, а социальный характер. Волки – хищ-

ники первого порядка, т.е. охотники, убивающие дичь; шакалы – второго: пожиратели падали и остатков трапезы хищников первого порядка. Поэтому волки презирают шакалов, не подпускают их к дичи. А шакалы боятся волков. Так происходит в природе. Но в неволе можно подружить и кошку с собакой и даже кошку с мышами. А что если еще слепого шакаленка подружить с юным волчонком?

Такой эксперимент был проделан. В результате дружба перешла в любовь, а любовь увенчалась деторождением. Правда, отношения между Орловым и Тайгой довольно своеобразны. Тайга явно зависит от Орлова. Вот она, поскуливая, что-то просит у него. Тот снисходительно ей улыбается. И Тайга начинает облизывать детеныша. Но вот она встала без разрешения и Орлов скалит зубы. Тайга тут же ложится, начинает поскуливать и вилять хвостом. Орлов снисходительно кивает и Тайга встает.

Сейчас их сыну больше года. Он давно перерос мать и по характеру больше похож на отца.

Хозяева с нетерпением ждут, будет ли у него свое потомство. Ведь гибриды часто бывают бесплодными, например, помесь осла с лошастью – мулы.

Правда, чтобы быть точным, надо указать, что известно несколько случаев, когда и мулы давали потомство. Первый из них зарегистрирован в истории в седьмом веке до нашей эры.

Когда персидский царь Кир осадил Вавилон, он послал ультиматум с предложением сдаться. В ответе осажденных говорилось: "Скорее Мулица родит муленка, чем падет Вавилон." И вот, в ночь перед штурмом в персидской армии родился муленок. Это настолько подняло дух армии, что Вавилон был взят...

Возможность скрещивания между шакалами и волками интересна не только для подтверждения теории Лоренца, но и потому, что в Канаде в последнее время появились странные группы шакалов. Они гораздо больше ростом своих собратьев и живут стаями. С другой стороны, в Канаде впервые были замечены волки, умеющие лаять. А всегда считалось, что животные из семейства собак или лают или "поют", но никогда не делают и то и другое...

А может быть, между этими видами пропасть не так уж глубока?..

ГАЛИНА РУМЯНЦЕВА

Н И А Г А Р А

...Врасплох упали ночи чары,
рассыпав в небе звездный град,
над набережной Ниагары,
в её хрустальный водопад.
И сердце сжалось.

Невозможно
еще вчера казалось мне
иметь всё то, что непреложно
теперь со мной,
теперь вполне –
м о ё.

И ббльшего не надо!
Лишь только бы вот так –
смотреть
сквозь ниагарских радуг сеть
в твою сверхрадужность,
Канада.

Ты мне судьбою суждена,
как пенность – этой водной буре...
Смотрю:

в неоновой лазури
волну уносит вдаль волна.
И я вот так –
волной мятежной
метнулась вдаль от берегов,
от золотокованных оков
любви и горести безбрежной.
Теперь творю немой обряд,
любя Канады сопричастье –
хрустальную подкову счастья –
мой Ниагарский
водопад!

1979 год должен быть годом федеральных выборов в Канаде. Как известно, канадская парламентская система развилась, имея своим образцом аналогичную систему Великобритании. В настоящее время на политической сцене доминируют три самые значительные партии: Либеральная (находящаяся у власти), Прогрессивно-консервативная и Новая Демократическая (социалисты). Основными конкурентами в борьбе за контроль над парламентом и возможность сформировать правительство являются либералы (лидер – нынешний премьер-министр Пьер Эллиот Трюдо) и "тори", т.е. прогрессивные консерваторы (лидер – Джо Кларк). Нельзя также не учитывать и роли Новой Демократической партии (лидер – Эд Бродбэнт).

Избирательная кампания обещает быть напряженной. По общему мнению, Пьер Трюдо, как личность, имеет многие преимущества перед сравнительно неопытным и недостаточно "колоритным" лидером тори Джо Кларком. С другой стороны, неудачи и даже очевидные провалы экономической политики нынешнего правительства, его сумбурное поведение на внешнеполитической арене и более частные проблемы осложняют позицию либералов, давая их соперникам хорошие шансы на победу.

Фельетон "Почему бы не Саша?" представляет собой сатирический отклик одного из авторов "Современника" на политическую ситуацию в Канаде в преддверии парламентских выборов.

ПОЧЕМУ БЫ НЕ САША?

Политический фельетон.

Мой друг, который всегда голосует за либералов, страдая к тому же хронической "трюдоманией", протянул мне газету с фотографией Мистера Трюдо и его сына Саши. – Не правда ли, какой очаровательный сын у нашего премьер-министра? – спросил он.

– Хороший мальчик, – согласился я, и меня вдруг осенило. – Знаешь, если бы он, а не его отец, был премьер-министром, я стал бы, как и ты, сторонником либералов.

Мой друг намешливо хмыкнул. – Это, конечно, шутка?..

– Почему же? – возразил я. – И, окрыленный политическим вдохновением, произнёс спич, после которого мой друг прокричал: "Гип! Гип!.. Ура, премьер-министр Саша Трюдо!" Резюмирую для читателей свою красноречивую проповедь, в ходе которой я опроверг все доводы моего оппонента и, демонстрируя блестящую логику, полностью убедил его в своей правоте.

– Прежде всего, – сказал я, – забудем о возрасте! Лучше быть дитём на посту премьер-министра, чем, будучи премьер-министром, вести себя, как дитя. В самом деле, разве мистер Трюдо не самый наивный и инфантильный премьер-министр за всю историю Канады? Черчилль сказал однажды: тот, кто в 20 лет не является социалистом, не имеет сердца, а кто остается социалистом после 30 лет, тот не имеет разума. В этом смысле мистер Трюдо в его 58-летнем возрасте – настоящее дитя. Он не то социалист, загримированный под либерала, не то либерал, гримирующийся под социалиста. Ну, а Саша в силу возраста еще ничего о социализме не знает. Так не лучше ли для Канады иметь премьер-министром ребенка, не знающего, что такое социализм, коего не хочет страна, чем взрослого дядю, который не желает считаться с тем, чего страна не хочет?

Пойдем далее. То, что мистер Трюдо – плохой премьер-министр, ни в чем не умаляет сашиных достоинств. Во времена террора в Советском Союзе даже Сталин сказал: "сын за отца не отвечает" (хотя отвечать приходилось и за прадедушек). В наше время эта формула тем справедливей, что частенько и отец не отвечает за сына – сошлемся хотя бы на рост детской преступности! И почему бы не дать маленькому Саше поиграть в политику, если его отец превратил политику в сплошную игру? Сашу еще можно научить играть по правилам, а у мистера Трюдо игра идет против всех правил. Вернее сказать, правило у него лишь одно: цепляться за власть до конца и при любых обстоятельствах.

Вообще вопрос об играх не так уж несерьезен, как может показаться на первый взгляд. Я думаю, например, что Саша Трюдо играет в войну. Уже поэтому он мог бы уделить вопросам обороны страны куда больше внимания, чем мистер Трюдо, бывший в свое время принципиальным "отказчиком" от несения военной службы. Не дай Бог нам войны, но все-таки что делать стране, премьер-министр которой "принципиально" осуждает всё, что касается военного дела? Саша Трюдо, хотя бы играя, сможет сесть на "боевого коня", а "коньком" для его отца является близорукий пацифизм. Так кто же из них был бы лучше на посту премьер-министра в случае возникновения опасной ситуации?..

Трудно сказать, как справился бы Саша с проблемой Квебека и вообще с вопросами единства страны. Но если его отец не смог удержать строптивую жену, то как он сможет образумить мсье Левека и его сепаратистов? Человек, который не обеспечил "единства" в собственном семействе, – сможет ли он сохранить единым целое государство? Допускаю, что капризы Магги были разнообразнее, чем требования всех десяти канадских провинций вместе взятых, однако в настоящее время один мсье Левек способен капризничать не хуже Магги. Что же в таком положении делать мужу, потерявшему жену, и политику, теряющему доверие страны? Уйти в отставку? Но это именно то, чего мистер Трюдо хочет избежать любой ценой. Пойдем же ему навстречу. Зная его, в сущности, антимонархические чувства, вызывающие возмущение многих людей, дадим ему возможность

как-то сбалансировать его "республиканские" эмоции и лойялистские обязанности в отношении монархии! Пусть передаст свой пост сыну, словно "наследному принцу". И тогда все, большие "трюдоманией", не будут иметь повода сожалеть об уходе мистера Трюдо. Как говорится, Трюдо-старший ушёл – да здравствует Трюдо-младший! Принцип монархии не будет поколеблен никакими "пируэтами-пьероэттами". И сам "пируэтный" Пьер-Эллиот останется в памяти, несмотря ни на что, лойяльным подданным королевы!

А какую сильную позицию против консерваторов получают либералы на выборах! – Дядя Джо Кларк, не обижайте Сашу Трюдо! – смогут сказать они лидеру тори. И тот скромно отступит в сторону. В самом деле, не рискует ли взрослый человек "впасть в детство", соперничая с ребенком?.. Что касается НДП, то эта партия, столь склонная к социальным экспериментам, должна будет признать, что Саша на посту премьера – сверхэкспериментальный случай, и ему надо дать осуществиться.

Наконец, можно бодро заверить всех в Канаде и за ее пределами, что с проблемами инфляции, безработицы, служебной коррупции и т.д. Саше Трюдо так же успешно *не удастся* справиться, как не сумел с этим справиться его отец. В свете всего изложенного, не прав ли я, доказывая, что заменив мистера Трюдо его Сашей, мы, во всяком случае, не сделаем ситуацию в стране хуже, чем она есть? Не правда ли?..

Вот тогда-то мой друг-либерал и провозгласил: "Гип-Гип!.. Ура, премьер-министр Саша Трюдо!" А я, ободренный этой реакцией, решил посоветовать всем добропорядочным избирателям Канады голосовать на следующих выборах за либералов при одном условии: премьер-министром должен стать Саша Трюдо!

А почему бы и нет?

А. Д.

Библиография

ЛЕВ ФАБРИЦИУС. Ф.П.Богатырчук. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту. Сан Франциско, "Глобус", 1978.

Автор книги – последний, еще находящийся среди нас из числа людей, подписавших знаменитый Пражский Манифест 14 ноября 1944 года. Излишне подчеркивать значение этого исторического документа: о нем написаны десятки книг и сотни статей. На нем базируется свою деятельность СБОНР – единственная зарубежная политическая организация, обладающая четкой программой и настойчиво проводящая ее в жизнь.

Успех Манифеста и энтузиазм, вызванный им среди многомиллионной массы военнопленных и "остовцев", находившихся в то время в Германии, был обусловлен четко сформулированной политической программой, в частности, выражением в нем права на самоопределение народов России. Этот принцип вызвал безоговорочную поддержку власовского движения со стороны почти всех нерусских национальных организаций бывших граждан Советского Союза, находившихся на территории Германии. Необходимость объединения для борьбы с ненавистным режимом на родине была понята и осмыслена.

Власовское движение закончилось трагически: мученической смертью умер Власов и его ближайшие сотрудники, десятки тысяч солдат и офицеров РОА погибли в застенках и концлагерях, но идея Пражского Манифеста жива. У нее не только героическое прошлое, но и великое будущее.

Много места уделяет автор в своей книге встречам с Власовым, его ближайшими сотрудниками: Малышкиным, Трухиным, Жиленковым и другими, атмосфере съезда в Праге и последним дням Второй Мировой войны. Эти страницы необычайно ценны для истории власовского движения, т.к. написаны человеком, принимавшим непосредственное участие в организации движения и в его дальнейшей судьбе.

Свою личную жизнь автор рассказывает просто, иногда с налетом юмора, а рассказать ему есть о чем, ибо будучи известным рентгенологом и геронтологом, автором многих научных трудов, он является также и всемирно известным шахматистом, неоднократно бравшим первые призы на международных турнирах и носящим звание международного мастера.

На своей долгой жизни (он родился в 1892 году в Киеве) автор видел многое: жизнь в дореволюционной России, Первую Мировую войну; пережил революцию и все ее "прелести", Вторую Мировую войну, немецкую оккупацию. В конце концов он бежал на Запад и затем эмигрировал в Канаду.

В Канаде проф. Богатырчук редактировал газету "Схидняк" — орган украинцев-федералистов, и "Федералист-Демократ", также стоявшую на платформе принципа федерации народов России.

Прочитав книгу проф. Богатырчука, можно с уверенностью сказать, что она является весьма интересным произведением мемуарного жанра. Хочется думать, что эта книга — не последняя на счету талантливого автора.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ. Г.М.Александров. "Я увожу к отверженным селениям". Париж, 1978.

Может быть, слишком длинная, чтобы служить заглавием, жуткая строка Дантова "Ада": *Per me si va nella città dolente* — и с еще более леденящим кровь продолжением: *Per me si va nell' eterno dolore* право, как нельзя лучше подходит в качестве эпиграфа ко всем повествованиям о советских концлагерях.

Своеобразие данного романа в том, что в нем действие происходит в женском лагере, да и все главные его персонажи принадлежат к женскому полу. Приходит даже в голову сомнение, уж не женщина ли скрывается за не известным нам именем Александрова, о котором издательство не дает никаких сведений и о котором некоторые детали наводят на мысль, что он обитает в СССР.

Можно еще высказать предположение, что данная книга — его первый опыт; дело в том, что начало относительно слабее и поверхностнее, чем вторая половина; словно бы писатель творчески вырос за время работы.

Автор безжалостен в своем изображении быта, вплоть до введения в текст длинных разговоров на блатной музыке и до предельно откровенного описания лагерного разврата и пороков. Надо, однако, признать, что нарисовано всё это без тени смакования мерзостей, а с эпическим спокойствием свидетельства о правде.

Герои прямолинейно делятся на плохих и хороших. Правда, и тут их психология становится сложнее и многостороннее по мере рассказа. Ситуации же отчасти правдоподобнее и реалистичнее в первых главах, а к концу — более романтичны и авантюрны.

Основная героиня романа — юная девушка Рита, обаятельная, но не особенно глубокая по характеру. Однако в дальнейшем ее в значительной степени оттесняет на второй план более сложный и

интересный персонаж старой женщины – врача Любви Антоновны Ивлевой, бесстрашной и несокрушимой в своем служении добру.

Богатый внутренний мир этой последней, с ее страданиями и колебаниями, над которыми господствует чувство долга, раскрыт обстоятельно и убедительно. Что до ее политических представлений, они вызывают отчасти улыбку, но в целом верно передают предрассудки и предубеждения русской интеллигентки, сохранившей в немалой мере, от дореволюционной эпохи, шестидесятнические воззрения в их самом благородном и возвышенном варианте.

Так, для нее являются жупелом и как бы даже провозвестниками большевиков Иоанн Грозный и... Столыпин! Но ценность образа доктора Ивлевой – не в ее политической платформе, а в бескорыстной, гуманной и умной помощи людям и в облегчении их страданий. Ее фигура, да и силуэты других заключенных, – хотя рядом показаны и дотла морально разложенные уголовники и вовсе уж расчеловеченные чекисты, – вносят в книгу о страшных вещах светлую ноту: в самых ужасных условиях в сердцах людей живут дружба, любовь и самопожертвование. Поистине, "всюду жизнь"...

Так что, в отличие от подлинной преисподней, к земному аду все же нельзя до конца применить слова создателя "Божественной Комедии": *Lasciate ogni speranza voi ch' entrate*.

О. ПОТАПЕНКО. "Слово". Сборник украинских писателей. Литература, искусство, критика, мемуары, документы. Нью-Йорк – Эдмонтон.

Русским читателям, владеющих украинским языком (а таких в эмиграции есть немало) небезынтересно будет узнать, что украинские писатели вне Украины за последние 30 лет создали большую и своеобразную литературу.

В первые послевоенные годы, когда большинство украинских эмигрантских писателей жило в Германии и Австрии, был создан МУР ("Мистецький Український Рух"), объединивший в своих рядах представителей разных стилистических и идеологических (кроме коммунистического) направлений. Многолетним председателем этого объединения был выдающийся украинский писатель Улас Самчук. Издавался печатный орган организации – журнал "Арка", выходили десятки новых книг: романы, повести, рассказы, сборники стихов. Устраивались многолюдные литературные вечера.

С выездом основной массы украинской эмиграции из Европы изменились и обстоятельства ее литературной жизни. Ликвидировались некоторые издательства. Перестал существовать литератур-

ный журнал "Арка". Самоликвидировался и МУР.

В США, где сосредоточилось большинство украинской эмиграции, возникло новое писательское объединение "Слово", в которое вошли бывшие члены МУРа. В 1962 году появился первый сборник объединения. Это была толстая книга в 500 страниц, включавшая прозу, стихи и литературно-критические материалы. Главным редактором сборника был известный украинский литературовед и председатель "Слова" проф. Г.Костюк. В состав редакционной коллегии входили также: Святослав Гордынський, Галына Журба, Иван Коровыцький, Богдан Кравцив, Вадым Лесыч и Микола Шлемкевич.

В кратком редакционном слове "К читателю" сообщалось, что "украинский литературный процесс за границами родной страны — феномен реально существующий, он обусловлен трагической жестокостью эпохой становления и утверждения в мире нашей нации, нашей культуры за последнее сорокалетие... Сборник "Слово" не является выражением какой-либо одной группы, одного направления, одного стиля. В нем найдут место все: от самых традиционных реаллистов до самых левых модернистов. От наистарейших работников нашей литературы, начинавших свое творчество еще до революции... до самой молодой генерации... которая уже сегодня уверенными шагами входит в нашу литературу... Поэтому мы признаем полную, всестороннюю творческую свободу в идее, в выборе тем, объектов опозитивирования, в средствах выражения, в форме, в стиле и в мировоззрении."

В сборник вошли сочинения сорока одного писателя — как обещано в предисловии — от представителей старшего поколения (В. Вынныченко, Г.Журба) до самых в то время младших (Г.Рубчак и другие). Тематически, стилистически и жанрово сборник представлял собой панораму украинской эмиграционной литературы того времени.

В 1964 году вышел второй сборник, в 1968-ом — третий, и так с перерывами в 2-3 года между отдельными изданиями — до последнего, седьмого по счету (осень прошлого года). К объединению украинских писателей за рубежом, в центре в Нью-Йорке, присоединились писательские группы в Австралии, Германии, Англии и Канаде. Три последние сборника "Слова" (номера 5-7) изданы в основном усилиями канадского отдела "Слова", с центром в Эдмонто-не. Канадский отдел возглавляет литературовед Юрий Стефаньк, сын известного украинского писателя Васыля Стефанька. В редакционную коллегию канадских изданий сборника входят: Святослав Гордынський, Олег Зуевский, Юрий Стефаньк, Григорий Костюк, Борис Олександрив, Улас Самчук, Остап Тарнавський и Юрий Шевелев.

При сравнении предыдущих сборников "Слова" с тремя издан-

ными в Канаде, замечается, во-первых, меньший объем последних. Объясняется это тем, что значительное количество авторов, которые печатались в предыдущих сборниках, ушло из жизни. Умерли: И.Багряный, Т.Осьмачка, В.Маланюк, Б.Кравцов, Л.Ивченко, М.Понедилок, С.Гайдаривський, З.Дончук и другие. Приток новых авторов относительно слаб. Все же сборники остаются интересным отражением современной литературной ситуации в украинской литературе за рубежом. Все три сборника включают много интересного материала, но некоторое снижение стандарта по сравнению с предыдущими годами, чувствуется. Без притока новых сил, наподобие тех, какие получила в последние несколько лет русская зарубежная литература в лице новейших эмигрантов-диссидентов, украинской литературе в эмиграции угрожает самоисчерпание. Наряду с хорошими литературными материалами (О.Смотрыч, С.Гордынський, У.Самчук, Д.Козий, О.Гай-Головко, А.Галан, Ю.Клыновий, М.Тарнавська, С.Кузьменко, О.Черненко и др.), сборники включают также и посредственные, зачастую любительские сочинения. Обращает на себя внимание отсутствие в 7-ом сборнике таких писателей, как Д.Гуменна, Г.Журба, П.Карпенко-Крыныця, И.Качуровський, О.Веретенченко и некоторых других, творчество которых, несомненно, оживило бы некоторую вялость последнего сборника.

В заключение можно сказать, что украинская зарубежная литература имеет те же проблемы, что и русская: недостаток людей для работы в издательствах, недостаток финансовых средств, недостаток читателей и... недостаток хороших авторов.

С технической стороны сборник "Слово" очень привлекателен: яркая, твердая обложка, хорошая бумага, четкий шрифт. Обложку сборника нарисовал известный украинский график Я.Гниздоуевський. Цена сборника – 10 долларов.

МИХАИЛ БЕЛЫЙ. Раймонд А.Муди. "Жизнь после жизни" и "Думая над жизнью после жизни". Бэнтэм букс, 1976 и 1978.

Michael Byeli. Life after Life and Reflections on Life after Life by Raymond A. Moody, Jr., M.D. Bantam Paperback, 1976 and 1978.

Что значит умереть?

Этот вопрос задается людьми с незапамятных времен вплоть до нашего времени. Иногда его задают прямо, иной раз – в более косвенной форме. Древняя литература, начиная с одного из старейших эпосов о Гильгамеше, со старинных индийских, персидских и египетских мифов, вся пронизана постановкой проблемы смерти и духовного бытия после физического исчезновения, Изучение людей первобытного уровня жизни свидетельствует об их озабоченности

той же самой проблемой, и даже в современную эпоху она остается неизменно животрепещущей. Лев Толстой в рассказе "Смерть Ивана Ильича" дал образец детального и, можно сказать, "научного" анализа процесса умирания. В "Докторе Живаго" Пастернака молодой Юрий рассуждает о смерти, трактуя ее как постоянно возрождающую себя жизнь. Александр Солженицын влетает теме смерти в ткань всего своего повествования в "Раковом корпусе". Возможно, именно интерес к теме смерти и ее природе обеспечил русской литературе (в ряду других ее достоинств, разумеется) всемирное признание.

Неудивительно, что такое беспристрастное и очень умное исследование проблемы смерти, каким оказались две книги Раймонда А. Муди, вызвало огромный читательский интерес. В своих книгах д-р Муди собрал свидетельства людей, которые на какой-то момент были в состоянии клинической смерти или же имели опыт предсмертных ощущений, но которые были возвращены к жизни и оказались в состоянии рассказать о своем внутреннем, не-физическом существовании во время их "смерти". Что особенно интересно автора и что способно поразить читателя, это характерный феномен повторяющихся ощущений удивительной успокоенности и состояния парения, о котором свидетельствуют рассказы опрошенных д-ром Муди людей. Точно так же повторяются рассказы о том, что после "смерти" слышится какой-то неясный гул и перезвон колоколов, начинается стремительный полет через какой-то темный туннель (можно вспомнить толстовского Ивана Ильича!); в то же время дух отделяется от физического тела и наблюдает сцены, видимые и для взгляда живущих людей.

Особый интерес представляют рассказы о встречах с другими душами, даже с Духом Света (одни называют его ангелом, другие — Христом). Этот Дух обычно спрашивает, готов ли "умерший" действительно умереть и была ли его жизнь, которую он или она прожили, достойной жизнью. Этот вопрос не звучит как угроза или намек на приговор; скорее он выглядит очень дружественной попыткой заставить "умершего" подумать о своей жизни, познать самого себя до конца. Многие люди рассказывают о том, что воспоминание о прошлой жизни вызывает в них образ какой-то разграничивающей полосы, как бы водораздела, серой дымки, двери или изгороди, или же просто какой-то линии.

Другие элементы ощущений, описанные неоднократно, — это внезапное озарение всеведением, когда одновременно и ясно понимается всё прошлое, настоящее и будущее. Испытывается также растворенность в "небесной" сфере света — своего рода "Светограде".

Само собой понятно, что все люди, которые рассказали о своем "опыте смерти", вернулись к жизни. Одни должны были вернуться, чтобы осуществить до конца их былые жизненные цели; другие —

чтобы начать жить по-новому. Во многих случаях "возвращенные в жизнь" люди оказались способными совершенно преобразовать свою жизнь, посвящая ее служению ближним и укреплению духа любви и понимания в нашем мире.

Конечно, каждый волен иметь собственное суждение о содержании книг д-ра Муди. Эти книги — сейчас бестселлеры в США и Канаде. Нет никаких сомнений, что д-р Муди весьма объективен в сборе и анализе материала. Он отнюдь не пытается во что бы то ни стало привлечь на свою сторону читателя; он только хочет, чтобы читатель принял во внимание то, о чем свидетельствуют многие люди. Как хорошо сказала автору одна врач-психиатр, испытавшая сама предсмертный опыт: "Люди, которые имели этот опыт, — знают. Люди, которые его не имели, должны подождать."

Невольно вспоминается афоризм: "Учитесь, как если бы вы жили вечно; живите, как если бы вы могли умереть завтра."

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ. "Карпато-русские писатели". Бриджпорт, Коннектикут, 1977.

Надо быть признательным Карпато-русскому Литературному Обществу за переиздание книги профессора Аристова, опубликованной первоначально в Москве, в 1916 году. Она является вполне добросовестным, обстоятельным и компетентным научным исследованием, с более широким охватом предметов, чем указано в ее заглавии; ознакомившись с ней, читатель получает представление не только о литературе, но и об истории карпатороссов, а равно и о политических и идеологических проблемах их бытия вплоть до Первой Мировой войны, поскольку писатели Галиции, Угорской Руси и Буковины в основном активно участвовали в общественной и духовной жизни их родины.

Сведения же эти весьма ценны, ибо в силу позднейших событий нам часто приходится задумываться о судьбе и роли карпатороссов в пределах Советского Союза и за границей.

Аристов подробно излагает биографии главных карпаторосских писателей, разбирает их творчество, дает список их работ и даже прилагает их портреты.

Любопытно, что вопреки нашему обычному представлению о карпатской словесности как о преимущественно простонародной, наиболее крупные из ее деятелей принадлежали на деле по происхождению к знатным, но обедневшим дворянским родам (Д.Зубрицкий, Я.Головацкий, А.Духнович, А.Добрянский), причем такие из них, как Головацкий и Добрянский, были учеными специалистами с мировой репутацией.

При выборе языка для своих сочинений, перед лицом диалек-

тальной разобщенности и культурной необработанности местных наречий, они предпочитали пользоваться общерусской литературной речью, в силу чего их произведения, до известной степени, входят в состав русской литературы.

Отметим как курьез и авторский каприз употребление Аристовым имени Угрия вместо Венгрия (какое у него встречается только в цитатах), так же как и индивидуальную передачу мажарских фамилий, скажем: Зичий вместо принятого Зичи, Сепешгазий вместо Сепешгази и т.п. Более защитимо, хотя и сомнительно, что он и все местные названия дает в принятом у карпатороссов их варианте, например: Черновцы вместо Черновицы. Все же вряд ли допустимо писать Ердель вместо Трансильвания или хотя бы Семиградье.

Если высокое качество разбираемого нами труда в целом можно считать бесспорным, более проблематичный характер носят предпосланные ему при перепечатке вступительные статьи.

В первой из них, озаглавленной "Вместо предисловия" и дающей от имени Карпато-русского Литературного Общества, мы с некоторым удивлением читаем (после упоминания о вековечной мечте карпатороссов об объединении их края с Россией): "Эта мечта в наши дни сбылась, однако не полностью, так как Лемковская и Пряшевская Русь еще остались вне пределов русской государственности." Почтенные переиздатели явно смешивают понятия Россия и СССР!

Зато согласимся с их следующей здесь же фразой: "Крепкий, сознательный и неистребимый патриотизм русского населения этой самой отдаленной западной русской Украины вносит отрезвляющую ясность в безнадежную драму современного украинского сепаратизма, убедительно разоблачая и опровергая его нищую, вздорную и ложную сущность."

Что же до очерка Пантелеймона Юрьева "Федор Федорович Аристов" (1888-1932), резким диссонансом звучат в нем, непонятно для чего введенные, иневные инвективы по адресу охранки, царской власти, русской военщины и даже славянофилов! Они тем более не на месте, что сам-то Аристов везде говорит о российских государствах с глубоким почтением, об успехах русского оружия — с чувством патриотической гордости, а о славянофилах как их верный последователь...

Если же взять карпаторосских писателей, про коих он пишет, то они ведь, подобно другим славянам, всегда смотрели на Русскую Империю с надеждой, чая от нее освобождения и радуясь ее победам и завоеваниям; а славянофилы, натурально, изо всех течений русской мысли, пользовались их особыми поддержкой и симпатией.

Ибо, как верно и отмечает Аристов: "идея общерусского национально-культурного единства являлась основным фактором всей общественной жизни Карпатской Руси."

АЛЕКСАНДР ГИДОНИ. Поэзия в концлагерях. Составитель А. Шифрин. Публикация Центра исследования тюрем, психтюрем и концлагерей в СССР. Израиль, 1978. Эдуард Лимонов. Это я — Эдичка. Роман. — "Ковчег", №3. Париж, 1979.

"Поэзия в концлагерях" — небольшая книга (немного более ста страниц) с бесспорно большим значением. Всяческой благодарности заслуживает составитель ее — Авраам Шифрин, доведший "до слова и до света" стихи, которые могли остаться навсегда погребенными если и не в зонах "Архипелага", то в разрозненных записях и в недолговечной памяти отдельных людей. Теперь стихи узников советских концлагерей — общественное достояние. И это не взирая на то, что отнюдь не все они, так сказать, "апеллируют к общественности". Во многих стихотворениях внешне (как правильно замечает А.Шифрин) даже "не чувствуется лагерь". И все-таки это — произведения настоящих "Муз ГУЛага", с тем надрывом, без коего не может быть тюремной поэзии, с тем обостренным чувством любви к свободе, которое ведомо только узникам.

Поэты, представленные в сборнике, очень разнятся по своим индивидуальностям. Самый талантливый среди них — Валентин Соколов, человек трудной судьбы и великого поэтического дара. Говорю это не только на основе прочитанного в сборнике. В конце пятидесятих годов я был вместе с В.Соколовым в мордовском лагере и имел возможность видеть рождение многих его стихов (в частности, опубликованной в сборнике поэмы "Гротески"). Многие часы провели мы в разговорах о поэзии и ныне строки тех или иных соколовских стихов невольно вызывают во мне воспоминания лагерного времени. (Более подробно я пишу о знакомстве с В.Соколовым в одной из глав своей, подготовленной к печати, автобиографической книги "Солнце идет с Запада"). Без преувеличения можно сказать, что Валентин Соколов является поэтом с дарованием есенинского масштаба. Имей он возможность печататься — это не пришлось бы доказывать, а так судьба Соколова пополняет список загубленных советской властью поэтов э к с т р а к л а с с а.

Из других представленных в сборнике авторов я лично знал в Потьме Игоря Авдеева. Вполне сочувствуя общей тенденции его стихов, я, тем не менее, не могу оценивать его столь высоко, как В.Соколова. Стихи Авдеева большой поэтической силой и оригинальностью не отмечены, но, разумеется, они имеют право занять свое место среди поэзии его солагерников. Не совсем точно указание составителя сборника о том, что тетрадь стихов Авдеева есть "первый в СССР образец самиздата стихов в лагерях" (тетрадь помещена 1961 годом). Еще в 1959 году на штрафном лагере в Леплее мы: автор настоящих строк, В.Соколов, поэт-молдаванин Борис Марьян и художник Юрий Иванов, выпустили, блистательно оформленный Ю.Ивановым, альманах "Сиречь". Думаю, что образцы "ла-

герного самиздата" появлялись и ранее.

Всего в сборнике "Поэзия в концлагерях" представлено 15 имен (не считая стихов "неизвестных авторов"). Из них к наиболее ярким поэтически следует отнести Геннадия Черепова, Якова Хромченко и украинца Василя Стуса. Разумеется, не лишены многих частных достоинств стихи и тех авторов, которых я не упоминаю.

Вполне сознательно не касаюсь я проблемы политического значения сборника "Поэзия в концлагерях". Оно самоочевидно, однако главное, по-моему, состоит именно в том, что издание книги лагерных поэтов вводит их в сферу искусства как такового, где они могут оцениваться не со скидкой на "судьбу узников", а как полноправные граждане "страны Поэзии".

* * *

Третий номер литературного журнала "Ковчег" практически занят одной публикацией – романа Эдуарда Лимонова "Это я – Эдичка". Для такой "избранной" публикации есть все основания. Несмотря на шокирующий язык автора и его психологически-сексуальный эксгибиционизм, роман Лимонова отмечен печатью несомненной талантливости. По стилю, а вернее, по своему "стилистическому окоему", если можно так выразиться, роман в целом следует манере "лирической прозы", напоминающей Д.Сэлинджера или В.Аксенова. По степени психологической откровенности и честности перед самим собой он почти беспрецедентен. В статье-комментарии к роману Лимонова, помещенной в "Ковчеге", А.Крон очень умно и объективно оценил и сам роман, и многое, что определило его появление, равно как и стиль, идеологические эскапады, эмоциональный настрой лимоновского повествования. Сам по себе факт публикации такого талантливого, но и "скандализирующего" литературных мещан эмиграции, произведения можно занести в бесспорный актив "Ковчега". (Весьма похвальной является и позиция журнала, которая характеризуется редакционной репликой на стр. 10: "Никакой целенаправленной цензуры не производилось, поскольку "Ковчег" подобным делом не занимается"). В этом плане у "Ковчега" не мешало бы поучиться кое-кому. Вспомним – по контрасту – хотя бы грубейший окрик А.Седых ("НРС", 6 февраля 1979 г.) по адресу Лимонова: дескать, "здоровенный мужик", такому бы, мол, только вкалывать – и так далее, совсем в манере советских "проработок" неудобных авторов. Впрочем, Лимонов как "нежелательный автор" у Седых не первый и не последний. В оценке редактором "НРС" представителей "третьей волны" бесконечно переплетаются художественная недалёковидность и личное пристрастие.

Восприятие творчества Лимонова "ковчеговцами", напротив (как видно хотя бы по статье А.Крона) соответствует правилам подлинно эстетической и деловой критики. Лимонова отнюдь не принимают целиком, но уж если критикуют, то по существу, без ярлы-

ков и передержек.

Кстати, критиковать Лимонова и есть за что, и не так уж трудно. При всей талантности его прозы, в ней много неустоявшегося. Использование мата как постоянного элемента не только речи героев, но и авторского языка, вызывает не слишком приятные эмоции. Прослыть Барковым прозы — честь сомнительная; Барков и в поэзии приемлем только один раз, не более. Если же Лимонов решил на русской основе повторить некоторых англоязычных авторов, пользующихся "англо-американским матом", то и такая эзопская сверхзадача сомнительна по своей ценности. И, однако, при всех оговорках в адрес Лимонова, его роман "Это я — Эдичка" — произведение, которым, как минимум, не сможет пренебречь ни один подлинно объективный исследователь русской литературы Зарубежья. Простым же читателям лучше всего прочесть роман Лимонова без критических наставлений предваряющего свойства: даже шокирующее его воздействие будет полезно для пробуждения живого, художественно-творческого импульса.

ГАЛИНА РУМЯНЦЕВА. Михаил Армалинский. Маятник. Ленинград, 1976. (Напечатано в Миннеаполисе, США. Издатель — Михаил Пельцман).

Третья книга стихов Михаила Армалинского. Первое наше знакомство с поэтом. Так сказать, "с третьей попытки". Но пресловутый "занавес" преодолен — стихи освобождены, напечатаны, представлены на суд читателю.

И видно, что поэт всё может.

Поэту — всё можно.

Армалинский — поэт. Этим и интересен.

Сборник стихов назван "Маятник". Название отражает соотношение поэта и темы: любовь—любовью—о любви — во всех падежах и смыслах.

*Моё стихотворенье — это только клеть,
в которой ты живешь — читателю гостинец.
О, люди всех времён! Бегите же смотреть
моих страстей диковинный зверинец. (стр. 73)*

Таков его главный прием — самообнажение. То истеричное, то хаотичное, то вызывающе-грубое, а то — целомудренное:

*Нам не понять Ромео и Джульетту.
Лишь двадцатью годами овладей,
вдруг осеняет нас холодным светом
взаимозаменяемость людей.*

От ранней юности давно оправясь,
погибнуть от любви — не по душе.
Но даже смерть их вызывает зависть,
как всё, что недоступно нам уже. (стр. 84)

Его лирический герой — служитель Любви, любвепоклонник — иронич-
ный и усталый — но приносящий своему божеству всё новые "жертвы".

А я, не признавая моногамий,
смотрел на женщин с яркими ногами —
твои объятия глаза не затмевали.
Они на берегу с другими затевали
подобие прекрасных отношений,
которые у нас — петлёй на шее. (стр. 68)

Иначе он и не хочет жить, и не должен, и не может, как ему кажется.
-наче — конец всему. Вот что будет иначе:

Когда ж исчез гарем и мѐн
и блуд в глазах и под глазами,
вдруг оказалось — у времѐн
завод окончился. Мир замер. (стр. 72)

С настойчивостью маятника поэт, маясь несказанностью любви, прези-
рая "шуры-муры" у больных словесными восторгами", страдая от разлуки
с любимой с "разновесом редких писем", поэт не устаёт собирать "стихов
подстрелянную дичь", среди которых есть — прямо скажем — редкостные
по концентрации мысли:

В любой прямой — дрожанье пляски Витта,
в любом порыве — мёртвый ритуал.
И лишь любовь дала мне силу видеть
в несовершенстве вечный идеал. (стр. 95)

и наполненные почти есенинской страстностью горьких чувств:

Любимая! Я только о тебе!
А в голове моей — температура.
Неведомая, новая ступень
болезненной и злой литературы
встаёт передо мной... (стр. 102)

Но от всего этого, как к спасению — "Назад! В простую жизнь стихов"
— поскольку только оно — истинное бытие поэта:

Но коль я за день стих не совершил,
то бытие, хоть на вершок, а меркнет. (стр. 86)

А преданность поэзии вознаграждает Михаила Армалинского множеством поэтических находок, неожиданных сравнений, свежих рифм и образов:

"В саду царит грехопаденье яблок..."

"продрог сугроб до косточек снежинок..."

"курчавые пальцы младенца..."

"и стучит мое сердце, как палка слепца..."

"И острый луч заката царапает заливы..."

"остролицая пуля", "самолёт залётный", "слова с потерянной душой" и т.д.

К сожалению, на этом пути Армалинский подбирает и вставляет в стихи не только драгоценные находки, но и суррогаты. "Оживляя" слово – уродует его; увлекшись ритмом – пренебрежёт рифмой. Но это всё – в извинительной пропорции издержек талантливого творческого поиска автора.

Вышел в свет шестой номер ежемесячного журнала "Факты и Мысли". Журнал издаётся на русском языке издательством **Russian Problems** и освещает проблемы, волнующие эмигрантов из СССР. Первоочередное внимание уделяется национальному вопросу.

В ШЕСТОМ НОМЕРЕ:

1. Сообщение из СССР: День прав человека в Москве.
2. Др. Вайра Вике-Фрейберг: О свободе и ценностях гуманизма.
3. Декларация Независимости Украины.
4. Признание Независимости Украины советским правительством.
5. Иосиф Гурвич: Расправа царской администрации с народами Кавказа признавалась историками царской России.
6. Генрих Шахнович: Если Ваши позволяют.
7. Связан ли голод на Украине в 1933 году с коллективизацией?
  - а/ Письмо Валериана Сокольского.
  - б/ Ответ редакции журнала "Факты и Мысли".

Цена подписки на ежемесячный журнал "Факты и Мысли":

12 месяцев – 10.00 долларов.

6 месяцев – 5 долларов 50 центов.

3 месяца – 3.00 доллара.

Цена одного номера – 1.00 доллар.

*Чек и мани-ордер адресовать: **RUSSIAN PROBLEMS***

154/156 Broome St., apt. 6c New York, NY 10002. U.S.A.

Издательство "Современник" выпустило в свет
н о в у ю к н и г у :

Галина Румянцева

РАЗРЫВ - ТРАВА

В сборник вошли стихи поэтессы разных лет.

Цена книги с пересылкой – 5 долларов.

Заказы можно направлять по адресу "Современник"
(См. Объявление о подписке на журнал)

Художественный Музей г. Бохума (ФРГ), возглавляемый Доктором Шпильманом – специалистом по современному искусству, пошел навстречу независимым художникам СССР и организует "отдел художников Восточной Европы и СССР". Специально для этой цели строится прекрасное выставочное помещение, реставрационная лаборатория, типография, библиотека, архив, – весь комплекс научно-исследовательского центра, посвященный изучению своеобразного развития художественного творчества Восточной Европы и СССР.

В связи с расширением картинного фонда этого отдела Инициативный комитет обращается к художникам и друзьям свободного творчества за моральной поддержкой и посильной помощью.

Полученные произведения будут постоянно формироваться в групповые и персональные выставки как в Музее г. Бохума, так и в других городах Европы. Все средства массовой информации будут употреблены для пропаганды творчества художников. Музей г. Бохума имеет контакт с лучшими галереями мира, критиками искусства и знатоками независимого искусства СССР.

Ваши картины, скульптуры, графику и прочие материалы следует направлять непосредственно по адресу Музея г. Бохума:

MUSEUM BOCHUM. 4630 Bochum 1, Kortumstrasse 147

Или членам Инициативного комитета, по месту жительства.

ИНИЦИАТИВНЫЙ КОМИТЕТ:

Ф р а н ц и я – Воробьев, Зеленин, Леонов, Нусберг, Шелковский, Бугрин.
А м е р и к а – Бахчанян, Косолапов, Крынский, Соханевич, Синявин, Бурдуков.

И з р а и л ь – Апрель, Гробман, Збарский, Красный, Серкин.

А Н О Н С ! ! !

В следующих номерах "СОВРЕМЕННОГО" будут опубликованы:

Продолжения книг ЛЕОНАРДА ГЕНДЛИНА и ИГОРЯ СИНЯВИНА.

В поэтическом отделе – очередная песнь поэмы ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛШИНА. Стихи постоянных сотрудников и новых авторов "Современника".

Будут опубликованы статьи о книгах УЛАСА САМЧУКА.

В числе других материалов: рассказы ВЛАДИМИРА РУДИНСКОГО, пьесы П.ПЕТРОВА, очерк ЮРИЯ БОРИКА, переводы Р.КРАСИЛЬЩИКОВОЙ.

В плане очередных номеров журнала статьи:

ЕВГЕНИЙ ВЕРТЛИБ. От Гоголя до Гегеля или "Мертвые души" в "Селе Степанчикове" Достоевского.

ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЗЙКАЛОВИЧ). Что же такое знание? (Из переписки с Н.О.Лосским о креационизме).

ВЛАДИМИР СЕДУРО. Спектакль триумфального успеха. ("Братья Карамазовы" в МХТ в 1910 году).

НИНА АВСЕЕНКО. Женские образы в романе Солженицына "В круге первом".

ВАЛЕНТИ ЦУКЕРМАН. Литературная Одесса сегодня: Творчество Аркадия Львова.

МИХАИЛ ПОЛЯНСКИЙ. Английский сюжет под пером Гоголя.

АЛЕКСАНДР УДОДОВ. Советско-китайская война?

В "Современнике" будут по-прежнему широко представлены отделы: "Литературное Наследие", "Форум", "Канада" и "Библиография".

О Г Л А В Л Е Н И Е

Содержание на английском языке	3
Английское резюме основных материалов номера	5
ЛЕВ ФАБРИЦИУС. Возврат. Р о м а н	6
М.ВОЛКОВА. "Как найти среди многих дорог..."	23
К.АКУЛА. Белорусы, вас ждет земля! Отрывок из романа	24
В.ПЕРЕЛЕШИН. Поэма без Предмета. Песня Четвертая	29
АЛЕКСАНДР ГИДОНИ. Накипь. П о в е с т ь	59
Е.ВЕРТЛИБ. "В дожде есть откровение..."	89
АЛЕКСАНДР УДОДОВ. "Удивительная Швеция". О ч е р к	90
ДАНИИЛ НАДЕЖДИН. Два стихотворения	95
И.СИНЯВИН. Человеку Творящему. В о с п о м и н а н и я	96
НАТАЛЬЯ АРСЕНЬЕВА. Стихи. Перевод с белорусского	108
КАСТУСЬ АКУЛА. О Н а т а л ь е А р с е н ь е в о й	113
ЛЕОНАРД ГЕНДЛИН. Расстрелянное Пятидесятилетие	115
В.ИНГУЛ. Два стихотворения	123
Д.НАДЕЖДИН. Летун. Р а с с к а з	125
АРКАДИЙ ШТЕЙНБЕРГ. День Победы. Стихотворение	127
П.БОЛДЫРЕВ. Ложная ложь. <i>Об одной ленинградской истории</i>	128
А.ГИДОНИ. Стихи разных лет	136
ВЛАДИМИР КАЗАКОВ. Формула прозы	140
ЮРИЙ ГРИГОРОВ. Герострат из "Граней"	150
П о з д р а в л я е м З.А.ШАХОВСКУЮ	161

Л и т е р а т у р н о е Н а с л е д и е

Т. ПАХМУСС. Вера Булич, русский поэт в Финляндии	162
Е. КУЛЕШОВА. Перепевная полифония в "Мелком бесе" Сологуба ..	169

Ф о р у м

ИОСИФ ГУРВИЧ. Журнал "Континент" и национальный вопрос	179
ВАЛЕНТИН ГИНДИН. Что нужно, чтобы пришел Христос?	185
Из редакционной почты. О т в е т Р е д а к т о р а	192
МАРИЯ СТЕННИК. Политическая Недотыкомка. Ф е л ь е т о н	201
АЛЕКСАНДР УДОДОВ. Ответ Синявину	203
НИКОЛАЙ ТЕТЕНОВ. Жертва провокации	205
Р. ЧЕРТОГОНОВ. Эрудиция господина Максимова	208
ИГОРЬ СИНЯВИН. Национальная Россия или Империя?.....	209
Х р о н и к а	214

К а н а д а

"Канадское" стихотворение ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА	217
"Современник" и программа "мультикультурализма"	219
С. МЮГЕ. Г и б р и д. Корреспонденция из Монреала	220
ГАЛИНА РУМЯНЦЕВА. Ниагара. Стихотворение	222
А. Д. Почему бы не Саша? Ф е л ь е т о н	223

Б и б л и о г р а ф и я

Лев Фабрициус. *Ф.П.Богатырчук. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту.* Владимир Рудинский. Г.М.Александров. *Я увожу к отверженным селениям.* О. Потапенко. "Слово". *Сборник украинских писателей.* Михаил Белый. Раймонд А. Муди. "Жизнь после жизни" и "Думая над жизнью после жизни". В. Рудинский. "Карпато-русские писатели". Александр Гидони. "Поэзия в концлагерях". Эдуард Лимонов. "Это я – Эдичка". Роман. – "Ковчег", №3, 1979.
Галина Румянцева. Михаил Армалинский. *Маятник.* 226–238

Объявления. Анонс.	238–240
Содержание на русском языке	241
Исправление опечаток	243

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА "СОВРЕМЕННОК"

Это – независимый русский литературный и общественно-политический журнал. Способствуйте развитию и сохранению традиций великой русской литературы и родного языка! Поддерживайте журнал "Современник"!

Подписная цена для университетов и библиотек – 20 долларов в год.

Для индивидуальных подписчиков – 15 долларов за 4 номера.

Пенсионеры платят 12 долларов за 4 номера.

Цена одного номера в розничной продаже – от 5 до 10 долларов.

ОПЕЧАТКИ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА:

В тексте романа Л.Фабрициуса "Возврат" на стр. 8 двадцатая строка сверху должна читаться: Мой адрес она тоже могла незаметно у Моники выпросить.

В тексте книги Л.Гендлина "Расстрелянное Пятидесятилетие" на стр. 50, строка 9 снизу, надо читать: нет худа без добра.

В поэме В.Перелешина, в строфе 68, первая строка сверху, следует читать: построчников. В строфе 71 (вторая строка): отказываясь.

В повести А.Гидони "Накиль", стр. 73, стр. 17 сверху, надо читать: устроились. На стр. 105, строка 18 снизу: чувствовал.

В статье П.Болдырева, на стр. 182, тринадцатая строка сверху должна читаться: "Ибо отнюдь не о либерализме, но о его одностороннем и искаженном философском следствии – позитивизме – можно сказать, что он "разрывает жизнь."

На стр. 206 в статье Д.Панина (строка 22 сверху) надо читать: служить.

В тексте Открытого Письма И.Синявина, на стр. 226, строка 13 сверху, надо читать: икононосец. Там же, третья строка снизу: доньне. На стр. 231, пятая строка сверху, должно быть: Рыбаковым и Волковым.

В рецензии Ю.Григорова, стр. 251, строка 23 снизу, надо читать: материала.

ПО Д П И С Н О Й   К У П О Н

Ваши Имя, Отчество и Фамилия . . . . .
(Пожалуйста, печатными латинскими буквами!)

Ваш адрес: . . . . .
. . . . .

Приложите Ваш чек или мани-ордер, выписанный на "Современник", и пошлите по адресу редакции: **Sovremennik**

P. O. Box 2217, Station 'C'

Toronto, Ont. Canada M3N 2S9

Просьба к авторам "Современника" направлять рукописи по этому же адресу.

\$10.00

ISSN 0038 — 5948

Sovremennik Publishing Association Incorporated
9 Garnet Ave., Toronto, Ontario, Canada M6G 1V6